

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(19-го июня 1836 года).

Сіятельныйшій графъ,
милостивый государь!

Беру смѣлость продолжать письмо, дошедшее къ Вашему Сіятельству по послѣдней почтѣ.

... Великой душѣ Его принадлежить сдѣлать *болѣе!*. Сдѣлать меня, подѣ старость *полезнымъ*. „Что въ томъ“ сказала нѣкогда Екатерина I Своему Супругу, смягчая гнѣвъ Его, чтобъ лишать Себя годнаго орудія!...

Если не могу я быть употребленнымъ по части Просвѣщенія, для которой писалъ Уставы (теперь конечно усовершенныя!) испросите мнѣ, Сіятельныйшій графъ, право и способы составить статистику нашихъ трехъ губерній. Я уже предлагалъ сію мысль графу Василию Василіевичу. Мнѣ ни какого пособія не надобно, кромѣ четырехъ моихъ сыновей, достаточно приуготовленныхъ на сей конецъ—и 30 тыс. рублей въ два года заимообразно изъ приказовъ описываемыхъ губерній. Продажею экземпляровъ сочиненія, не недостойнаго вѣка и царствования, уплатится эта сумма—необходимая на инструменты для снятія вѣрныхъ картъ (которыхъ не бывало еще) на проѣзды, горныя испытанія, многочисленные объѣзды и посѣщенія, слѣдовательно и на взаимныя угощенія тысячи лицъ можетъ быть изъ разныхъ состояній (ибо иначе не познаются ни дѣйствія, ни потребности народа!), на конецъ и на собственное содержаніе съ прислугою и людьми края, которые для черныхъ работъ употреблены быть должны. Какъ не надеженъ употребляемый до нынѣ способъ: его говорилъ я еще за двадцать лѣтъ г.г. Министрамъ. Статистическое описаніе его, Харьковской, Полтавской, и Черниговской губерній, да послужить опытомъ: *чего* можно ожидать ввѣривъ, подобно, другія губерніи, другимъ лицамъ съ тѣмъ же усердіемъ и любовью къ Отечеству и наукамъ. Мы, кромѣ уважительнаго труда губернатора Степанова, ничего еще достойнаго Европейской публики въ этомъ родѣ не имѣемъ. Свѣдѣнія наши основываются на показаніяхъ волостныхъ писарей. А между тѣмъ вѣрная статистика необходима, какъ *основаніе* настоящихъ и будущихъ усовершенительныхъ дѣйствій Правительства. Объѣздъ и обзоръ, каковые я предполагаю открыть... болѣе нежели себѣ представить можно и въ физическомъ, и въ нравственномъ, и въ политическомъ смыслѣ.

Повторяю увѣреніе мое въ глубочайшемъ къ Вамъ почтеніи, въ искренней преданности и въ надеждѣ, что Вы дадите мнѣ возможность доказать сіи къ Вамъ, и истиннаго моего благоговѣнія къ Государю, чувствованія. Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Василій Каразинъ.

Харьковъ 19 іюня 1836 года.

Въ Харьковскую палату гражданского суда.

(18-го ноября 1836 года).

Харьковская гражданская палата, отказавъ помѣщицѣ Подгоричани-Петровичевой и поддерживавшему ее Богодуховскому земскому суду въ ожиданіи ихъ остановить исполненіе по указу Прав. Сената Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ отъ 9 октября 1834 года, который объявленъ рѣшительно таковыхъ же 9 октября 1835 годовъ, безъ сомнѣнія почитаетъ сіе дѣло поконченнымъ и объ сего разумѣ донесла Сенату, но къ сожалѣнію моему я долженъ принести мою жалобу (представивъ уже подобную же сей день въ губернское правленіе), что исполненіе упомянутыхъ указовъ учиненное земскимъ судомъ на бумагѣ, объявленіемъ оныхъ обѣими сторонами на дѣлѣ до сихъ поръ останавливается непослушаніемъ и противуборствомъ графини Подгоричани-Петровичевой. Она продолжаетъ насильственно владѣть во всѣхъ уничтоженныхъ тѣми указами межою мѣстахъ два раза собравъ незаконно хлѣбъ и сѣно, истребляетъ строевой великой цѣны лѣсъ, не допускаетъ къ работамъ моихъ поселянъ, выводя своихъ толпами и угрожая дракою и убійствомъ, между тѣмъ увѣряя простой народъ, что распоряженія начальства ничего не значать. Ссылаюсь на рапортъ опекуна титул. совѣт. Аксюка, поданный въ Дворянскую Опеку 28 октября сего года, который по взаимнымъ нашимъ (извѣстнымъ гражданской палатѣ) отношеніямъ съ предводителемъ дворянства Нахимовымъ, конечно, не будетъ уваженъ. Почему и прошу какъ о предписаніи Богодуховской Дворянской Опеки защитить мое имѣніе отъ насильства помѣщицы графини Подгоричани-Петровичевой, а земскому суду исполнить на самомъ дѣлѣ введеніе ее въ предѣлы бывшего временнаго ея владѣнія, такъ и объ отданіи ея графини за неповиновеніе верховной власти и явное буйство подъ судъ*.

Т. И. Селиванову.

(1836 года).

Милостивый государь,
Тимоѣй Ивановичъ!

Весьма кстати, сегодня четвергъ, не хочу пропустить случая по идущей на Донъ почтѣ сказать вамъ нѣсколько словъ для взаимнаго васъ поздравленія и въ благодарность за Ваше дружеское письмо отъ 24-го генваря. Одолжаете вы меня, добрыйшій, любезнѣйшій, истинно почитаемый мною Тимоѣй Ивановичъ, памятью вашей обо мнѣ! Присланные вами вещи пріятны и весьма, весьма замѣчательны; только забыли или не могли, вѣрно, приложить эк. и рѣчи сенаторовъ; изъ нихъ Василій Ивановичъ мнѣ знакомъ, можете ему сказать мое глубокое почтеніе, если это мое письмо застанетъ его еще въ Черкасскѣ. Выѣстъ съ прочимъ не поправятся ли и ваши училищныя дѣла, да и собственные, личныя ваши? *Наконецъ* можно бы было вставить въ вопросъ. Вѣроятно, Ив. Як. Золотаревъ рассказывалъ вамъ о своемъ подвигѣ у попечителя относительно до Васъ, не забылъ сказать и того, что я въ немъ отъ сердца участвовалъ. Я говорилъ о васъ графу Юрію Александровичу все, что внушали обстоятельства и истинное къ вамъ уваженіе и доброжелательство. Были какъ то и надежды на возвращеніе васъ сюда по новому штату университета. Все это съѣхало на нуль, не вѣдаю почему, можетъ статья, и за неприведеніемъ штата въ дѣйствіе. Мѣсто синдика было въ предметѣ; впрочемъ, не надо унывать: напротивъ, *дѣйствовать* продолжать. Будемъ же философами *на дѣлѣ*, почтенный Тимоѣй Ивановичъ, моя участь похожа на вашу, я и подъ сырыми Шлиссельбургскими сводами не задумывался. Примите увѣренія въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности. Вашъ покорный слуга

Василій Каразинъ.

Князю И. А. Лобанову-Ростовскому.

(13-го февраля 1837 г.).

Какъ я, въ половинѣ седьмого десятка стоящій, безволосый старикъ, надѣялся на Васъ, добрыйшій Иванъ Александровичъ! особливо написавъ къ Вашему Превосходительству 25-го іюля прошлаго года!.. И какъ, послѣ долговременнаго ожиданія, *разразился надо мною громовый ударъ Сенатскаго Указа на прошеніе мое отъ 27-го апрѣля!..* Онъ достигъ до меня 9-го сего мѣсяца, сопровождаемый всѣмъ, что только могъ избрѣсть Князь Петръ Ивановичъ, чтобы сильнѣе меня раздробить. Меня призвали чрезъ полицію, втокнули въ кабинетъ, вытянули въ стрѣлку предъ секретаремъ, приказывая слушать, потомъ кричали на меня, грозили рукой, наконецъ, повели въ канцелярію, чтобы взять расписку, въ которой послѣдствіе жалобы моей *на Топчя* именно должно было быть выражено. Такъ грозно и всегда ведетъ себя Князь Петръ Ивановичъ противъ человѣка, которой по волѣ величайшаго изъ Государей Европы писалъ Уставы Народнаго Просвѣщенія тогда еще, какъ Его Сіятельство маралъ пеленки на рукахъ кормилицы своей. Что уже спрашивать о приличіи, общемъ въ земляхъ образованныхъ, о уваженіи къ сѣдинамъ, чину, ордену, дипломамъ, отзывамъ обо мнѣ лучшихъ людей въ Царствѣ и благодарному свидѣтельству (на письмѣ) того города, гдѣ все ето происходитъ, о вліяніи моемъ на его благосостояніе?.. Стоя предъ Трубецкимъ (ибо онъ не посадилъ меня еще ни однажды!) я обыкновенно воображаю себя въ лѣсу, предъ лицомъ существа, коимъ довольнымъ быть должно, если оно не терзаетъ тебя на части: по чему я обыкновенно безмолствую. И сей разъ я осмѣлился раскрыть ротъ, только чтобы поздравить Его Сіятельство съ полнымъ успѣхомъ.

Но какимъ образомъ *личное* мое дѣло съ обѣими его чиновниками особыхъ порученій, изъ которыхъ одинъ обидѣлъ мою сестру, бывшую подъ моимъ попечительствомъ *по указу опеки* и у меня самого незаконно за бездѣнокъ отняли отцовское имѣніе, а другой уничтожилъ меня публично въ Дворянской залѣ, и остался безъ выговора даже, между тѣмъ, какъ меня позвали *чрезъ полицію* подъ предлогомъ узнать отъ меня исторію сего произшествія, какимъ образомъ моя жалоба на нихъ и на Правленіе не справедливо ихъ защитившее, изъяснена *въ видѣ смѣшиванія въ дѣла Правительства?* Етого я ни какъ не могу понять:

и долженъ приписать какому нибудь странному донесенію въ Сенатъ Князя Трубецкаго, которое для меня, просителя, остается *тайною*. Мнѣ запрещено, это правда, посылать *бумаги*, т. е. разсужденія болѣе или менѣе политическаго содержанія къ Августѣйшему Государю Императору (каковая и поводъ подала къ запрещенію) не подвергнуть ихъ прежде цензурѣ губернатора; т. е. по причинѣ нѣсколько необщаго дерзновенія, каковымъ я пользовался болѣе тридцати лѣтъ жизни и вѣроятно не умѣлъ положить ему границъ, я лишился и долженъ былъ лишиться права даннаго прочимъ вѣрноподаннымъ. Но жалобы и всѣ другія съ официальнымъ порядкомъ совмѣстныя прошенія мнѣ дозволены. Таково содержаніе данной мною г-ну Каховскому 23-го апрѣля 1833-го года подписки. Все, что въ сей категоріи находится, есть изобрѣтеніе Князя Трубецкаго—или паче того, кто писалъ его отвѣтъ въ Правительствующій Сенатъ. Оба избранные имъ, къ удивленію губерніи, чиновники особыхъ порученій, которыхъ онъ имѣть слабость во всемъ слушать, суть люди негодные. Вы увидите, что это немедленно откроется въ пріѣздѣ умнаго нашего генералъ-губернатора. Оба они пройдохи неизвѣстнаго происхожденія, вышедшіе въ чины не заслугами, но щастливою сноровкой, что я очевидно доказалъ въ моемъ прошеніи, поданномъ въ Губернское Правленіе въ сентябрѣ, кажется 1834-го года о Топчѣѣ. Одинъ ознаменовалъ себя закованіемъ въ желѣзо и официальнымъ оклеветаніемъ безвиннаго старика: что уголовная палата вывела, но не смѣвъ виновнаго предать суду (дабы не оскорбить губернатора) предоставила сіе на благоусмотрѣніе Губернскаго Правленія. Другой, изъ угожденія извѣстной здѣсь ябедницѣ, поручицѣ *soi-disante* графинѣ Подгоричани-Петровичевой, вслѣдствіе простой записки, поданной ею губернатору Каховскому, *безъ всякаго суда*, подъ видомъ только слѣдствія выѣхавъ съ землемѣромъ *другаго* уѣзда (которой нынѣ за подобныя дѣла находится подъ судомъ) повыбрасывалъ межевыя столбы и заравнивалъ межи, (которые *самъ онъ*, за нѣсколько мѣсяцевъ, официально утвердилъ), сдѣлалъ новыя, что Губернскаго Правленія временнымъ Присутствіемъ ясно выведено. Обѣ эти статьи, не требующія ни какого изслѣдованія, а только прочтенія опредѣленій двухъ высшихъ Губернскихъ мѣстъ, я обнаружилъ для примѣра, въ надеждѣ формальнаго слѣдствія, чрезъ которое бы открылись другія доказательства негодности упомянутыхъ лицъ. И я это сдѣлалъ, не столько изъ началъ общаго доброжелательства, которое Князь Трубецкой мнѣ ставитъ въ вину называя вмѣшиваніемъ не въ свое дѣло, порицаніемъ Начальства! (сколько по необходимости собственной защиты à mon cours defendant), чего мнѣ запрещено не было: ибо личныя мои тяжбы имен-

но оговорены во взятой съ меня подпискѣ, впрочемъ, буде разумѣть подъ именемъ *бумагъ* и самыя прошенія въ Губернское Правленіе (или другое присутственное мѣсто) то и тутъ я не погрѣшилъ; ибо вѣлѣно препровождать къ *губернатору*, который отъ меня прошеніе и партикулярное письмо получилъ, могъ оныя *возвратить*: для сей же цѣли именно и указано и указана мнѣ была его особа!.. Слѣдовательно перунъ 15-го генваря поразилъ, кажется, безвинно бѣднаго старика.

Заступитесь за меня, добрыйшій Иванъ Александровичъ! Убѣждаю Васъ, въ томъ именемъ почтеннаго родителя Вашего, который меня жаловалъ. Не въ томъ дѣло (само собою разумѣется), чтобы воротить невозвратное. Но я имѣю причины опасаться новаго удара: ибо еще одна моя прозвба противъ такого же *Protégé*, на которую я (какъ выше сказано) обращалъ вниманіе выше, осталась въ Сенатѣ. Столоначальнику *можно* сдѣлать анахронизмъ... и сказать: не взирая де „на Указъ 15-го генваря, ему объявленный“, подписуть—и конецъ!

Помилуйте! Изъ чего это слѣдуетъ, что я, *я одинъ* въ пространной Имперіи, долженъ оставаться безъ защиты законовъ? Меня уничижаютъ, грабятъ, *обвиняютъ въ смертоубійствѣ* (ссылаюсь на губернаторское предложеніе предводителю Нахимову отъ 25-го апрѣля 1836 года, которое должно находится въ Уголовной Палатѣ при дѣлѣ о женщинахъ удивившихъ мою невѣстку): и я на всѣ эти изступленія глупости, возбуждаемой корыстолюбіемъ и злобою, долженъ пребывать безмолвнымъ! Да это-жъ неестественно, добрыйшій, умный Иванъ Александровичъ!.. Поражаемый ударами кинжала или кнута кричить: и ни кто ему етого въ вину не ставитъ: возваніе къ Правосудію никогда еще, ни кому не причтено въ дѣйствіе, за которое сажаютъ въ домъ сумасшедшихъ. Я прошу *суда* на Кролау, Топчея, Нахимова, молокососовъ можно сказать, кроваво оскорбляющихъ мои сѣдины и потому только, что эти люди, мнѣ на зло, поддерживаются губернаторомъ, я же долженъ быть безъ суда виноватъ!... Да это жъ не соотвѣтствуетъ ни просвѣщенію въка, въ которомъ мы живемъ, ни мудрости и благодати нашего Правительства“. Не можетъ это быть *волею* милосердаго, просвѣщеннаго, славнаго нашего Монарха!

Пусть изслѣдуютъ по крайней мѣрѣ Нахимовское дѣло; пусть вѣрятъ меня законной защитѣ генераль-губернатора: настойте объ етомъ, милостивый государь!

Что скажетъ потомство, котораго мыѣнемъ, слава Богу, мы начинаемъ дорожить—Каразина де, того самаго, которой блаженной памяти Императору Александру имѣлъ щастіе представить идею о Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, *прежде* нежели она показалась въ другихъ

земляхъ, которой ее по повелѣнію Его ¹⁾ обработать въ Уставахъ Академій и университетовъ, виновника Харьковскаго университета, Филотехническаго Общества и нѣсколькихъ подобныхъ же патріотическихъ предпріятій въ пользу промышленности и торговли отечества, члена разныхъ ученыхъ обществъ и пр. не сдѣлавшаго ни малѣйшаго зла, невиннаго предъ лицомъ Закона, отдѣливъ безчеловѣчно отъ его жены и благовоспитаннаго семейства, въ старости заперли въ четыре стѣны—въ угодность, прости Господи, весьма недалекому Князю Трубецкому!...

Слово *Князь*, въ концѣ уже письма напомнило мнѣ, что я во всемъ его продолженіи не употреблялъ онаго относительно до Вашей особы, потомка старинныхъ Князей Ростовскихъ. Простите меня Ваше Сіятельство! Припишите это единственно тому, что Князь Петръ Ивановичъ сдѣлалъ мнѣ его непріятнымъ. Пріймите, на противъ, увѣреніе въ моемъ къ Вамъ глубокомъ почитаніи! Вашего Сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга:

Василій Каразинъ.

13-го февраля 1837-го года. Адресъ мой городъ Харьковъ.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(13-го февраля 1837 года).

*Сіятельнѣйшій графъ,
милостивый государь!*

Вложенное здѣсь подлинное письмо къ г-ну оберъ-прокурору Князю Лобанову-Ростовскому было—свидѣтель тому Богъ!—готово къ запечатанію. Но вдругъ пришла мнѣ мысль послать его къ Вамъ въ руки. „Его де будетъ несравненно спасительнѣе“! Исполняю со слезами чувствованія душевной къ Вашему Сіятельству преданности, надежды и глубочайшаго почтенія. Великодушный графъ! Вашимъ благодарнымъ всепокорнѣйшимъ слугою:

Василій Каразинъ.

13-го февраля 1837 года.

Удостоите замѣтить мѣсто письма, на предпоследней страницѣ, съ буквою N.

Мы съ женою не находили еще въ Инвалидѣ объ опредѣленіи въ службу сына нашего, штабъ-ротмистра, въ слѣдствіе снисходительнѣй-

¹⁾ Есть указъ въ которомъ я именованъ на ряду съ Министромъ и членами Главнаго Правленія Училищъ.

шаго Вашего обѣщанія, вѣроятно медлитъ со справками Инспекторскій Департаментъ. Четвертый сынъ, молодой человекъ необыкновенныхъ способностей, увы! умеръ въ С.-Петербургѣ въ самое то время, когда я помышлялъ о представленіи его Вашему Сіятельству.

Харьковскому губернатору П. И. Трубецкому.

(28-го марта 1837 года).

Милостивый государь,
князь Петръ Ивановичъ!

На случай, если посылаемый мною въ редакцію „Одесскаго Вѣстника“ легкій разборъ принадлежитъ къ числу *бумагъ*, которыя разумѣются въ данной мною предмѣстнику Вашего Сіятельства апрѣля въ 25 день 1833 года подпискѣ, подношу оный у сего въ открытомъ конвертѣ вмѣстѣ съ запискою для типографщика и вѣсовыми деньгами слѣдующими въ почт-контору, покорнѣйше прося о приказаніи, запечатать, отослать въ нее вмѣстѣ съ прочимъ имѣющимъ отправится по сей почтѣ.

Имѣю честь быть съ глубокимъ почитаніемъ Вашего Сіятельства
покорный слуга

Василій Каразинъ.

Харьковъ. 27-го марта 1837 года.

Харьковскому губернатору П. И. Трубецкому.

(30-го марта 1837 года).

Милостивый государь,
князь Петръ Ивановичъ!

Въ слѣдствіе причины, заставившей меня беспокоить Ваше Сіятельство письмомъ моимъ отъ 27-го с. м. долгомъ поставляю и другой конвертъ, адресуемый въ Журналъ *Современникъ* препроводить на Ваше разсмотрѣніе. Признаюсь, что я болѣе желалъ-бы, чтобъ моя піеса начатана была въ Журналъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ; но я не смѣю беспокоить Министра. Если же Вамъ, Милостивый Государь, благоудно будетъ представить оную на сей конецъ Его Высокопревосходительству то я очень радъ буду!... Можетъ статься ето подало бы поводъ, бросить взглядъ сверху на возобновленіе прекраснаго учрежденія, еди-

ножды—мудрымъ и отлично *благонамѣреннымъ* Государемъ одобреннаго! Впрочемъ дѣло о вещи, не объ имени: первую строку заглавія можно выпустить при напечатаніи. Да почему и обществу не возобновится безъ всякаго ко мнѣ лично отношенія? Имѣю честь быть съ глубокимъ почитаніемъ Вашего Сіятельства покорный слуга Василій Каразинъ.

Харьковъ 29-го марта 1837 года.

Послѣднія, мною доставленныя вѣсти о филотехническомъ обществѣ были: правившему должностъ Слободско-Украинскаго губернатора, отъ 16-го іюля 1826 года. Тогда же отвѣтствовалъ я на запросъ по сему предмету господъ Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Такъ все и остановилось.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(31-го марта 1837 года).

*Сіятельнѣйшій графъ,
милостивый государь!*

Ласки здѣшняго Главнаго Начальника, графа А. Г. и заботливость Его о моемъ опытѣ съ алкоголемъ, *послѣ перваго приѣма весьма холоднаго*, наводятъ меня на мысль, что мои куверты, посредственно и непосредственно назначенные въ руки Вашего Сіятельства, не были неприяты. По сей причинѣ осмѣливаюсь еще препроводить въ большее объясненіе предмета, занимающаго теперь меня и утѣшающаго (*какъ младенца можно прибавить*) въ моихъ нещастіяхъ, списки съ двухъ бумагъ 1813-го и 1837-го годовъ. Последнюю просилъ я г-на гражданскаго губернатора довести къ свѣдѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ для помѣщенія въ одинъ изъ журналовъ. Фелотехническое Общество желалъ-бы я воскресить, съ нимъ вмѣстѣ въ старости моей воскреснуть, (хотя увѣ! на короткое время!), на ряду съ другими содействовать еще къ славѣ обожаемаго Государя и пользамъ Отечества: но—*немедленно признаю Васъ*, какъ единственному моему теперь прибіжищу и покровителю, что цѣль моя простирается далѣе. Разстроенное мое состояніе нудитъ меня переселиться. И я избираю для остатка моей жизни восточный берегъ Чернаго моря, гдѣ бы я, возстановивъ здѣшнее Филотехническое Общество, могущее назваться какъ-бы предверіемъ еще большаго и полезнѣйшаго, благимъ видамъ Правительства на ту страну совершенно соответствующаго прозекта, могъ послужить тамъ для сего человеколюбиваго Прави-

тельства однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ *мирныхъ* орудій. Съ слѣдующею почтою я отважусь прислать въ благотворительныя руки Ваши, Сіятельнѣйшій графъ, мою бумагу—можетъ быть недостойную и Высочайшаго возвращенія?...

Очень поздно узналъ я о прошедшей сильной Вашей болѣзни: и мнѣ осталось только порадоваться, что Богъ Васъ сохранилъ—для многихъ, въ томъ числѣ и для меня. Примите увѣреніе въ моей душевной, по жизни, къ Вамъ привязанности и глубочайшемъ почтеніи! Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга: Василій Каразинъ.

31-го марта 1837 года. Писать изъ деревни не имѣю другой бумаги.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(9-го апрѣля 1837 года).

Если позволено отгадывать виды на *Кавказъ* Того, Котораго во всеподданнѣйшемъ моемъ письмѣ 1826-го года именовалъ я Петромъ Великимъ XIX-го вѣка, то крутыя мѣры употребляемыя теперь по необходимости противъ хищниковъ изъ *его* ущелій, мало по малу уступятъ другимъ: т. е. постепенной цивилизаціи сихъ народовъ. И она дѣйствительна *не возможна*. Заселеніе приморскихъ мѣстъ, защитивъ ихъ достаточно отъ набѣговъ, будетъ *первымъ къ тому шагомъ*. Исторія намъ доказываетъ, что людскость начиналась всегда съ береговъ. Безъ Афинъ не было бы Греціи.

Но для всякаго постоянного дѣйствія Правительства нужно и постоянное средоточіе. Я осмѣливаюсь указать его въ *Питиудѣ*. Положеніе сего мѣста, равно отдаленнаго отъ Черноморскихъ козаковъ, нашей старой границы, и крайнихъ турецкихъ владѣній, удобность къ заселенію и гавани, доказываемая существованіемъ тутъ нѣкогда прекраснаго и богатаго города (*Pitiusa* у нѣкоторыхъ географовъ, у другихъ *Pituius*) одни уже опредѣляютъ, что *тутъ* долженъ быть областной городъ *Абазской*—или какъ иначе Державной волѣ угодно назвать—*Областѣ*! Но представляются и другія побудительныя причины. Изобиліе прѣсной воды, черноземной плодородной грунты для огородовъ, близость строеваго лѣса и наконецъ *готовая* уже христіанская церковь временъ Святаго Іоанна Златоустаго (по нѣкоторымъ шестого вѣка, не старѣ?), которую слѣдуетъ только поправить въ честь Ему и въ воспоминаніе Его здѣсь заточенія, опредѣливъ достойными священно-служителями людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ, которыхъ нарочно избрать должно изъ *студентовъ-медиковъ*.

Городъ долженъ быть совершенно *европейскій*, которой могъ бы сдѣлаться образцомъ подражанія для прочихъ, имѣющихъ постепенно возникнуть въ сей области предполагаю *отдѣленной* отъ Мингреліи, Имеретіи и Грузіи, хотя на ряду съ ними подчиненной одному генералъ-губернатору (если не Новороссійскому?) Но—тратить большія суммы на построеніе, нѣтъ ни какой надобности. Не болѣе какъ десятью тысячами рублей должно начать; продолжать постепенно, увеличивая по мѣрѣ *оказанныхъ* успѣховъ, и прекратить отпуски такового *жалованья* казны, коль скоро городъ прійдетъ въ состояніе содержать себя изъ собственныхъ доходовъ, предполагая что жители и гавань первые пятнадцать или двадцать лѣтъ будутъ свободны отъ всякаго платежа въ казну. Необыкновенныя выгоды во всѣхъ отношеніяхъ человѣческой жизни мѣстоположенія Пицунды для меня порукою, что не далѣе, какъ въ десять лѣтъ, она, и нѣсколько земледѣльческихъ совершенно не уступающихъ внутреннимъ Европы, селеній, вокругъ ея, будутъ уже красоваться въ числѣ новыхъ перлъ Просвѣщеннаго Вѣвпеносца, Законодателя и Благотворителя Европейской и Азіійской Россіи. Я желалъ бы, чтобъ путешествіе Его въ нынѣшнемъ году на югъ было ознаменовано, между прочимъ, и основаніемъ новаго города, т. е. освященіемъ, прежде всего, храма во имя Св. Іоанна Златоустаго съ придѣломъ Святаго тезоименитца Его Императорскому Высочеству, Государю Наслѣднику. Я желалъ-бы, чтобъ и городъ, въ честь *Ему*, получилъ имя Александріи, или *Александретты* (для отличія отъ Александріи Египетской, которую вѣроятно *тѣже* суда будутъ посѣщать). Я желалъ-бы—послѣ всего, что бы Его Императорскому Величеству было благоугодно, пожаловать мнѣ дачу въ окрестности, ввѣрить исполненіе сего предположенія. Съ нимъ будетъ соединено разведеніе лѣкарственныхъ и красивыхъ растений для доставленія ихъ въ Россію и въ прочія европейскія земли (*въ видѣ Ессенцій*, чемъ я уже многіе годы занимаюсь).

Нигдѣ въ Закавказскомъ краѣ, не можетъ быть лучшаго для сего мѣста, какъ и для обращенія Горцевъ въ христіанство.

Вотъ награда за не совсѣмъ бесполезную жизнь мою вотъ и ссылка за мои проступки, которой я всеподданнѣйше у ногъ моего благосердаго Монарха испрашиваю, ввѣряя докладъ о томъ *единственно* Вашему Сіятельству въ случаѣ всемилостивѣйшаго одобренія, дерзая ожидать вмѣстѣ и разрѣшенія пріѣхать въ С.-Петербургъ на короткое время, для объясненій и принятія приказаній касательно всѣхъ подробностей сего дѣла.

Василій Каразинъ.

9-го апрѣля 1837 года, село Кручицъ Харьковской губ. Богодуховскаго уѣзда.

Харьковскому губернатору П. И. Трубецкому.

(10-го мая 1837 года).

Милостивый государь,
князь Петръ Ивановичъ!

Покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство, съ обыкновенною Вашею благосклонностію просмотрѣть и отправить въ редакцію Журнала Министерства народнаго Просвѣщенія, прилагаемой у сего кувертъ. На что и вѣсовыя приложить также честь имѣю, увѣряя Васъ, милостивый государь, въ моемъ глубокомъ и совершенномъ почитаніи.

Вашего Сіятельства покорный слуга Василій Каразинъ.

Богодуховскій уѣздъ, мая 8-го 1837 года.

И. И. Срезневскому.

(3-го іюня 1837 года).

Милостивый государь,
Измаилъ Ивановичъ!

Вы столько благосклонны ко мнѣ, что я позволю себѣ попросить у Васъ истинно *на часокъ* новаго сочиненія друга моего Булгарина. Хочется перелистовать чтобъ имѣть понятіе. Завтра поутру предъ отъѣздомъ, если не сегодня еще возвращу Вамъ. Между тѣмъ если будете имѣть досугъ можете прочесть одну изъ старыхъ моихъ рѣчей, о которой всѣ слѣды уже пропали давно! Этотъ экземпляръ и остался *одинъ* въ бумагахъ моего сына, здѣсь оставшихся, которыя я разбиралъ при укладкѣ нашей и попался мнѣ нечаянно въ руки.

Пріймите увѣреніе въ моемъ истинномъ къ Вамъ уваженіи. Вашъ покорный слуга: В. Каразинъ.

3-го іюня 1837 года.

Въ Харьковскую гражданскую палату.

(27-го июня 1837 года).

1-е. Изъ повѣстки, присланной ко мнѣ 21 числа сего мѣсяца, отъ временнаго отдѣленія Богодуховскаго земскаго суда, которое составилось для исполненія указовъ Прав. Сената и гражданской палаты о ввѣдѣ графини Подгоричани-Петровичевой, дѣйствующей отъ имени ея мужа въ предѣлы ея бывшаго временнаго владѣнія въ дачахъ села моего Кручика, вижу я что оное отдѣленіе остановивъ свои дѣйствія репортуетъ палатѣ. Почему и съ моей стороны долгомъ поставляю пояснить исторически вѣроятные предметы сего рапорта.

2-е. 17 числа прибыли на мѣсто два изъ членовъ временнаго отдѣленія; а именно въ лицѣ земскаго исправника, старшій засѣдатель Егоръ Меранди, тотъ самый, который въ 1825 году присутствовалъ при отдачѣ показаннаго выше имѣнія во временное владѣніе, и уѣздный стряпчій. Первый членъ приставъ 1 стана Голубиковъ по причинѣ отдаленности не могъ пріѣхать ранѣе полуночи. На другой день 18 июня, вслѣдствіе повѣстки я въ 9 часовъ явился въ присутствіе. Подгоричани-Петровичева вмѣсто себя прислала уроженца западной губерніи нѣкоего Гостковскаго, *который досель не предъявлялъ о себѣ никакого вида*, съ довѣренностію столь неопредѣленнаго содержанія, что ее никоимъ образомъ не можно было принять. Но тѣмъ не менѣе старшій членъ отдѣленія допустилъ его Гостковскаго присутствовать при объявленіи указовъ и въ томъ ввѣдѣ якобы *хозяина*. Но когда при указаніи участковъ поселянами той и другой стороны (онъ и другой подобной же не имѣющій вида писарь графини Бабенко, онъ же и Берестенко: ибо по волѣ госпожи своей разнo подписывается) начали вмѣшиваться и отвѣчать на вопросы яко бы отъ лица поселянъ, то становой приставъ остановилъ ихъ. За что графиня на другой день вошла съ прошеніемъ, что она станового пристава отводить по подозрѣнію, яко бы въ пристрастіи, ставя доказательствомъ то, что онъ остановился квартирою у одного изъ моихъ людей, (чего по причинѣ пріѣзда въ глухую ночь и избѣжать невозможно было). Тщетно я покорнѣйше просилъ не производить столь безвременнаго замѣшательства въ исполненіи указа, представляя двумъ другимъ членамъ отдѣленія, что законъ объ отводѣ, т. е. 1718, 1719 и 1720 статьи Свода Законовъ Гражданскихъ, относятся *къ судымъ не къ исполнителямъ*, что изъ раздѣленія присутственныхъ мѣстъ статьею 12-ю Свода учреждений Губернскихъ очевидно; тщетно въ присутствіи изъяснялъ, что гораздо съ большимъ правомъ нежели графъ Подгоричани-

Петровичъ я могу подозрѣвать и отводить обоихъ сихъ остальныхъ членовъ, перваго какъ родного брата бывшаго засѣдателя земскаго суда Дмитрія Меранди, котораго дѣйствія 1835 года, исполненіемъ нынѣшняго указа уничтожаются, второго, т. е. уѣзднаго стряпчаго, какъ чиновника, на дѣйствія котораго прошедшаго года, подобно же палатою не признанныя, жаловался я также; и что если квартированіе становаго пристава можно ставить въ соблазнъ, то не съ большимъ ли правомъ я могъ бы смѣть напомнить имъ обоимъ, что они вчера проводили весь вечеръ у графини, уклоняясь отъ посѣщенія моего семейства. Словомъ, буде они хотятъ различить *полицію отъ суда* и первой присваиваютъ законъ принадлежащій единственно послѣднему (во всѣхъ статьяхъ Свода говорится *о судьяхъ*, не о исполнителяхъ казенной палаты или другихъ чиновникахъ), то да благоволятъ принявъ сказанное выше за основаніе, возстановить присутствіе по причинѣ отвода всѣхъ членовъ. Но опредѣленіе было уже написано и подписано!.. Не потеряно ни одной минуты. Послѣ чего оба члена отправились къ графинѣ на ужинъ, вслѣдствіе чего стряпчій на другой день оказался больнымъ. Мѣсто его хотя и заступилъ (неизвѣстно мнѣ по какому праву) исправляющій должность секретаря въ земскомъ судѣ; но для того только чтобы предавъ графинѣ, для отправленія въ острогъ, подъ видомъ неповиновенія управителю, того изъ стариковъ, который отважился говорить правду объ участкахъ (наканунѣ) закрыть присутствіе. Упомянутыя обстоятельства и поданное по сему случаю мое прошеніе, въ копіи представилъ я 21 числа на уваженіе Губернскому Правленію. Здѣсь же беру смѣлость дополнить оное тѣмъ, что я узналъ послѣ, а именно: что старику Николаю Морозу показывавшему участки временнаго владѣнія, сдѣланы были засѣдателемъ Меранди безъ присутствія кого-либо отъ членовъ два различные допроса, изъ которыхъ одинъ прежде, а другой послѣ представленія его графинѣ лично, самимъ засѣдателемъ: и естественно, что послѣдній оказался противнаго содержанія первому... Вслѣдствіе таковыхъ злоупотребленій неизмѣнно продолжающихся около 4 лѣтъ уже дабы только не исполнить *чистосердечно* указа Прав. Сената прошу объ отправленіи на сей предметъ нарочнаго имѣющаго власть чиновника (о чемъ я и Губернское Правленіе прошу)".

Харьковскому губернатору П. И. Трубецкому.

(12-го августа 1837 года).

Милостивый государь,
князь Петръ Ивановичъ!

Въ слѣдствіе извѣстнаго уже Вашему Сіятельству моего предположенія сдѣлать опытъ торговли за море алкоголемъ и другими эссенціями, я отправилъ маленькій мой транспортъ проселочною дорогою до Полтавы, куда и самъ поѣду для дальнѣйшаго по Одесскому тракту отправленія. Между тѣмъ я считаю нужнымъ предувѣдомить негоціанта, г-на Кортацци: и письмо къ нему честь имѣю представить у сего на начальническое Ваше благоусмотрѣніе. Съ глубокимъ и совершеннымъ почтеніемъ пребываю Вашего Сіятельства покорный слуга

Василій Каразинъ.

Харьковъ. 12-го августа 1837 года.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(12-го сентября 1837 года).

Сіятельнѣйшій графъ,
милостивый государь!

Конечно, опечалившая многихъ болѣзнь Ваша была причиною тому, что мое письмо къ Вашему Сіятельству отъ 31-го марта с. г. и вслѣдъ за нимъ отправленная записка остались безъ всякаго послѣдствія. Здѣсь, въ Одессѣ, дѣлая опытъ торговли за море алкоголемъ я имѣлъ случай видѣть кувертъ Вашъ къ графу Михаилу Семеновичу съ подписью даже Вашей собственной руки. Изъ чего заключаю, что Богъ даровалъ Вамъ совершенное выздоровленіе. Радуюсь етому!—и покорнѣйше прошу не забыть о вышеупомянутой запискѣ, которая теперь весьма будетъ кстаѣ. Въ дѣльности моей идеи я еще болѣе здѣсь увѣрился. Сосѣдство благоустроеннаго приморскаго города и торговля сильнѣе оружія и мести будутъ дѣйствовать на горцовъ. Я не отчаиваюсь многихъ изъ нихъ преклонить поселиться въ *Александрополь* гражданами и христіанами. Я начну съ гонимыхъ за уступчивость Россіи, съ недовольныхъ, больныхъ...

Удостоите меня отзыва въ *Харьковъ*; и вѣрьте, что я съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію пребуду уже по жизнь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга: *Василій Каразинъ*.

Одесса. 12 сентября 1837 года.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(16-го октября 1837 года).

Сіятельнѣйшій графъ,

милостивѣйшій государь!

По возвращеніи моемъ изъ Одессы въ *Харьковъ* свѣдалъ я, что Ваше Сіятельство находитесь въ *Москвѣ*; а какъ послѣ *Одесскаго* моего къ Вамъ письма, адресованнаго въ *Ревель* съ напоминаніемъ о запискѣ моей отъ 31-го марта, я имѣлъ случай говорить съ однимъ изъ чиновниковъ близкихъ къ *Министру Финансовъ* относительно тогожъ предмета, и по желанію его написалъ другую записку, гдѣ онъ разсматривается со стороны торговой собственно, то я долгомъ почитаю препроводить и къ Вашему Сіятельству списокъ оный. Важенъ предметъ етотъ, благодѣтельнѣйшій Графъ, достоинъ онъ патріотизма и привязанности къ Августѣйшему Государю обѣихъ Васъ, достойныхъ вельможъ Царства Русскаго!.. Мое дѣло въ сторонѣ: все равно, если и другому человѣку (съ чувствомъ умной филантропіи) поручится произведеніе дѣльной, кажется, етой идеи. Ставши посвободиже донесу Вамъ и о другой таковой же.

Пріймите душевное увѣреніе въ глубочайшей моей преданности, благодарности и почитаніи Вашего Сіятельства. Всепокорнѣйшій слуга:

Василій Каразинъ.

Село Кручицъ, Харьковской губ. 16 октября 1837 года.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(26-го февраля 1838 г.).

Благодѣтельнѣйшій графъ!

Не вымысль я стану рассказывать Вашему Сіятельству, а точно былъ.

Написывая на моемъ дурномъ рисункѣ литеры, въ тоже время, какъ я писалъ замѣчанія на его поляхъ, дошелъ я до литеры *R*; ею и

кончить было должно. Вотъ я, по суетвѣрной привычкѣ, которая изъ Шлюссельбургской темницы будетъ меня провожать вѣроятно до послѣдней минуты жизни моей, давай разсуждать, *чтобы* это значило? По чему не *Q* не *S*, не *T*?... Слова начинающіеся на литеру *R* представились мнѣ: *Restauration*, *возобновленіе*... *Дворца*, (о чемъ писалъ и пишу) *Rehabilitation*, собственное мое *возстановленіе*. Я и заплакалъ какъ дитя: протянулъ руки къ Вамъ на сѣверъ. Графъ!.. пріймите меня, рыдающаго, въ объятія Ваши. Займитесь моею несчастною судьбою!... Простите меня *рѣшительно*, если я *еще остаюсь* предъ Вами виновать. Испросите мнѣ прощеніе и милость отъ великодушнаго Государя, предъ Которымъ, равно какъ и предъ оплакиваемымъ Его Предмѣстникомъ, я никогда не согрѣшилъ во глубинѣ моей души, истинно Ихъ обожаю, обоихъ. Ахъ, для чего не могу я сказать всего... что было!

Мнѣ жить уже не долго: 30-го генваря я вступилъ на 66-й годъ. Но у меня добрые, воспитанные дѣти. Пользуясь тѣмъ, что я въ опалѣ, ябеда лишила меня имѣнія. У Васъ и у статс-секретаря Лонгинова прошенія моей жены. Вы изволили адресовать насъ къ нему; а онъ взаимно адресовалъ къ Вамъ: „безъ особаго де Высочайшаго повелѣнія не могу доложить“. Испросите его повелѣніе, графъ! Прощенія наши *тамъ* въ С.-Петербургѣ. Онѣ намъ не возвращены: слѣдовательно оставлена надежда!.. Что Вы рѣшитесь сдѣлать, то и будетъ. Но истинно жаль—не только насъ, хозяевъ, но безвинныхъ нашихъ людей, доставшихся въ ужаснѣйшее рабство, раззоряемыхъ, мучимыхъ. Жаль заведеннаго за сорокъ лѣтъ училища, больницы, сельскаго Устава, который нравился блаженной памяти Государю Императору: все его исчезло. Невѣжество и бабья злость поселились на развалинахъ! Къ чему стотъ вредной примѣръ въ Царствованіе Великаго и самаго благонамѣреннаго Государя? Вашего Сіятельства преданнѣйшій до гроба почитатель.

В. Каразинъ.

Харьковъ. 26-го февраля 1838 г.

Въ Харьковскую гражданскую палату.

(9-го марта 1838 года).

1-е. Харьковская гражданская палата довольно извѣстна о „несправедливомъ къ обидѣ моей“ исполненіи Богодуховскимъ земскимъ судомъ указовъ Прав. Сената Палатою, ему порученнаго въ моемъ имѣніи. Три года уже съ мѣсяцами оно разорется безъ всякой пользы для

моихъ кредиторовъ. Нынѣ наступаетъ четвертая весна: и съ нею таже неизвѣстность границъ, тѣ же насилія, на которыя столько разъ уже и я и опека за моихъ кредиторовъ безуспѣшно приносили жалобы. Да позволится мнѣ умножить число ихъ еще одною послѣднею въ коей испытаю представить истинную точку возвращенія на сіе дѣло.

2-е. Съ 1805 года еще я ввелъ въ имѣніи моемъ такъ называемый Емфитевзъ. Всѣ мои поселяне имѣютъ пожизненную собственность, я имъ раздѣлилъ поля, сѣнокосы и дровяной лѣсъ оцѣня угодья. Для себя же оставилъ только строевой лѣсъ, раздѣленный на 70 лѣсосѣкъ, по числу столькихъ же лѣтъ. Но изъ сихъ лѣсосѣкъ мои поселяне получали все дерево на свои постройки и на ихъ поддержаніе, также и на земледѣльческія орудія. Они платили мнѣ за это и за пользованіе угодьями (въ видѣ закономъ постановленныхъ процентовъ капитала) или наличными деньгами или работою, или наконецъ, половиною собираемаго ими хлѣба; то и другое по ихъ собственной удобности. Господскихъ же пашень, такъ называемыхъ въ здѣшнемъ краю лановъ (?) у меня не было. Въ семъ то состояніи моего имѣнія Богодуховскаго уѣзда села Кручика послѣдовали какъ залогъ Куликовскому, такъ и указъ Слободско-Украинской гражданской палаты въ 1834 году объ отдачѣ заложенной части его наслѣднику поручику графу Подгоричани-Петровицу во временное владѣніе. Графъ сей или супруга его, которая издавна его имѣніемъ и дѣлами управляетъ, приняли выше означенные участки поселянъ 22 іюля 1824 года безъ малѣйшаго спора, имѣя въ виду завладѣть богатою жатвою съ участковъ, простиравшеюся до 3000 копень разнаго хлѣба, не взирая на то, что проценты съ недоплаченной мною по закладной суммы были считаны по день ввода. О семъ производится до нынѣ и дѣло въ уѣздномъ судѣ: одно изъ рѣшительныхъ доказательствъ въ мою пользу. Лѣсами графъ и графиня Подгоричани-Петровичевы владѣли обще со мною, не измѣняя заведеннаго выше поименованнаго порядка. Кромѣ деревьевъ, большею частью плодовыхъ, въ прежніе годы посаженныхъ по угламъ участковъ, не было между нами во все продолженіе временнаго владѣнія не одного разграниченія. Землемѣра вовсе не было!

3-е. Вводъ во временное владѣніе, по жалобамъ моимъ о заключеніи излишнихъ противъ оставшейся къ платежу суммы 25 ревизскихъ душъ, былъ исправленъ 20 января 1825 года. Но графъ и графиня ниже тогда не изъявили желанія на отдѣльное геодезическимъ процессомъ съ какой либо части ограниченное владѣніе. Они не требовали указанія имъ полей лѣсовъ и другихъ угодьевъ до октября мѣсяца 1834 года.

Нарѣзка уѣзднаго землемѣра Грызодубова, кончившаяся въ іюнѣ 1835 года: т. е. одиннадцать лѣтъ послѣ перваго ввода и десять съ мѣсяцами послѣ втораго *была первою*. Но извѣстно палатѣ, что и сія была мною законнымъ образомъ оспариваема. А какъ слова 3905 статьи Свода Законовъ гражданскихъ: „кто въ теченіе онаго (т. е. десятилѣтняго времени) исканія не предъявилъ или предъявивъ, хожденія въ присутственныхъ мѣстахъ не имѣлъ, тотъ теряетъ свое право“. Не подлежатъ равно какъ и слова указовъ Прав. Сената „возвратить“ „*братъ то самое, что было во временномъ владѣніи*“ (не подлежатъ) никакому двухсмысленному толкованію; и въ сихъ указахъ не говорится отнюдь о землемѣрѣ объ отводѣ количества десятинъ и межахъ и всѣ сіи распоряженія и исчисленія принадлежать уже низшимъ мѣстамъ; то и прошу, дабы устранивъ всякія исчисленія, измѣренія и прочія соображенія внѣ буквального смысла вышеприведеннаго закона и указовъ Прав. Сената Общ. Собранія Моск. Департаментовъ (изъ коихъ одинъ какъ слышалъ я въ недавнемъ времени полученъ), о предписаніи Богодуховскому земскому суду *объявить только* обѣимъ сторонамъ со включеніемъ помѣщика Топчіева, какъ объ уничтоженіи проведенныхъ въ 1835 и въ 1837 годахъ землемѣромъ межатъ и о владѣніи *точно* въ тѣхъ мѣстахъ, *которые кѣмъ* были занимаемы съ 1825 года по день межеваній взаимно себя уничтожающихъ, предоставивъ каждому *впоследствии* согласиться полюбовно, для избѣжанія чрезполосности.

Въ Харьковскую гражданскую палату.

(16-го апрѣля 1838 года).

1-е. Харьковская гражданская палата изъ рапорта Богодуховскаго земскаго суда, который вѣроятно получить въ одно время съ симъ моимъ прошеніемъ изволить усмотрѣть, что указъ ея отъ 26 марта с. г. остается до нынѣ безъ исполненія, не взирая на то, что назначенный *последній* двухнедѣльный срокъ миновалъ со дня полученія судомъ указа, т. е. 29 марта, *12 нынѣшняго мѣсяца*. Назначено было (по новому полицейскому положенію на таковыя случаи) временному присутствію, состоящему изъ земскаго исправника, станового пристава и уѣзднаго стряпчаго, выѣхать въ село Кручикъ на 13 число. О семъ оповѣщены на Страстной недѣлѣ еще всѣ особы долженствовавшія участвовать въ семъ дѣлѣ кромѣ однакожъ меня, помѣщика имѣнія, который есть его

предметом!.. Но графиня Подгоричани-Петровичева успѣшила прѣхать въ Богодуховъ 11 числа. И 12-го, наканунѣ предполагаемаго выѣзда, земскій судъ отмѣнилъ и собственное опредѣленіе и законъ, наскоро предписавъ становому приставу *одному уже* исполнить, что слѣдуетъ по указу палаты. Предвидѣно было, что приставъ встрѣтитъ затрудненія и начнется продолжительная переписка. А между тѣмъ Подгоричани-Петровичева успѣетъ обхѣять всѣ прежнія самовольно занятія ею поля: что уже и производилось по ея приказанію со Страстной недѣли чрезъ праздники (въ продолженіе коихъ у нея работаютъ) и нынѣ оканчивается. Озимый же хлѣбъ засѣявъ въ свое время также не взирая на всѣ прежнія предписанія начальства, на основаніи таковыхъ же Прав. Сената. Такимъ образомъ слова вышеупомянутаго указа гражданской палаты „дабы крестьяне графа Подгоричани и Каразина могли пахать тѣ же самыя поля, которыя они прежде сего во время нахожденія возвращеннаго нынѣ графу Подгоричани имѣнія во временномъ его владѣніи обрабатывали“, остались безъ всякаго исполненія какъ было и прежніе три года.

2-е. Причина разрушенія опредѣленія своего Богодуховскимъ земскимъ судомъ и отступленій отъ закона (предписывающаго ему составить временное присутствіе на мѣстѣ дѣйствія) о которой слышу нынѣ отъ станового пристава слишкомъ недостаточна. Исполненіе указа палаты не могло занять болѣе одного и много что двухъ дней: и комиссія для провѣрки казенныхъ недоимокъ едва ли открыла свои засѣданія для коихъ необходимо прежде всего (собрать) справки изъ казначейства. И дѣйствительно 14 числа бывъ въ Богодуховѣ въ земскомъ судѣ лично, я не засталъ исправника. Почему прошу о поступленіи по законамъ и о новомъ, какое слѣдовать будетъ, предписанія Богодуховскому земскому суду, уничтоживъ не правильно поставленные межевые признаки (въ чемъ какъ вижу судъ и становой приставъ сомнѣніе находятъ, поелику де о селѣ *именно ничего не сказано въ указѣ*) отдать соперницѣ моей *то самое имѣніе*, которое во временномъ владѣніи состояло ни болѣе, ни менѣе, пригласивъ и меня на сей конецъ, ибо опека не можетъ о томъ судить, что было или не было въ 1825 году, когда она не существовала надъ моимъ имѣніемъ (и до нынѣ моимъ еще).

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(24-го сентября 1838 года).

Сіятельныйшій графъ,

милостивый государь!

Вѣроятно Вы уже возвратились въ С.-Петербургъ. Удостоите прекратить томительное мое ожиданіе отзыва на письма мои отъ 25-го и 26-го февраля!

Соперница моя, Подгоричани-Петровичева, сама-ли, или чрезъ общее собраніе Московскихъ Департаментовъ Сената, кажется, ищетъ подвергнуть дѣло разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта—но только въ отношеніи вѣковаго лѣса, которымъ она завладѣла. А я прошу разсмотрѣть *все* рѣшеніе: т. е. прошу о Высочайшемъ соизволеніи принять жалобы жены моей на общее собраніе, находясь въ сожалѣвн—достойнѣйшей крайности. Куда мнѣ скрыться отъ стыда—*предъ дѣтьми моими* даже? имѣніе пожалованное за службу дѣду ихъ, моему отцу, переходитъ *все* въ чужія руки; мои прозкты общаго добра, довѣренность моя къ добра-желательному Правительству на ихъ подкрѣпленіе, скоро должны кончиться смѣхомъ пошлыхъ людей надъ моей могилою. Я для того и просилъ о ссылкѣ меня въ Пицунду (отъ 9-го апрѣля 1837 г.)!..

Какъ бы то ни было: но надежда моя на Васъ и глубочайшее къ Вамъ почтеніе не оставлять меня до гроба. Вашего Сіятельства преданнѣйшій и всепокорнѣйшій слуга.

Василій Каразинъ.

Харьковской губ. 24 сентября 1838 г.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(23-го февраля 1839 года).

Сіятельныйшій, Милостивѣйшій графъ!

Удостоите сами быть моимъ цензоромъ. Если приложенную при семъ статью найти изволите не противною высшимъ видамъ, благово-лите послать ее въ *Journal de St.-Petersbourg*. Мнѣ давно уже надобѣли восклицанія иностранныхъ публицистовъ: и я все ожидалъ не напи-шеть-ли кто возраженія? Не находя ничего до сихъ поръ въ упомяну-той нашей газетѣ, и прочитавъ случайно листъ *Journal des Debats*, гдѣ

въ статьѣ 7-й адреса Королю говорится сострадательно о Польшѣ и полякахъ. я не утерпѣлъ написать то, что давно имѣю въ мысли.

Впрочемъ сей предметъ заслуживалъ бы формальную задачу отъ Россійской Академіи. Исслѣдованіе его документальное, историческое, сдѣлало бы честь Автору—ибо конечно было бы переведено для Европы не на одинъ языкъ. Я уже старъ: но могу рекомендовать источники для другихъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ есть сочиненіе, составленное по повелѣнію Екатерины, Николаемъ Бавтышемъ-Каменскимъ—*объ Уніи*. Также труды Епископа Георгія Конискаго. Слѣдовало-бы обнаружить, что *прямыхъ поляковъ* горсть, и что сѣтовать о Польшѣ, есть сѣтовать о рамкѣ, не о картинѣ: еще хуже, нежели-бы теперь оплакивать Финляндію, для чего она оторвана отъ *Отечества*; а въ ней тысячъ съ десятокъ Шведовъ только и живутъ! Польша присоединена къ своимъ давнимъ, великимъ единоплеменникамъ.

Пріймите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почитаніи хотя на маленькой бумажкѣ, которую употребляю, дабы не заплатить лишняго на почтѣ. Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій, и по жизнь Вамъ преданный слуга:

Василій Каразинъ.

Харьковъ. 23 февраля.

Редакторамъ „Journal de S.-Petersburg“.

(4-ю марта 1839 года).

A. Messieur les Redacteur du Journal de St.-Peterbourg.

On a pris liberté, il y a quelques jours, de Vous adresser par l'entremise d'une personne Respectable, un article, que peut-être Elle aura jugé *digne* d'être reçu dans ce Journal. Dès que cela serait *ainsi*, on prie très-humblement de vouloir bien corriger une erreur dans le nom d'une rivière. C'est *le Saan*, qu'on a eu en vue, et non *la Saale*. En cas même, que le N° du Journal ait déjà paru, on peut indiquer cette errata dans un des N° suivans.

Mais en cas, que l'article mentionné, quoiqu'approuvé, n'aurait pas encore été imprimé, on prie de vouloir bien ajouter après l'expression du commencement de la 2-de (ou du fin de la 1-re)? page: „...de légères différences dans le costume de deux sexes, les rites, les usages et l'idiome sont à peine rémarquables“. Ce qui suit:

La religion et la langue russes ont été autrefois à un tel point *dominantes* en Pologne, que l'impression de la Bible et d'un code de loix ¹⁾, en idiome et lettres russe-slaves, y ont devancé les éditions de Moscou. Et certes on ne dira pas, que c'est pour la commodité des Moscovites, qu'on aurait imprimé à *Vilna* et à *Ostrog* (en Volhydie) au commencement du XVIe siècle! ²⁾ Les ayeux des Princes Ogynsky, Sanguschka, Tchartorysky et de bien d'autres familles ont été *russes*, et leurs descendans ne sont devenus polonais, que par le changement de culte, forcée ou politique. De plus, l'interessante classe d'agriculteurs ect.... (Quant au néologisme iranique, par le quel commence la 4-e page, il est facile de le changer, s'il ne convient pas, par une expression simple: „*Qu'on cesse donc de s'apitoyer dans les journaux et les parlemens*“ ect.... En general, je serais charmé, si on daignerait retoucher ce que j'ai écrit, lui laissant toutefois sa phisionomie étrangère: à fin qu'on ne pease pas aillours, que cet article a été commandé et par consequent rédigé par un expert.

Le 4 de Mars 1839.

Kharcoff.

P. S. (Ma signature est inutile: comme j'ai l'honneur d'être connu de la Personne, à la quelle j'ai adressé mon article; d'autant plus, si celui-ci n'est pas approuvé).

Il y a plusieurs assertions politiques, qui continuent à être répétées machinalement pendant long-tems; mais qui ne soutiendraient pas un examen tout soit peu sérieux, si quelqu'un s'avisait de le faire de bonne foi. Dans ce cas se trouve le prétendu *malheur* pour les habitans de la ci-devant Pologne (telle qu'elle a existé jusqu'au milieu du dix-huitième siècle), de ne pas continuer à faire un corps de nation séparé, individuel. Mais-Primo: jamais ces habitans n'ont fait un corps de nation. L'histoire prouve leur antique hétérogenité constamment entretenue par des gouvernemens differens, qui n'ont eu rien de commun entre eux. C'est la Masovie qui primitivement seule était soumise aux *Grands-Ducs* (ensuite *Rois*) de Pologne. Plus des neuf dixiemes des autres habitans, dont la majeure partie était composée des slaves *absolument identiques avec ceux*

¹⁾ Статутъ: магдебургское право.

²⁾ Remarque peu importante, mais assez curieuse. La bibliotheque de l'Université Imperiale de Kharcoff possède un exemplaire precieux de l'Histoire de Kromer: de *Origine et Rebus gestis Polonorum* de l'édition originale de Cracovie, de 1548, qu'elle a hérité de l'Université de Vilna. La reliure ancienne de ce livre porte pour empreinte un crucifix selon le rite russe avec son inscription—comme encore une preuve irrecusable de ce que nous avançons.

de la Russie, obéissaient aux princes Russes, ou Lituaniens, ou enfin Teutons, qui par fois venaient porter le fer et le feu dans leurs bonrgades et leurs hameaux paisibles. Une grande partie des premières a été construite par des russes-slaves, ce que prouveut leurs noms, qui n'ont point d'analogues dans l'idiom et la prononciation exclusivement *polonais* ¹⁾. La population des provinces situées entre le Donetz et le Sãn jusqu'aux monts Carpates (improprement appellés Crapaes en français) est telement identique jusqu'à nos jours, que de legères differences dans la forme des habitations, le costume de deux sexes, les rites, les usages et l'idiome sont à peine remarquables.

La religion et la langue russes ont été à tel point dominantes en Pologne, que l'impression de la Bible et du tout premier code des loix en idiome et lettres russes-slaves y a devancé les éditions de Moscou. Et certes on ne dira pas que c'est pour la commodité des Moscovites, qu'on aurait imprimé à Vilna et à Ostrog (en Volhynie) au commencement du XVI siecle. Les historiens polonais nationaux, jusqu'à ce siecle inclusive-ment ne nommaient pas la plus grande partie de leur royaume autrement que *Russie*. Temain Cromer, qui n'entend sous le nom de Pologne proprement dite, que les distriets de Posnan, de Calish, de Masovie de Cujavie et de Lenciz. Les expressions à l'article du commencement du regne de Boleslaus III *Crivoousty*, sont très remarquables. «Concessit enim Boleslaus Sbigneo fratri Masoviam atque Cujaviam et Lenciciensem tractum; coetera ipse cum summo imperii obtinuit. Nam quod Dlugossus *maio rem Poloniam*, hoc est Posnanniensem et Calissiensem tractum Sbigneo adjungit, mihi non admodum verisimile sit» ²⁾. Voici donc une complete énumération de ce que les historiens polonais eux-mêmes comprenaient dans la Pologne *veritable*: grande et petite Pologne (le reste du royaume étant Russie ou Lituanie). Voyez encore les phrases par les quelles Cromer (que je continuerai à citer de preference comme le Coryphée des historiens du pays) commence ses XVIII-e & XX livres; et on pourrait en produire

¹⁾ Tels que *Борисовъ, Илумеъ, Люблинъ, Щучинъ*. Les endroits sont situés bien loin, dans le coeur de l'ancienne Pologne: je ne cite pas *Владимиръ*, ect. ect. plus proches, dont l'origine russe est historique.

²⁾ Rien de plus curieux, que l'exemplaire de Cromer: „De origine et rebus gestis Polonorum“ dont je tire mes citations, est non seulement par le contenu, mais même par la reliure une preuve irrecusable de ce que la langue et la religion russes dominaient anciennement dans la majeure partie de la Pologne. Cet exemplaire précieux de l'édition originale de Cracovie de 1548, est hérité de l'Université de Vilno par celle de Kharcoff. Il a appartenú à l'ancienne bibliothèque des établissemens scholastiques de Vilno. La reliure, du tems de l'édition, porte de l'empreinte d'un crucifix selon le rite russe avec son inscription: I. H. Ц. I. H. И-КА.

cinquante toutes semblables! „Russia peragrata, in Poloniam lex revertit“. — „Post mortem Vitoudi, suspensi animis Lituanorum et Russorum proceres, haerebant, quidnam se fieret“. Voilà pourquoi aussi les Rois portaient le titre de „Rex Poloniae, Magnus Dux Lituaniae, Russiae“.... A propos de „Proceres“ les ayeux des Princes Oginsky, Sangouschka, Tchartorisky et de bien d'autres familles ont été russes; et leurs descendants ne sont devenus polonais, que par le changement de culte forcé ou politique. L'intolérance innée au catholicisme, qui sans honte éclate même aujourd'hui au XIX-me siècle (dans la rixe avec la Prusse) était soutenue par tout le pouvoir du gouvernement. Déjà vers la fin du XIV-e, Vladislav Jagellon, à ce que rapporte notre historien: „Iugem condidit, ne Russis et catholicis matrimonium inter se contrahere liceret, nisi Russus, vel Russa a suis ad nostros transiret“. Après cela vinrent la privation des places, des dignités, des droits de propriété même: enfin, toutes les mesures coercitives imaginables, qui rappellent bien la politique sanglante des Decius et des Diocletiens au commencement de notre Ère. Il n'est pas étonnant après cela, que le nombre des soi-disant *Polonais* ait augmenté en quelques centaines d'années sur le compte du sang russe, malgré le „Russi tenaces Religionis“ de Cromer—surtout dans les conditions élévées!

De plus, l'intéressante classe d'agriculteurs et d'artisans, celle qui compose les ⁹⁹/₁₀₀ d'une nation, a-t-elle jamais constitué l'*Etat* dans la véritable signification politique de ce mot, sous l'ancien régime des Piastes, ou ensuite des Rois électifs? Chez aucun autre peuple, dans aucun temps peut-être des sociétés humaines, l'assujettissement de cette classe n'a été aussi complet, aussi déplorable, que dans la ci-devant Pologne. La religion était injuriée. Que dis-je religion? A peine lui permettait-on enfin d'en avoir une. A force d'atrocités on était parvenu à forger un culte batard (grec-unis), dont les temples couverts de chaume, sujet de dérision pour les Polonais, étaient affermés aux juifs. C'est, en tremblant devant les fouets des sales circoncis, qu'on achetait la permission d'y entrer. Chose incroyable! Dans un pays chrétien un juif décidait despotiquement du baptême et du mariage des chrétiens. La barbarie et l'ignorance étaient éternisées par système. Point d'école ecclésiastique ou séculière. Point de tribunal! jamais un paysan maltraité à l'égal de la bête par des subdélégués, dans aucun cas ne pouvait plaider sa cause. „Zawiesić jego kpa (qu'on pend le misérable)“! était lestement prononcé un verre de tokay à la main ¹⁾; et souvent ce décret du maître était-il exécuté sans

¹⁾ Un cas semblable a fait résonner la lyre d'un des meilleurs poètes polonais: de Mickewitz je crois.

autre forme de procès. On tuait un *kep* avec une balle de fusil, et l'on n'était responsable que vis-à-vis de son Seigneur. La police et la juridiction ne s'en melaient guère. Le paysan de la Lituanie n'était pas mieux traité que celui de la Volhynie. Si l'on ménageait encore l'existence de ces malheureux, c'est parce qu'on tirait parti de leurs travaux. Une perspective d'amélioration *quelconque* n'était pas faite pour ces parias dégradés. Ils n'obtenaient pas même l'honneur de servir la personne de leurs maîtres. Les grands étaient environnés d'une *Schliachta*, nationale pour eux. On ne saurait citer un seul exemple d'un paysan parvenu en Pologne. Qu'on ouvre les annales et les voyages pour s'assurer de la stricte vérité de ces faits! „.... pravus et barbarus mos“ raconte l'historien ingenu „apud proceres et equites Polonos, ut iter facientes, quotiescunque & ubicunque collobitum esset, agros atque prata agrestium et oppidanorum depascerentur, ac non modo pabulum, sed etiam victum omnem ipsis imperarent, sive adeo ipsi effractis horreis atque cellis per vim auferrent: neque contenti quantum libuisset absumpsisse, reliquum etiam maliciose profundebant dissipabant et corrumpabant: jumenta e pascuis et stabulis, atque etiam juncta curribus et aratris utenda, vel potius ad cursum abutenda abducebant: eaque vel defatigata & enecta dimittebant, vel si forte placuissent, retinebant et usurpabant“. Remarquez, je vous prie, les expressions „pravus et barbarus mos“. C'était donc une *coutume*, un usage habituel: non un abus, dont on pouvait se plaindre à une autorité supérieure. Les vestiges de tant de barbarie subsistent encore, malgré tout ce qu'un gouvernement magnanime a fait pour rétablir les droits de l'humanité dans ces contrées ¹⁾. Qu'on cesse donc, de s'apitoyer dans les journaux et les parlemens sur le sort des millions (!) de Polonais (!), qui réclament dit-on leur patrie. Ce n'est que dans leur reincorporation avec la tolérante Russie, que ces millions d'hommes ont com-

¹⁾ Quelqu'un *du pays* (vide infra) pour alléger l'accusation, cherchera peut-être à nous la faire partager. Mais je défie de produire des preuves valables. Hormi des cas extraordinaires, objets de la justice criminelle, le même état des choses, est & a été en tout temps moralement impossible en Russie. Les corvées, *reglées par la loi*, sont censées être des retributions pour la possession des terres seigneuriales. *Bamomka!* (bonpère!) & *Eparamen* (bonfrère!) sont depuis des siècles les vocatifs habituels de deux parts. La religion nous unit avec nos agriculteurs. Devant Dieu, à l'église, tous péle-mêle également debout, les rangs sont confondus dès l'âge le plus tendre. Et puis, le gouvernement suprême ne cesse de veiller et d'inspecter les abus, de cette sorte surtout. Une S*** (sous Catherine II) est bientôt découverte, et sans égard à la naissance et au sexe est enfoncée vouée à l'exécution publique pour le reste de ses jours dans'un couvent de la capitale.

mencé à l'avoir. C'est en rentrant sous une domination *nationale*, juste, philanthrope, impartiale pour toutes les conditions, dont ils avaient été détachés par un concours de circonstances malheureuses, qu'ils sont devenus un *peuple*. Deux à trois cent mille Polonais véritables, descendants des portesabres kujaves et Mazoures, un demi-million tout au plus dans les deux sexes, sont les seuls, aux quels peuvent convenir les plaintes des publicistes. Encore doit-on retrancher de ce nombre peu signifiant pour l'humanité, la très-majeure partie, c'est à dire ceux, qui trouvant leur bien-être sous le Gouvernement actuel, seront toujours loin des désirs et des tentatives insensés.

Ne rirait-on pas au nez de celui, qui p. e. s'aviserait d'entonner une élegie sur le sort *malheureux* Finnois, *détachés* de leur *patrie*, la Suede-oubliant, qu'il ne se trouve que vingt-mille Suédois parmi les deux millions d'habitans de la Finlande?.. Et c'est le cas: avec la différence, que les Finnois étaient cent fois mieux traités par leurs ci-devant maîtres, que les serfs russes, lituaniens et autres par les leurs sous l'ancien régime. Résumons. La Pologne n'était qu'un mauvais *cadre* de fer de fonte autour d'un coin arraché d'un tableau. Le cadre, tout rouillé, s'est brisé. Et ce coin, jusque là, sans rapport, sans signification, a repris sa place naturelle dans l'ensemble du magnifique tableau, ouvrage immortel de la Providence elle-même.

Au lieu des *millions* hyperboliques, *quelques milliers tout au plus* de têtes turbulentes, ne voulant pas être utiles par l'application aux arts, à l'agriculture, aux sciences, au commerce, au métier des armes enfin, s'ennuyent de leur foinéantise, prétextent une patrie perdue à reconquérir, des *concitoyens* (lvide supra!) à rétablir dans leurs droits. Et on croit faire une oeuvre méritoire en cherchant à ameuter l'Europe en leur faveur—cette Europe qui a déjà tant d'affaires sur les bras!—à l'ameuter contre un Empire, dont les forces croissent à chaque nouvelle attaque, qui n'a pas reculé un pas depuis plus de deux cents ans, sous un Chef, le Pierre le grand de nos jours, et qui aurait dans cette cause-ci surtout, de puissants alliés!

Въ Харьковское Губернское Правленіе.

(2-ю мая 1839 года).

„Земскій судъ откладываетъ болѣ двухъ мѣсяцевъ изслѣдованіе о пожарѣ, истребившемъ весь домъ мой съ имуществомъ, о чемъ я приносилъ мою жалобу господину правящему должностъ гражданскаго губернатора отъ 24 апрѣля мѣсяца“, жалуется на „угнетеніе меня, упомянутымъ земскимъ судомъ въ пользу Подгоричани-Петровичевой“, „отдачею ей того самаго лѣса, по прежнему ихъ отмежеванію въ № 352, которое я всегда оспаривалъ и общаго лѣса рубки по высокой его цѣнности была и находится еще воспрещена указомъ Губернскаго Правленія“.

Просить „какъ объ уничтоженіи неправильныхъ дѣйствій Богодуховскаго земскаго суда и уѣзднаго землемѣра въ пользу Подгоричани-Петровича (который какъ слышу присутствуя на мѣстѣ, мой вѣками блюденный лѣсъ запродастъ уже подрядчикамъ) о возобновленіи въ памяти запретительнаго указа о нерубкѣ лѣса до „буквальнаго“ исполненія постановленій Прав. Сената—такъ равно и о порученіи сего исполненія другимъ болѣ благонадежнымъ лицамъ“.

Въ Харьковскую гражданскую палату.

(24-ю мая 1839 года).

„Присвоенный земскимъ судомъ графу или графинѣ въ 1835 году вѣковой боръ стоящій *отдѣльно* по крайней мѣрѣ 60000 руб. никогда не былъ во временномъ ихъ владѣніи. Сіе очевидно уже изъ того, что при вводѣ въ такое владѣніе не было землемѣра: и что Грыздобовъ вырѣзавши его изъ дикой дачи въ вышепоказанномъ году ставилъ свои столбы вновь; и основываясь не на показаніи чѣмъ либо, но на собственномъ соображеніи изготовленномъ имъ въ угоду графинѣ, произвольно сочиненномъ планѣ. Въ чемъ ссылаюсь на него самого на земскихъ чиновниковъ, на понятыхъ, бывшихъ при межеваніи и на всѣхъ жителей села Кручика, которые покажутъ эту истину подъ присягой.

Теперь этотъ самый боръ ограниченный тѣми же межевыми признаками 1835 года оставляется *опять* во владѣніи Подгоричани-Петровичевыхъ. Указы Правительствующаго Сената не могутъ противорѣчить одинъ другому.

Одно изъ двухъ, или временное владѣніе доказанное надлежащимъ безпрестаннымъ (sic) изслѣдованіемъ или данная произвольною нарѣзкою, должны служить основаніемъ. Если *данная*, то въ ней утверждена оцѣнка имѣнія, по которой вслѣдствіе 3092 статьи Свода Законовъ гражданскихъ Подгоричани-Петровичевы должны были принять имѣніе. Каразинъ проситъ „о неутвержденіи дѣйствій Богодуховскаго земскаго суда и землемѣра въ послѣдней т. е. нынѣшней отдачѣ *части* имѣнія моего *лучшей* графинѣ Подгоричани-Петровичевой для конечнаго моего безвиннаго разоренія, прежде нежели истребованіемъ плановъ и сличеніемъ ихъ съ прежними не будетъ доказана истина того, что я въ нынѣшнемъ прошеніи представляю: и слѣдовательно сіи дѣйствія не будутъ утверждены Прав. Сенатомъ, которому одному принадлежитъ изяснить кажущееся несходство между собою его предписаній, а до того запрещеніе истреблять рубкою драгоценный въ имѣніи боръ, которое наложило Губернское Правленіе, благоволитъ, яко опредѣленіе равностепеннаго мѣста, оставить въ своей силѣ“ ¹⁾.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(24-го мая 1839 года).

Сіятельныйшій графъ!

Безъ сомнѣнія Вамъ донесено уже о безуміи здѣшнихъ нѣкоторыхъ студентовъ, которые въ ночное время бросили камень въ окно Можневскаго. Я очень далекъ отъ мысли самой—ходатайствовать за шалуновъ, хотя бы въ числѣ ихъ мои дѣти находились (но они, или въ службѣ или дома)! Надѣюсь однакожь, что Вы, добрыйшій изъ всѣхъ Царедворцевъ, не затворите двери и состраданію объ этихъ несчастныхъ—которые, вѣрьте, почти во все предоставлены самимъ себѣ. Не даромъ сказалъ я въ одномъ письмѣ: университетъ управляется такъ, что прости Господи!.. И въ семъ отношеніи дѣлается-ли *то*, что должно? Кто удостоиваетъ приласкать, наставлять *отечески* ету молодежь? Кто заботится доставлять имъ приличныя ихъ лѣтамъ благородныя разсѣянія? Не можахъ же это: но большею частію сыновья лучшихъ дворянъ. Молодо, пылко, роскошно! Начальники входятъ-ли въ ихъ положеніе, бесѣдуютъ-ли съ ними,

¹⁾ Но отдача имѣнія Подгоричани-Петровичу была уже совершенно окончена и Палата и Губернское Правленіе не входила въ разсмотрѣніе жалобъ Каразина, а объ окончаніи донесено Правительствующему Сенату въ половинѣ 1839 года.

заставляютъ-ли себя любить и слушать? Они рѣдко ихъ и видятъ: и то *въ парадъ*. Умягчите, добрѣйшій графъ, гнѣвъ Государя великодушнаго! Да не прострется онъ на большое число! Да умягчится самое слѣдствіе, которое обыкновенно наводитъ *общее* уныніе! Сколько уже этого было въ нашемъ городѣ—со временъ Павла еще!! Простите мнѣ письмо мое! Вашего Сіятельства отъ всей души почитатель и всепокорнѣйшій слуга:
Василій Каразинъ.

Харьковъ. 24 мая 1839 года.

Переписывая въ *четвертый* разъ извѣстную Вашему Сіятельству статью о полякахъ, которой полнѣйшій перваго экземплярь я отправилъ (19-го апрѣля) покровительствуемому Вами, благородному издателю *Утренней Зари*, я сдѣлалъ еще одно, слѣдующее прибавленіе, въ концѣ: (и больше не стану уже ни кому ею докучать!

Epilogue, ou un petit mot à ces Messieurs eux-mêmes.

Après-tout; dites nous donc, Messieurs les Refractaires, pour quoi vous ne voulez pas accorder au Chef révéré de la race Slave, à la quelle vous glorifiés d'appartenir, au Souverain, digne de l'être plus que personne au monde, à votre généreux Henri IV enfin, Roi, par ses éminentes qualités, Roi.

„Et par droit de conquête, et par droit de naissance“ pourquoi, dis-je, ne vous pas Lui accorder les mêmes droits, que vos ancetres ont tant de fois prodigués à des princes totalement étrangers, Lituanien, Hongrois, Saxons?... C'est une obstination, très-peu philosophique, Messieurs!... Pourquoi aussi, au lieu d'adhérer de toute votre volonté à l'immense faiseeau de notre commun ayeus. Scylurus ¹⁾, indestruetible par la liaison de ses forees, cherchez vous appiniantrement à reconstruire de nouveau un petit état à part, livré à la vicissitude des circonstances & des combinaisons? C'est un autre caprice, tout aussi peu philosophique.

¹⁾ Plutarque, traduction d'Amyot: *Du trop parler* XXIX. (Тутъ рѣчь идетъ о стрѣлахъ, легко изломанныхъ сыновьями Скиаура *по одиночкѣ*, когда въ пукѣ связанныхъ, никто не могъ переломить).

Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

(15-го іюля 1839-го года).

Милостивѣйшая Великая Княгиня!

1820-го года, также помнится въ іюль мѣсяцѣ, выѣзжая съ женою и тремя дѣтьми (въ С.-Петербургѣ) изъ Сергіевской улицы на набережную Фонтанки, увидѣлъ я остановившійся придворной экипажъ, у котораго ось изломалась. Изъ окна выглядывало сидя на колѣняхъ прислужницы прелестное дитя. Подбѣжать предложить свою карету дамѣ сопровождавшей на прогулкѣ Ваше Императорское Высочество, было дѣломъ одного мгновенія. О, какъ мило улыбнулись Вы намъ тогда, несравненная Царевна!.. Еще до сихъ поръ рисуется въ воображеніи шестидесяти-шестилѣтняго старика протянутая изъ дверецъ кареты нѣжная ручка!..

Теперь Вы щастливая супруга уже: и супруга того самаго Принца, къ которому на прогулкахъ Его въ Одессѣ влекло меня какое-то особенное чувство! Пріймите мое поздравленіе!

Царевна! Улыбнитесь мнѣ еще разъ; прострите мнѣ сей разъ руку помощи! Испросите мнѣ помилованіе совершенное и рѣшительное у Августѣйшаго Вашего Родителя! Поставьте меня въ то положеніе, не бесполезное для службы Ему и Отечеству, въ которомъ я, въ первые годы Царствованія Великаго Дяди Вашего, готовилъ по Его повелѣнію Уставы Народнаго Просвѣщенія. Да посвятится, чрезъ Ваше ходатайство, сей части, которой я преданъ пол-сто-лѣтія уже всею душою, и благодарности Вамъ—остатокъ моего вѣка.

Вашего Императорскаго Высочества всенижайшій слуга: Василій Назаровъ, с. Каразинъ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, членъ разныхъ ученыхъ обществъ, помѣщикъ Харьковской губерніи.

Харьковъ. 15 іюля 1839 года.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(26-го сентября 1839 года).

*Сіятельныйшій графъ,
милостивый государь!*

Какъ уединенно я живу! И какъ скромны наши газеты касательно внутреннихъ вѣстей!.. На сихъ дняхъ только, и случайно, чрезъ одного возвратившагося изъ С.-Петербурга пріятели узналъ я о несчастномъ заключеніи, подвергнувшемъ опасности Вашу драгоценную жизнь. Удивлялся только не находя имени Вашего Сіятельства въ числѣ выѣзжавшихъ изъ Петербурга въ Бородино! не смѣя роптать, что не получаю отвѣта на мои деревенскія и городскія посланія—(во множественномъ ихъ числѣ). Наконецъ, является нѣчто въ родѣ отвѣта!... 21-го числа сего мѣсяца квартальной нашъ офицеръ принесъ мнѣ объявленіе о полученномъ по части Министерства *Внутреннихъ Дѣлъ* Всемилостивѣйшемъ меня прощеніи, „съ дозволеніемъ жить гдѣ пожелаю, кромѣ Столицъ“.—По Всеподданнѣйшему-де докладу присланнаго изъ Харькова его (К-на) прошенія“. По этой же почтѣ я прошу графа Александра Сергѣевича о проведеніи до свѣденія Его Императорскаго Величества моей глубочайшей вѣрноподданнической благодарности: но—какъ я никакого другаго прошенія съ 1833-го года не посылалъ, не дерзалъ даже и почитать позволеннымъ посылать, кромѣ только Вамъ, добрѣйшій графъ, извѣстныхъ, принесенныхъ именно *Вамъ*, то—не Великой-ли Княгинѣ¹⁾ я обязанъ этимъ радостнымъ для всего моего семейства событіемъ—т. е. *прощеньемъ*? Оно для меня важно!—хотя впрочемъ горькая участь моя оставлена тою же. (Я и до сихъ поръ невозбранно жилъ и въ деревнѣ и въ Губернскомъ городѣ, и ѣздилъ также невозбранно въ Кіевъ и Одессу) Удостоите, графъ, принести за меня всенижайшую благодарность моей Благотворительницѣ! Мысленно, на колѣняхъ, лобызая руки Ея въ ожиданіи пока придумать могу *что-нибудь* къ засвидѣтельствованію глубокаго моего чувства.

Его *что-нибудь* вѣроятно будетъ достойный внуки Маріи и Дщери Александры прозектъ учрежденія училища для забытыхъ до нынѣ дѣвицъ бѣднаго народа. Вы изволите его получить по слѣдующей почтѣ, на основаніи прилагаемаго у сего (отдѣльно напечатаннаго) листа изъ Губерни-

¹⁾ Въ конвертѣ моемъ къ Вамъ, отъ 15-го іюля с. г.

скихъ нашихъ газетъ. Начальница здѣшняго института благородныхъ дѣвицъ, да и многіе очень одобряютъ ету мысль. Легко ей состоится, если Вы подкрѣпите на одной изъ частныхъ бесѣдъ Вашихъ!...

Пріймите, добрѣйшій графъ, глубочайшаго къ Вамъ почтенія и чистосердечной приверженности увѣреніе.

Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга: Василій Каразинъ.

Харьковъ. 26 сентября 1839 года.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(28-го сентября 1839 года).

Сіятельнѣйшій графъ,
милостивый государь!

Сдѣлайте милость, прикажите статейку что на оборотѣ напечатать въ *Journal de St.-Petersbourg*, или гдѣ нибудь въ Заграничной Газетѣ. Жаль, что прежняя статья (о Польшѣ) не была ни гдѣ помѣщена!

Піеса, о которой я написалъ, 1834 года: но я ее читалъ у пріѣзжаго въ новомъ изданіи.

Честъ имѣю быть съ глубочайшимъ почитаніемъ и душевною преданностію Вашего Сіятельства вѣрнѣйшій и преданнѣйшій слуга:

Василій Каразинъ.

Харьковъ. 28 сентября 1839 года.

P. S. Размышляя, что Ваше Сіятельство можете проводить осень, для поправленія Вашего здоровья, въ прелестномъ Вашемъ фалѣ, я отважился послать проэктъ мой объ *Институтѣ для низшихъ состояній* прямо: ибо мнѣ должно благодарить: и чѣмъ другимъ я въ силахъ принести благодарность?.. Для Вашего свѣдѣнія прилагаю списокъ ¹⁾. О если бы Богъ благословилъ ету мысль! Она, право, достойна *вѣка*, достойна *Царствованія!* Етаго только недостаетъ по учебной части. А женщины въ народѣ сильное и надежное и безопасное орудіе. Помогите!

Extrait d'une lettre de Kharcoff.

C'est fini: il est écrit que les auteurs en France demeurant incorrigibles d'abord qu'il s'agira des Russes et de la Russie. Je viens de lire un Opera-comique nouveau: *Lestocq ou l'intrigue & l'amour* par Scribe. Pas le moindre m'enagement de la verité de l'Histoire, de la

¹⁾ По слѣдующей почтѣ. Не успѣлъ дописать: цѣлые два листа!

Географіе-ні *de la bien-séance*, qui dans un siècle éclairé, c'est à dire philosophique et philanthrope, doit être strictement observée de peuple à peuple.

On fait *releguer* Elisabeth à Novgorod!

Un *Goloukinn*, Maitre de Police de S.-Petersbourg, est en même tems entreteneur d'une station (fournisseur de chevaux). Son serf Stroloff y est *maitre de poste*!..

Il y a *des jardins* de l'Ermitage... sous la Regence de 1740! ect.

Dès la première scène on chante dans un couplet:

. . . „le moscovite
„est fait pour être battu..!!

Sugez de la continuation. Il n'y a pas de page, où soit directement soit indirectement l'on n'eut fourré quelque injure du même genre & dans le même gout. Et-ce n'est pas un écrivain de la populace, ni un écrivain à la douzaine, qui s'évertue ainsi: c'est Monsieur *Scribe* lui-même!.. (C'est tout dire).

Ah, Messieurs! Ne comprenez-vous donc pas, que mettre en scène imprimer *de la sorte* c'est insulter en pleine rue, en place publique l'étranger debonnaire et respectable? Ager ainsi au milieu d'une paix profonde, se devant des égards, c'est *de la barbarie* toute pure, que vous nous reprochés obstinément. Le dernier de nos „moujik's, serfs, esclaves ect. (selon vous, qui ne voulez pas étudier les usages des peuples) ne ferait pas celà—à moins qu'il ne fut ivre: et même j'en doute encore nonobstant cette dernière clause Fi, M. Scribe!..

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(15-го ноября 1839 года).

Сіяте́льнѣйшій графъ,
милостивый госуда́рь!

Удостоите ободрить, оживить меня одною строкою!.. Я такъ давно уже не получалъ отвѣта! Жажду, особливо узнать о послѣдствіи моей всенижайшей благодарности Ея Императорскому Высочеству. Дайте мнѣ старику, старому другу воспитательныхъ и учебныхъ заведеній еще разъ отъ умиленія поплакать, какъ плакалъ я въ 1802 году, когда увидѣлъ въ Манифестѣ 8-го сентября внесеннымъ Министерство Народнаго Просвѣщенія между прочими.

Ахъ, добрыйшій Графъ! Не ужели Вы не захотите, или не можете сколько нибудь подѣйствовать на *предубѣжденіе* (противъ меня) наилучшаго изъ Царей? *Безвременное* усердіе, безумное дерзновеніе говорить то, что я святымъ долгомъ почиталъ сказать, есть все, что составляетъ вину мою въ продолженіе сорока лѣтъ. Прилагаю списокъ съ бумаги моей 1806 года, которой подлинникъ вѣроятно цѣль еще гдѣ нибудь между бумагами блаженной памяти Государя Императора, взгляните на мѣсто отмѣченное на 3-й, 4-й и 5-й страницахъ. Не то-ли самое *совершено* теперь Высочайшею волею?.. По прошествіи тридцати трехъ лѣтъ оправдались мои конечно *дерзновенныя тогда* желанія.

Тоже самое могъ бы я сказать и о флотѣ (на которой нынѣ обращено *такое* вниманіе!), и о библейскомъ обществѣ..., и о многомъ, за что я понесъ *тогда* сразившіе меня удары. Высочайшій гнѣвъ имѣлъ послѣдствіемъ ополченіе ябеды. Предсѣдатели Палатъ и Сенаторы говорили не безъ основанія: „на что падить врага общественнаго?“ Сказавъ это, они лишили меня имѣнія, пожалованнаго за пролитую кровь и другія заслуги моему отцу. Вѣдь я живу теперь скудными доходами жены моей, Сіятеыйшій Графъ! И прошенія ея о пересмотрѣніи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ лежатъ безплодно и у Васъ и въ Комиссіи прошеній. А бѣдныя, уже чисто безвинныя дѣти не потерпѣли-ли отъ этого же предубѣжденія? Старшій сынъ, на примѣръ, гордость моя, котораго я воспиталъ сообразно природнымъ его способностямъ, чтобы блеснуть имъ предъ Августѣйшимъ моимъ благотворителемъ блаженной памяти—готовя его для Генеральнаго Штаба, етотъ молодецъ владѣющій тремя, четырьмя языками, какъ своимъ отечественнымъ, етотъ математикъ, физикъ и прочее, что онъ теперь на 33-мъ году его жизни, онъ, которому принадлежало бы въ флигель-адъютантахъ дѣлать честь своему званію?.. бѣдный, прострѣленный въ Егеряхъ подпоручикъ въ отставкѣ.

Чудное дѣло, Графъ! Человѣкъ сумасшедшій на усердіи къ своимъ Государямъ и Отечеству, написавшій сильнѣйшіе доводы въ защиту Самодержавнаго Правленія ¹⁾, считается какимъ-то карбонари—потому только что онъ смѣлъ! Забыто *одно*: что онъ писалъ и пишетъ, подъ печатю тайны, какъ нѣжный сынъ отцу, котораго обожаешь.

Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга и вѣчно вѣрный почитатель:

В. Каразинъ.

Харьковъ. 15 ноября 1839 года.

¹⁾ Отъ Васъ записку выправится въ секретномъ архивѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія о моей рукописи поднесенной Харьковскому Дворянству въ 1816-мъ году.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(18-го ноября 1839 года).

Сіятельныйшій графъ!

По моему обычаю дописываю въ слѣдующемъ письмѣ, то, чего не пришлось сказать въ предыдущемъ. Съ роду не любя чернить, я и къ блаженной памяти моему Благодѣтелю писалъ всегда прямо на бѣло: съ тѣмъ уже и умру!.. Къ концу ужъ жалобнаго посланія отъ 15-го числа вадумалось мнѣ сослаться на мое сочиненіе, заключенное съ 1817-го года въ Архивъ Цензуры. Но, досугъ-ли будетъ Вашему Сіятельству сноситься съ этимъ Архивомъ? Досугъ-ли будетъ читать *всю* эту мою тетрадь? Объ этомъ я не подумалъ. Поправляя ошибку, теперь препровождаю нѣсколько страницъ ея, рукою моего подпоручика списанныхъ. Довольно, чтобъ о цѣломъ сдѣлать заключеніе! Добрѣйшій Графъ! вступитесь за меня въ послѣдней четверти нашего вѣка. Это будетъ *достойно Васъ* предъ потомствомъ...

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и надеждою, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга:

Василій Каразинъ.

Харьковъ. 18 ноября 1839 года.

P. S. Чтобы сберечь деньги (и то не мои, а женины?) я выписку отправляю въ видѣ послышки; а дабы предъ почт-коноторою не солгать, дѣйствительно прилагаю печатную брошюрку, которая идетъ къ тому же предмету: составляя *также* статью моего вѣроисповѣданія (de ma confession de foi). *O, сколько бы дальнаю я могъ бы еще написать!*..

25-е ноября.

Къ прошедшей тяжелой почтѣ не послѣлъ мой кувертъ съ посылкою. А между тѣмъ гений мой, доброй или злой, не знаю, безпрестанно напештывалъ мнѣ: „Декабря 6-е не далеко! сдѣлай *послѣдній* опытъ помочь своему раззоренію!.. Я исполняю его; вѣрю въ благодѣтельные руки Ваши Всеподданнѣйшее Прошеніе. Отъ Васъ единственно пусть все зависить! Поступите, *какъ Вамъ* угодно! Мы оба, добрѣйшій Графъ, меньше здѣшняго міра жильцы, нежели кандидаты будущаго.

Императору Николаю Павловичу.

(25-го ноября 1839 года).

*Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій,
Всемилостивѣйшій Государь!*

Ваше Императорское Величество благоволили мнѣ возвратить драгоценное право подданнаго относится въ нуждахъ своихъ *безпосредственно* къ своему Государю. Я имъ пользуюсь для принесенія Всеподданнѣйшаго прошенія о повелѣніи Вашемъ принять и рассмотреть двѣ жалобы жены моей, которой я предоставилъ сохраненіе остатковъ погибшаго моего состоянія. Сіи жалобы, принесенныя: Первая въ письмѣ къ генералъ-адъютанту (нынѣ графу) Бенкендорфу отъ 11-го ноября 1834 г. вторая отъ 20-го сентября 1835 г. въ собственныя руки Вашего Величества, не могли быть доложены по силѣ 106-й статьи Учрежденій Государственныхъ; ибо имѣли въ предметѣ рѣшеніе общаго собранія Правительствующаго Сената (Московскихъ Департаментовъ: въ собственномъ смыслѣ, злоупотребленія по его канцеляріи). Въ приложеніи закона, а именно 3092-й статьи Свода Гражданскаго, Тома X. о продажѣ описныхъ имуществъ: „Но буде-бы и на новомъ торгѣ никого изъ желающихъ не явилось, то истцы, имѣющіе право владѣть продаваемымъ имуществомъ обязаны принять оное *по сдѣланной оцѣнкѣ*... послѣднія сіи слова выпущены; чрезъ что я лишился пожалованнаго отцу моему имѣнія, благоустроеннаго мною чрезъ многіе годы, 183-хъ ревизскихъ душъ съ наилучшими землями и лѣсами за двадцать четыре тысячи съ сотнями рублей, недоплаченныхъ по закладной, то есть меньше нежели за пятую долю его истинной цѣны.

Изъ подносимой копіи Указа Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, что общее собраніе, когда я обращалъ вниманіе Его на сію мнѣ обиду, по тому только отказало мнѣ, что оно „за силою 465-й статьи I-го Тома Свода Учрежденій Государственныхъ, въ отмѣну прежняго своего постановленія другаго здѣлать не можетъ“.

Всемилостивѣйшій, Августѣйшій Государь!.. Если не благоволите оказать мнѣ и семейству моему милосердія повелѣніемъ принять и рассмотреть въ Государственномъ Совѣтѣ жалобы жены моей, представляющія и *другія* отступленія отъ Законовъ, то по крайней мѣрѣ благоиз-

вольте повелѣть, чтобъ кредиторы удовлетворили меня по ясному смыслу вышеприведенной статьи, а *до того* возвратилибъ мнѣ имѣніе.

Съ глубочайшимъ благовѣніемъ пребываю Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный:

Василій Назаровъ сынъ Каразинъ, Статскій Совѣтникъ.

Харьковъ. (25 ноября 1839 года).

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(1839 года ?).

*Сіятельныйшій графъ,
милостивый государь!*

Больной уже я отправляю къ Вашему Сіятельству кувертъ мой отъ 23-го февраля. Теперь я и болѣе разнемогаюсь. Можетъ быть пора идти въ слѣдъ за товарищемъ моимъ нѣкогда, Сперанскимъ? Двѣ три мысли пошлю еще—и прощайте!..

На оборотѣ изволите найти поправленіе одной грамматико-географической ошибки. Я было хотѣлъ послать *прямо* въ редакцію Журнала: но предъ запечатаніемъ уже представилось мнѣ, что это Вамъ, Сіятельнѣйшій графъ, можетъ быть не угоднымъ. По чему и рѣшился отнять у Васъ еще нѣсколько драгоценныхъ минутъ времени Вашего.

Впрочемъ, ошибка сама по себѣ не такъ и важна. Племена славянскіе дѣйствительно простираются до Салы впадающей въ Ельбу; но наши, Малороссіянъ, *родичи* и единовѣрцы не переходили Сана рѣки. Я прибавилъ также кое-что не безважное—на случай если статья еще не вышла: А буде и вышла, можно отправить въ *Journal des Debats*, въ поправленномъ и дополненномъ видѣ. О какъ заслуживаетъ должнымъ образомъ быть обработаннымъ *этотъ* историческій взглядъ! *Поляковъ*, т. е. головорѣзовъ, покорившихъ мало по малу мечемъ мирныя племена прочихъ славянъ и другія, уже изнуренныя нашествіемъ татаръ, т. е. употребляющихъ слова не славянскія, каковы *собѣта* вмѣсто женщина, весьма не много! Они то собственно и составляютъ *шляхту*, подобно какъ шведы въ Финляндіи, и *Ritterschaft* въ Лифляндіи. Самой же *народъ* тѣломъ и душою есть *русской*.

Не безъ надежды быть обрадованымъ если то еще дождь Свѣтлаго Праздника! Отзывомъ Вашимъ — которой прийму какъ радостнѣйшій *Христосъ Воскресе*, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ Вашего Сіятельства, преданнѣйшій и всепокорнѣйшій слуга:

Василій Каразинъ.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(27-го декабря 1839 года).

Сіятельнѣйшій графъ,
милостивый государь!

Пріймите усерднѣйшее мое поздравленіе съ началомъ 1840 года. Да будетъ онъ для Вашего Сіятельства здоровымъ и радостнымъ! Да будетъ сколько нибудь отраднымъ и для меня! Не одинъ я страдаю съ семействомъ, милостивый графъ: но болѣе трехъ сотъ обоего пола безвинныхъ земледѣльцовъ, какъ изъ прилагаемаго въ подлинникъ письма изволите усмотрѣть. Въ опеку-ли эти несчастныя человѣческія существа взять, или иначе поступить вѣлѣдствіе моей Всеподданнѣйшей прозбы отъ 25-го ноября. Но защититъ ихъ велятъ человѣколюбіе и правда Государя-Христіанина!

Можетъ быть скажете: для чего тебѣ не просить по инстанціямъ?.. Всѣ уже пройдены, Сіятельнѣйшій графъ! Не говоря объ отказахъ Общаго Сенатскаго Собранія по самому дѣлу, десять разъ, если не болѣе обращено вниманіе Начальства на жестокости съ бѣдными поселянами; но рѣшеніе палатъ оканчивались всегда единообразно: „Каразину отказать по не представленію доказательствъ“. Но какія доказательства могутъ быть *пидены* пристрастнымъ Земскимъ Судомъ, на которой я столько *мѣтъ* *безполезно жалуюсь*? Настоящія *убійства* были: но даже слѣдствія о нихъ остались не конченными. Вы не можете себѣ представить, Сіятельнѣйшій графъ, какъ въ глуши, внутри Имперіи производится подобныя дѣла!.. Накопивъ множество примѣровъ для историческаго созерцанія потомству, я уже пересталъ и жалобы приносить.

Ревнитель о разныхъ пользахъ общественныхъ, вступитесь и за страждущихъ поселявъ! Кто знаетъ? можетъ стать вниманіемъ къ прозбамъ моимъ и воплю этихъ несчастныхъ хохловъ, Вы сдѣлаете великое отечественное добро!

Удостоите принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и несомнѣнной надеждѣ на Васъ по жизнь. Вашего Сіятельства преданнѣйшій и всепокорнѣйшій слуга:

Василій Каразинъ.

Харьковъ. (27 декабря 1839 года).

Ивану Александровичу Сявцилло.

(18-го марта 1840 года).

Сейчасъ по свиданіи съ Алексѣемъ Петровичемъ, пишу я къ Вамъ, любезнѣйшій зять! Онъ пріѣхалъ ночью и прислалъ за мной по утру. У него засталъ я и свата его графа Орлова.

И общалъ, и не общалъ: говорить, что ето тамъ въ Петербургѣ сдѣлается; что Медицинскій департаментъ долженъ опредѣлить конечно челоуѣка значительнѣе, нежели нынѣшній.

Лучше всего сдѣлаете, если съ приложеннымъ моимъ письмомъ сами представитесь Его Высокопревосходительству и познакомитесь. А я между тѣмъ буду писать въ Петербургъ. Письмо ето для меня цѣнно: поберегите его, ради Бога, и возвратите, если не расположены вручить генералу.

Цѣлую Васъ, милую Пашиньку и дѣточекъ. Вашъ усерднѣйшій слуга:
В. Каразинъ.

Харьковъ.

Обдумавши о предложеніи, сдѣланномъ Вамъ Александромъ В., Вы сообразите, какой шагъ лучше. Меня, увы, ни кто не слушаетъ! Но *моя* мысль, предоставляя *все* Промыслу Божію, служить Вамъ!—Буде одного съ другимъ нельзя соединить!.... И увѣдомите.

Племянницѣ Елизаветѣ Логачевой.

(20-го марта 1840 года).

Я нарочно къ тебѣ пишу, моя милая Лиза, пусть хоть прочтутъ тебѣ, когда сама не имѣешь силы. Богъ знаетъ, какъ я жалѣю о твоей жестокой болѣзни! Пріѣхалъ бы самъ къ тебѣ лѣкаремъ, какъ пріѣзжалъ къ дорогой Любочкѣ: но не могу, страдаю самъ ногами. Вотъ, душенька, мой тебѣ совѣтъ! Я тебѣ его даю, какъ первый твой доброжелатель. Грѣшно тебѣ будетъ, если ослушаешия и его не исполнишь. Съ того и

начать, что надобно, чтобъ поставить тебѣ клистирь. Непремѣнно поставь; и не одинъ. Не церемонься!

2-е. Посылаю примочку къ головѣ. Прикладывай не теплое и не холодное, а какъ въ комнатѣ.

3. Для унятія икоты приложить горчицы на животъ не много, какъ обыкновенно съ уксусомъ, теплое и принимать гофманскихъ капель. Валеріаны отнюдь теперь не нужно.

4. Пить кислаго сколько угодно.

5. Безъ аппетита ничего не ѣсть.

6. На спину между плечами приложить пластырь.

7. Но главное, и прежде всего, и необходимѣе всего, *клистирь*. Эй, не ослушайся меня, своего доброжелательнаго дяди В. Каразина.

20 марта ввечеру.

Племянницамъ Софіи и Елизаветѣ Логачевымъ и Любви. ¹⁾

(6-го апрѣля 1840 года).

Заочно христосуюсь съ вами, мои милыя племянницы! Въ головахъ ты, дорогая моя Любочка, дивная фаворитка моего сердца! Потомъ по нѣжному поцѣлую вамъ обѣимъ, Елизавета и Сонечка! А вмѣсто красныхъ яичекъ, коими опоздалъ по трудности корреспонденціи, посылаю по апельсину.

Радуюсь, милая Лиза, что ты выздоравливаешь. Оправляйся совсѣмъ, собирайся съ силами: прибудешь сюда: твоя или для васъ обѣихъ квартира скоро очистится ибо наша дочь съ дѣтьми и мужемъ, занимающая эту комнату, скоро переѣдетъ въ Крутикъ. Иванъ Александровичъ ²⁾ уже и теперь ѣдетъ въ передъ.

Жалѣю, что ни кого изъ васъ не видалъ на праздникахъ. Спасибо тебѣ, душечка Любовь за твой гостинецъ, нечего сказать: славнѣе ты печешь! Продолжай по прежнему заниматься хозяйствомъ. Возложи на Бога упованіе! Авось переработаешь его все. Что принадлежитъ до васъ любезныхъ моихъ Александровенъ, то я ничего не упускаю изъ вида все ближе и ближе къ концу потерпите. Между тѣмъ надѣюсь вамъ и жилище устроить—не далѣе маія мѣсяца.

¹⁾ Вѣроятно, Любовь Зимборская.

²⁾ Ив. Алек. Сявцилло—мужъ дочери В. Н. Пелагеи Васильевны.

Любовь Андреевна уѣзжаетъ въ Чугуевъ, чтобы хлопотать объ Александрѣ. Его письмо и посылку получите вы чрезъ Ив. Александровича, который отвезетъ его въ Николаевъ. И я надѣюсь васъ увидѣть. Вашъ вѣрный другъ и доброжелатель:

В. Каразинъ.

6-го апрѣля ввечеру.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(15-го мая 1840 года).

Сіятельныйшій графъ,
милостивый государь!

Отказы или молчаніе Вашего Сіятельства на такія письма, которыя смѣлъ я почитать достойными лучшей участи, должны-бы были осудить и меня на совершенное безмолвіе, еслибъ я меньше былъ приверженъ къ высокимъ предметамъ (Государю и Отечеству), которые занимаютъ и всегда занимали мысль Вашу, Сіятельныйшій графъ!.. Простите несчастнаго старика если онъ Васъ еще обезпокоитъ, по сему уваженію.

Всѣхъ насъ, Харьковскихъ, сразила вѣсть о совершенно неожиданныхъ успѣхахъ разбойниковъ—черкесъ. Ваше Сіятельство конечно изволите вспомнить письма мои за три и четыре года. „Можетъ быть, угрюмый Кукъ ужъ слишкомъ поспѣшно прибѣгалъ къ всемогущему послѣднему убѣжденію (*ultima ratio*) при каждомъ прихотливомъ и дерзкомъ своеволіи Зеландцовъ. У народа, который никогда не оставляетъ обиды не отмщенною, и который, слѣдуя закону своего *utū* (мести), исполняетъ возмездіе, когда бы то ни было и надъ чѣмъ бы то ни было, такой манеръ заставлятъ повиноваться, при упорномъ сопротивленіи, можетъ имѣть самыя пагубныя слѣдствія. Можно полагать, что многія изъ кровопролитій, послѣдовавшихъ послѣ путешествія Кукова, на примѣръ, избіеніе матросовъ капитана Фюрно, были слѣдствіемъ жестокости англійскаго капитана противъ дикарей Зеландскихъ, такъ какъ убіеніе французскаго капитана Марьона было возмездіемъ за излишнюю мѣру мщенія Сюрвиля“.

(„Журналь *Сынъ Отечества*“ 1840-го года, февраль, стр-ца 620-я изъ статьи писанной Л. Рейбо, статьи поистинѣ превосходной, какъ сказалъ издатель).

Ахъ, Ваше Сіятельство! Вотъ уже почти пол-столѣтія, какъ я, ничтожный греко-хохолъ, играю изъ доброй воли (т. е. изъ вѣрноподданническаго усердія) роль несчастной троянской Кассандры!.. При большихъ занятіяхъ Вашихъ не знаю читали-ль Вы посланной мною про-

113

шедшаго года списокъ (или выписку) изъ бумаги 1806-го года объ *Уніа-тахъ*. Кто знаетъ: была-ли бы глупая польская кутерьма 1830-го года, если бы тогда-же, т. е. за 24 года взяты были мѣры, исполненныя въ 1839-мъ? Я полагаю, что до сихъ поръ половина и самого дворянства Западныхъ губерній вступила бы уже въ единовѣріе съ нами *по прежнему*, чтобъ искренно и несомненно составить *единое стадо единого пастыря...*

Ахъ Ваше Сіятельство! Конечно *можно было* на подданнаго прикрикнуть, за то, что не унимался смѣло говорить правду, засадить въ крѣпость, довести до потери всего родительскаго имѣнія; и теперь еще можно, если угодно, меня, скоро семидесятилѣтняго старика, достойнаго нѣкогда товарища по службѣ и заслугамъ всѣхъ нынѣшнихъ нашихъ первостепенныхъ людей, сослать въ ссылку, пожалуй и подъ батажьемъ какъ послѣдняго раба уморить! „Издохни де дерзкой!“ но—развѣ истина и правда отъ этого *на волосъ* перестанутъ быть истинною и правдою? А потомство съ удивленіемъ спроситъ: за что столь жестоко наказывали этого бѣднаго Каразина? Онъ былъ просто—сумасшедшій“!

Не перестаю, и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ еще, почитать основаніе на восточномъ берегу Чернаго моря *большаю, огромную* торговаго города, важнымъ вспомогательнымъ средствомъ къ овладѣнію Горцами. И тѣмъ лучше, тѣмъ славнѣе для насъ, что это расположится среди самого пыла войны. Но вотъ другія вспомогательныя средства. Удостоите донести о нихъ!

1-е. Въ подражаніе Римлянамъ, обѣщать каждому сражающемуся воину, сверхъ жалованья, опредѣленное количество земли, которая послѣ истребленія или плѣненія и *переселенія* разбойничьихъ гнѣздъ завоевана будетъ. Напр. по пяти десятинъ за одинъ годъ службы солдату; офицерамъ—по соразмѣрности. Кликнувъ этотъ кличъ, можно быть увѣреннымъ что не только тысячи изъ отставныхъ, теперь безъ дѣла находящихся служивыхъ разнаго званія внутри Россіи, но и изъ всѣхъ краевъ Европы двинутся къ намъ способные люди! Европа, какъ сказано уже о крестовыхъ походахъ говори, *опрокинется на Азію*. Стоить будетъ только дѣлать выборъ. Упомянутый портъ *съ ею* (защищенными войскомъ и укрѣпленіями) землянками, будетъ служить сборнымъ мѣстомъ. Черезъ короткое время (какъ въ Одессѣ) эти землянки превратятся въ великолѣпные дома. Европа вся и всемірная торговля, путями Средиземнаго моря и судоходныхъ рѣкъ, каковы напр. Дунай, Волга и Донъ, устремятся на Этнополисъ (Ethnopolis: ville des peuples), какъ я воображалъ-бы, *давъ равное право торговли всемъ народамъ*, назвать новый городъ.

2-е. Мы воюемъ не съ *людьми*, но съ неукротимыми раззобленными *зверями*, противъ нихъ простиительно употреблять, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, орудія не терпимыя въ правильныхъ войнахъ. Въ нихъ *засады* для чего бы не кидать конгревовскихъ ракетъ, съ положеннымъ въ голову *убійственнымъ составомъ*? Нынѣ химія представляетъ намъ не одинъ *подобный*: ничего нѣтъ легче, какъ при горѣнн развивать во множествѣ l'hydrogène arsenieux. Въ кучахъ, сотнями будутъ дохнуть. Разумѣется, что въ этомъ должна сохраняться тайна, и тайна.

Но главное! Не уже-ли не рѣшатся напослѣдокъ (c'est à dire, au premier revers: car nous devons nous y attendre sans doute! Il ne s'agit pas des belles *theories*: tout comme chez M. Peroffsky ci-devant) употребить военачальника испытаннаго *тамъ именно*, страшнаго для Горцевъ и по нынѣ? Могутъ-ли они бояться того, у кого взяли *уже* столько крѣпостей?... вотъ подлинное, любезнѣйшаго для меня все равно, что единственнаго сына, котораго и Вы изволили знать! Вѣрьте, что на югѣ десятки тысячъ умныхъ людей также точно думаютъ.

Графи!.. Если Вы не тотъ, о которомъ въ драмѣ Беверлей воскликнулъ: „съ человѣкомъ ли я говорю?“ то Вы достойно оцѣните и Филодельфа моего, и мой Авраамовской поступокъ. Какъ подумаешь, право, и о его прежнемъ поведеніи: объ этой напр. *торговлѣ порохомъ*... такъ сердце и замираетъ! Но пора перестать, чтобъ старику не было бѣды.

Простите Бога ради что перемарано! Кромѣсь отъ жены: пишу скоро на скоро!

Вашего Сіятельства вѣчно-усердный почитатель и всепокорнѣйшій слуга:

Василій Каразинъ.

Харьковъ. 15 мая 1840 г.

Собственноручная надпись Василя Назаровича на пакетѣ, въ которомъ хранились документы
Логачевыхъ.

(8-го іюня 1840 года).

„Доказательства благороднаго происхожденія Логачевыхъ, именно указы на отставку и патенты и *грамоты* Амвросія, Николая, Василя и Александра: т. е. прапрадѣда, прадѣда, дѣда и отца дѣвицы Ольги, Елизаветы и Софіи Александровны, которыя составляютъ пятое поколѣніе отъ Амвросія. 1840 іюня 8. В. К. И документы отца Ольги Владимировны которые 26 іюля 1840 г. представлены въ Дворянское Депутатское Собраніе“.

Приписка В. Н. Каразина къ письму А. Каразина,
адресованному Сявцилло.

(1840 года ?).

Р. С. Замаранные мною строки означаютъ политическую трусость, одинакую съ вашей. Только ваша непростительнѣе. Дѣло идетъ о спасеніи, буде возможно, благороднаго человѣка, роднаго Вашего. А вы думаете, въ этомъ случаѣ, чужими руками жаръ загребать. „Я де въ сторонѣ“!

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(27-го іюля 1840 г.).

*Сіятељныйшій графъ,
милостивый государь!*

Пріймите всепокорнѣйшую мою благодарность за отвѣтъ (отъ 11-го числа с. м.) которымъ меня удостоили.

Бѣдный мой Филадельфъ только что лишился жены—на четвертомъ годѣ ихъ нѣжнаго супружества!!.. Предо мною еще лежитъ его короткое мрачное о семъ извѣщеніе отъ 20-го числа. По чему, я *долженъ погодить* ему передавать выговоръ Вашего Сіятельства, чтобы не загнать и его въ могилу, между тѣмъ, поспѣшаю умолять о прощеніи милаго, добраго молодаго человѣка въ томъ, что Вамъ угодно называть „дерзкими сужденіями и укорами“. Съ его сердцемъ не можно было не поразится вѣстью о гибели множества людей;—и чувствуя глубоко, не довѣрить своего *человѣческой* чувства *ощущ.* подъ печатью тайны. Да и это было—едва ли не въ первый и послѣдній разъ: что изъ самаго письма его Вы могли видѣть.

Но.....графъ! Добрѣйшій графъ! Долго-ль намъ смотрѣть на все только съ *этой стороны*? Продолжать видѣть, какъ проѣзжій въ баснѣ Крылова (*бритвы*), только опасность одну? Не распознавать и не различать *своихъ* отъ *чужихъ*?..

Вотъ наиримѣрь скажу, прилагая мой Мемоіре 1810-го года: Кто знаетъ? было-ли бы *нынешнее* нещастіе Тульской и другихъ губерній, если бы въ то время простосердечная, доброжелательная (смѣю сказать

патріотическая) мысль эта, не была нашимъ княземъ А. Н. Голицынымъ сочтена подозрительною, кроющею въ себѣ какое то злое политическое намѣреніе? Бросили вѣдь; даже мнѣ ни слова не отвѣчали. Для *необходимаго* же доклада блаженной памяти Государю Императору заставили академикомъ написать какую то надо мной недостойную насмѣшку...

Тоже можно бы повѣстствовать и о множествѣ другихъ вещей. Восприсоединеніе Уніатовъ, статьи о Флотѣ, о библейскомъ обществѣ, за которыя просидѣлъ я полгода въ Шлюссельбургской крѣпости, Вы уже сами изволите вспомнить изъ прежнихъ писемъ. Да и благодареніе—одно изъ первѣйшихъ послѣ Петра Великаго для нашего Отечества—*Благодѣніе Свода Законовъ* могло бы состоятся по крайней мѣрѣ дватцатью годами ранѣе, еслибъ Сперанскій не подпалъ подозрѣнію и ссылкѣ. Стало быть: *вредъ могущій быть* должно имѣть предъ очами больше, чѣмъ пользу отъ любви къ Отечеству отъ дѣтской преданности къ отцу его?!. Но съ отцомъ дѣти говорить свободно. Онъ улыбнется лишь, если они изъ усердія наскажутъ Ему ¹⁾ и дурачествъ. Палка въ Его рукахъ: дѣти ето видать. Но имъ и въ голову не входить, что онъ ее употребить захочетъ на что нибудь другое, какъ на отгонъ цсовъ или наказаніе виноватаго.

Оставляю ето, чтобъ—все таки языкомъ *тыры въ Васъ*, „Сіятельныйшій графъ, послѣ примиренія нашего, попросить, чтобъ Вы помогли произвести *хотя теперь*, предположенное мною *за тридцать лѣтъ* ²⁾. „Ето не бездѣлица!“ повторю Вамъ то, что *во время оно* писалъ Аракчееву. Дѣло идетъ о *возможности* болѣе или менѣе владѣть атмосферою. О, не мечта ето, вѣрьте!... И какая бы слава была для насъ, русскихъ, для Благодѣтеля Россіи, если бы въ Его Царствованіе мы дали еще *и ето* зрѣлище міру! *Достойное* было бы воздаяніе Европѣ.

Спросите: больше скажу. Не спросите: сдѣлайте милость прикажите возвратить приложеніе. У меня одинъ только етотъ экземпляръ послѣ пожара уцѣлѣлъ.

Вашего Сіятельства почтительнѣйшій, всепокорнѣйшій слуга:

Василій Каразинъ.

Харьковъ. 27 іюли 1840 г.

¹⁾ Замѣтите ето слово *Ему*. Боже мой! Долго-ль намъ не различать говорящаго въ кабинетѣ, на ухо, отъ проповѣдающаго на площади!..

²⁾ Жестокіе годы, каковы 1833-й и нынѣшній наиболѣе приличными быть кажутся, чтобы *серіозно* взглянуть на ето.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(28-го сентября 1840 г.).

Сіятельныйшіи графъ,
милостивый государь!

Не откладывая отвѣта на свисходительнѣйшее письмо Вашего Сіятельства, подписанное въ день *Воздвиженія*... Какъ не сѣшнить привести душевной моей благодарности—и за возвращеніе печатной тетрадки съ помѣтами карандашемъ рукою, которую узналъ я, не взирая что онѣ представляютъ не литеры, а только простыя черты. Сохраню какъ драгоценность въ собраніи моемъ автографовъ, къ щастію спасенномъ отъ пожара!

Всепокорнѣйше благодарю Васъ также за предоставленіе *мнѣ* развить придуманныя мною начала“. Но для етого достанетъ-ли у меня, бѣднаго, разореннаго помѣщика *собственныхъ способовъ*? О если бы по Высшему разрѣшенію я, какъ старинной (почетной) членъ здѣшняго университета, могъ съ профессорами его математики, физики и астрономіи составить Комитетъ: другое бы дѣло! Мы построили бы центральную обсерваторію (кстати и собственно *астрономическая* Богъ знаетъ почему еще не устроена), приобрѣли-бы наборъ *единообразныхъ и между собою свѣренныхъ* инструментовъ: разослали бы ихъ во всѣ губерскія и уѣздныя училища, и начали бы исполненіе самаго того, что въ читанной мною 1810-го года запискѣ было предположено: то есть наблюденія погоды правильныя, точныя, сосредоточиваемыя во едино и сличаемыя съ астрономическими аспектами. Я недавно писалъ къ Кунфери: „*les differens aspects des corps célestes vis-à-vis de notre planète, les modifications de la pesanteur, dues au changemens de leurs distances respectives, ne sauraient être indifferens pour son atmosphère—c'est composé des couches électro-magnétiques*“. Въ близи нашей обсерваторіи прикрѣплень бы былъ на свурѣ небольшой аеростатъ (достаточной только для удержанія въ отвѣсномъ положеніи а) шнура или шнуровъ которыми онъ задерживается, и б) тонкой платиновой проволоки). Аеростатъ кое-гдѣ убранный платиновою фольгою для привлеченія электричества. И мы бы стоя вънизу (съ должною осторожностію разумѣется, чтобъ не поднасть участи Рихмановой!) могли немедленно видѣть на показателѣ, *какія* перемѣны *при какомъ* положеніи земнаго шара происходятъ въ непостигаемой етой огнемещущей жидкости, тамъ вверху, за двѣ, за три тысячи сажень отъ поверхности земли. Чудное бы послѣдствіе новыхъ физическихъ истинъ открылось. И кто знаетъ? Наша академія не носожала-ли

бы, что она въ 1817-мъ году однимъ смѣхомъ отвѣчала мнѣ на предложеніе о *таковомъ* аеростатѣ, и на мысль тутже мимоходомъ, что изъ сего снаряда можно сдѣлать важное *техническое* употребленіе. Я разумѣлъ *то* самое, которое теперь дѣлаетъ г. Якоби изъ вольтовыхъ его снарядовъ. Но они конечно останутся игрушками въ сравненіи доставляемаго ими скуднаго электричества—съ необъятною массою сей матеріи носящейся въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Улыбнитесь и Вы, добрый графъ; но я *уверенъ*, что обожаемый нашъ Николай могъ-бы все *колыбано-воскресенское* и *Нерчинское* Свое серебро и золото *перечискивать* въ рубли и имперіалы по методу Якоби дѣйствіемъ подобнаго аеростата; что *это* стало-бы *дешевле* содержанія монетнаго двора. Улыбнитесь графъ; но позвольте мнѣ, *хотя въ воображеніи теперь*, видѣть владыку сѣвера и европейской политики, владыкою и атмосферныхъ силъ?.. Повелѣлъ: и вотъ въ іюльскій знойный день льется дождь для прохлады Царско-сельскаго сада! Или по крайней мѣрѣ (въ чемъ уже ни сколько не сомнѣваюсь!) приказалъ изготавить горьнею электрическою силою миллионъ рублей: или только то медалей на восприсоединеніе уніатовъ (о чемъ забыли доложить кажется; а предметъ достойный l'il en fut jamais!) для сего потребно только селитренная кислота, ящики и формы. И кто знаетъ, къ чему еще приложить со временемъ его чудное великое орудіе природы:—орудіе, которымъ управлять *лучше*, нежели водою и вѣтромъ. Вмѣсто каналовъ и крылъ довольно тончайшей проволоки. Вѣжить по ней, непостижимою быстротою вознаграждая тонину проводника и скоро накаплиется, гдѣ угодно человѣку, въ достаточномъ количествѣ!..

Какъ бы то ни было: оставимъ-те на сей разъ техническое предложеніе. Но *это* вѣрно, что устроивъ три такіа центральныя обсерваторіи для метеорологіи и астрономіи вмѣстѣ, въ Петербургѣ напримѣръ, въ Харьковѣ и на южномъ крымскомъ берегѣ, слѣдовательно по близкимъ между собою меридіанамъ; и соображая наблюденія *всѣхъ родовъ*—и между собою и съ доставляемыми изъ другихъ мѣстъ, гдѣ онѣ будутъ производиться уже обыкновенными (но *строго-выпренными*) инструментами, чрезъ десять лѣтъ узнаемъ *многое*!

Сіятельный графъ! Донесите Августѣйшему нашему Государю, что я повергаюсь къ Его стопамъ, испрашиваю хотя той милости, чтобы мнѣ было поручено начало сего дѣла. Данія уже предварила насъ, къ сожалѣнію, учрежденіемъ Метеорологическаго Комитета (мы были бы первыми еслибъ не мое нещастіе!): но мы задавимъ его массою и новостію *нашихъ* наблюденій. Нѣтъ нужды пока въ большихъ издержкахъ. Пять тысячъ серебромъ довольно на первой годъ: въ послѣдующіе мо-

жетъ быть и менѣе. И не ужели я, внесши подвигомъ моимъ о Харьковскомъ университетѣ до семи сотъ тысячъ рублей, не заслуживаю, чтобы изъ сей суммы именно, косящую въ банкъ, было столько отложено—для общепользнаго *по моему только проэкту*—употребленія?

Прибавте къ сему (если угодно) разсмотрѣніе моего дѣла съ поганою Петровичевою въ Государственномъ Совѣтѣ. Я Вамъ доставляю документы очевиднаго злоупотребленія въ общемъ собраніи. Но нѣтъ! Не прибавляйте ничего! Да останусь я раззореннымъ; и да будетъ чистымъ отъ великаго своекорыстія мое вѣрноподданническое прошеніе! Я буду еще въ старости моей созерцать новыя истины въ дѣлахъ Божіихъ, буду *еще* полезенъ моему Отечеству и наукамъ довольно!

Пріймите графъ, увѣреніе, какъ въ желаніи моемъ быть обязаннымъ, именно *Вамъ*, возможнымъ моимъ содѣйствіемъ къ прославленію Царствованія истинно-благодѣтельнѣйшаго, такъ и въ чувствахъ глубочайшаго почитанія и благодарности.

Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга:

Василій Каразинъ:

Харьковъ. 28 сентября 1840 г.

Р. S. Такой же экземпляръ (еслибъ былъ нуженъ?) какой изволили Вы возвратить, только испачканной, нашелъ я еще, и послалъ Купферу. Но долженъ быть съ 1817 года и въ академіи, или у князя Александра Николаевича. Тамъ и все дѣло.

А лучше всего, не запрашивать академію. Богъ съ нею покажетъ! Вы наилучшимъ образомъ, не бывъ академикомъ, сами изволили обсудить, что мысль моя не сумасшествіе.

Планеты, со включеніемъ могущественнѣйшаго солнца, судя по измѣненію положенія ихъ дѣйствуютъ на электричество нашей атмосферы; ето электричество измѣняетъ до извѣстнаго степени обстоятельства эклиптическаго положенія земли. Вотъ и вся исторія! Дѣло въ томъ, чтобы узнать законы по которымъ ето происходитъ. И ето узнается—чрезъ должныя наблюденія! между тѣмъ, какъ-бы мимоходомъ, откроются другіе важныя законы горнаго электричества. И Россія, съ лихвою заплатить просвѣщенному свѣту, за все что она отъ него получила!..

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(30-го сентября 1840 года).

Сіятельныйшій графъ,
милостивый государь!

По дурному моему обычаю досказывать въ слѣдующемъ письмѣ то, что поспѣшность пропустила въ первомъ, донесу Вашему Сіятельству, *на чемъ* сверхъ того, что *должно* открыться чрезъ испрашиваемыя мной наблюденія, я издавна основываю предположеніе, что *до нѣкотораго предѣла* можно измѣнять атмосферныя явленія.

Электричество есть главнѣйшій двигатель въ мірѣ. Скоро увѣрятя (въ чемъ я не сомнѣваюсь!) что и кругообращеніе планетъ отъ сей могущей силы зависить. Атмосфера наша съ носящимися въ ней водяными парами состоитъ изъ слоевъ постепенно рѣдѣющихъ и *разнообразно* электризуемыхъ вышними вліяніями. Конечно отъ *того* или *другаго* электричества на тотъ или другой слой атмосферы зависить прозрачность ея, или появленіе облаковъ: слѣдовательно большей или меньшей вѣсъ воздуха въ томъ пространствѣ. А это то и раждаетъ вѣтры по тому или другому направленію, при помощи упадающихъ въ тоже время отъ вѣснѣе или косвеннѣе солнечныхъ лучей. Симъ образомъ безпрестанно нарушается равновѣсіе, которое постоянно имѣли бы *сами по себѣ* лежащіе одинъ на другомъ по относительной своей тяжести слои атмосферы и отъ человѣка будетъ зависѣть, соотвѣтственно той или другой цѣли своей, нарушать это равновѣсіе—если онъ опытами познаетъ каждой родъ электричества принадлежащій *извѣстнымъ* высотамъ, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Ибо шаръ земной есть также пріемникъ электричества: и посредствомъ металлической нити прикрѣпленной къ Аеростату. (кое гдѣ въ видѣ сѣти убранному фольгою), которой по произволу можно поднимать и опускать, удобно будетъ разряжать или заряжать (въ ограниченномъ пространствѣ вокругъ!) каждой слой атмосферы, т. е. возводя земное электричество въ тотъ или другой слой, или на оборотъ низводя оное въ землю. Воздухъ самъ по себѣ есть худой проводникъ, и верхніе слои весьма разобщены съ нижними. (О слояхъ вездѣ я разумѣю въ смыслѣ дифференціального счисленія: не 10 или 100; но ∞).

Въ Харьковѣ, Сіятельныйшій графъ, по законному праву давности, которую Вы въ письмѣ Вашемъ признавъ изволили, пусть будетъ устроенъ первой физической снарядъ етаго рода, при *первой* же метеоро-астрономической обсерваторіи (къ статѣ-жъ, тутъ и *никакой* до селѣ

нѣтъ!) и опытъ одного года рѣшить, полезно ли построить и двѣ другія, сколько можно менѣе отступая отъ меридіана (*что полагаю необходимымъ*, ибо сравнивать надобно вліяніе тѣхъ же аспектовъ подъ различными широтами).

О да вознаградятся, хотя предъ кончиною моею, которая не можетъ уже быть далека, мои потери, мои—большую частію безвинныя потерпѣнія хотя сею мѣрою общественной пользы! „Не мнѣ, не мнѣ, но Имени Твоему Славу Дажь“!

Графъ! Донесите Его Императорскому Величеству, что я *никогда, ни чѣмъ* не согрѣшилъ противу благоговѣнія, которое питаю къ Его священной Особѣ съ 1802-го года, когда въ первый разъ имѣлъ счастье съ Нимъ встрѣтиться въ галлереяхъ Зимняго Дворца (имѣя въ рукѣ пророчество о Немъ Державина), и съ 1816-го года въ первый разъ былъ удостоенъ нѣсколькихъ словъ въ залахъ здѣшняго университета. *Чѣмъ* я столько виноватъ, что не буду удостоенъ простой справедливости, на которую имѣеть право послѣднѣйшій изъ Его вѣрноподданныхъ?... Скажите, что слезы старика обливаютъ эту бумагу и перо...

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ къ Вамъ почтеніемъ, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій и преданнѣйшій: Василій Каразинъ.

Харьковъ. 30 сентября 1840 года.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(23-го октября 1840 года).

Сіятельнѣйшій графъ,

милостивый государь!

Не возможно мнѣ не беспокоить еще разъ Вашего Сіятельства. По послѣдней почтѣ я получилъ отвѣтъ академика Купфера. Вотъ подлинныя его слова, между прочимъ:... „j'ai vu avec plaisir, que des idées, qui ont été présentées par moi ont déjà été conçues et présentées par vous; il y a trente ans“... „Vous pouvez apprendre par la brochure ci-jointe—que des établissemens spécialement consacrés aux études météorologiques et magnetiques couvriront bientôt non seulement toute la Russie, mais toute la surface terrestre... etct“.

На основаніи первой выписки Ваше Сіятельство можете смѣло докладывать Всемилостивѣйшему Государю Императору, что проектъ мой не безуміе: ибо онъ *теперь* приводится въ исполненіе Европейскими учеными обществами—хотя я долженъ сказать, что не воплію, какъ я

предполагалъ въ 1810-мъ году и еще предполагаю. Въ числѣ созерцательныхъ орудій нѣтъ воздушныхъ шаровъ, посредствомъ которыхъ можно бы наблюдать развитіе электрической силы въ верхнихъ слояхъ атмосферы, что я почиталъ и почитаю *важнѣйшимъ* для метеорологіи. По сему, еслибъ сказано было: „къ чему теперь Каразина? Это *самое* теперь уже дѣлается“ донесите ради Бога, что не то самое! „въ Харьковѣ де въ помощь прочимъ обсерваторіямъ, Казанской и т. д. можетъ быть сдѣлано, если будетъ благоугодно Вашему Величеству, весьма важное дополненіе“. Не оставте меня добрѣйшій графъ!—ради славы Государя, Котораго Вы столько любите, ради пользы наукъ, которыми дорожите Вы!

Пріймите увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи. Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга: Василій Каразинъ.

Харьковъ. 23 октября 1840 года.

P. S. Направленіе самыхъ вѣтровъ въ 4-хъ, 5-ти, 6-ти верстахъ отъ земли (которые не всегда дуютъ согласно съ приземными) можно наблюдать аеростатами посредствомъ неважнаго механизма на нихъ и зрительной трубы. Аеростаты же могутъ служить и для *телеграфій*. Полно не это-ли средство хочеть употребить (по газетамъ) нѣкто Ватонъ, въ Гуалѣ, чтобы съ кораблями переговариваться за нѣсколько часовъ до прибытія ихъ въ гавань?

Словомъ 5 тыс. серебромъ не велики, когда 25 тыс. пожаловано г-ну Якоби.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(3-го ноября 1840 года).

*Сіятельныйшій графъ,
милостивый государь!*

На полученное мною сію минуту почтеннѣйшее письмо Вашего Сіятельства отъ 21-го октября, позвольте мнѣ отвѣчать слѣдующимъ Аполлогомъ, который, благодаря чрезвычайной грязи нашей и отъ нея замедленному ходу почты, авось успѣю написать до отправленія оной.

Въ Елисейскихъ поляхъ случилось механику Поадебару отыскать первоначальнаго изобрѣтателя жерновъ. Французъ объяснилъ Египтянину, что и онъ на своемъ вѣку дѣлывалъ поставки для обращенія хлѣбныхъ

зеренъ въ муку. Разговорились „по скольку жъ ты бывало доставляешь своему фараону пригоршней муки въ день? спросилъ наконецъ послѣдній перваго“, пригоршней? Дай подумать съ минутку. Поадебаръ сдѣлалъ въ умѣ выкладку обращая четверти, въ четверики, гарницы и пригоршней и отвѣчалъ: Да! мои Моршанскія мельницы, еслибъ дать мнѣ ихъ кончить хозяинъ, доставляли бы по крайней мѣрѣ триста тысячъ пригоршней муки въ день. И въ несовершенномъ своемъ состояніи онѣ давали до 250 т. „Что ты это бредишь!“ воскликнулъ Египтянинъ. „Какъ возможно одной рукою намолоть столько?“—въ томъ то и дѣло, отвѣчалъ инженеръ-механикъ, что не одной человѣческой рукой. Я употребилъ, *силы природы*, заставилъ камни мои, которые во сто кратъ тяжелѣ твоихъ и ихъ было множество, *ворочать цѣлую рѣку* въ ея полномъ теченіи“.

Такъ то Сіятельнейшій графъ, и Вы изволите сравнивать физическую дѣтскую игрушку Якоби производящую съ великимъ издивеніемъ *крошечку* электричества, съ огромными массами онаго въ облачныхъ пространствахъ, которую наиудобнѣйшимъ образомъ можно привлекать и употреблять въ дѣло. Удостойте прочесть въ подлинникѣ мое письмо, „Du sublime iln'ya qu'un pas au ridicule“ сказалъ Наполеонъ. Можетъ статься—недобрые докладчики въ выпискѣ представленной Вашему Сіятельству сказали такъ: „К. предполагаетъ, что методомъ г-на Якоби можно замѣнить монетной дворъ“?... Сохрани Богъ: не прибавлено ли..., и просить *на этотъ* опытъ 5 т. рублей! Но идея о техническомъ приложеніи аеростата у меня во всѣхъ трехъ письмахъ есть идея побочная (*une idée secondaire*). Предметъ—Учрежденіе Метеороскопическихъ Обсерваторій, съ дополненіемъ *въ нѣсколькихъ* орудія для наблюденія электричества высшихъ слоевъ атмосферы: ибо это то электричество и рѣшаешь, по моему мнѣнію, всю загадку воздушныхъ перемѣнъ. Теперь—по тому, что пишетъ мнѣ Академикъ Купферъ ¹⁾ метеороскопическія снаряды учреждаются хотя не вездѣ на первый случай и хотя магнито-электрическія *приземныя* наблюденія составляютъ въ нихъ главнѣйшее, въ Харьковѣ объ етомъ не думано: да и собственно астрономической обсерваторіи еще нѣтъ. По чему, я, воскрешая мои предложенія за 30 лѣтъ, съ тѣмъ большимъ правомъ, что Англійское и Россійское ученныя общества *indirectement* признали ихъ дѣльными, Всеподданнѣйше прошу дать мнѣ способы произвести ихъ въ Харьковѣ, присоединяя обсерваторію по моей мысли *къ общей системѣ*, изъ коей я *все прочее* буду заимствовать. Вотъ въ чемъ *дѣло*! А *между дѣломъ*, смѣю я надѣяться (въ чемъ основанія мои изложилъ) что *можно* ксатѣ, сдѣлать и техни-

¹⁾ И чего я не зналъ еще, писавъ первыя два письма, отъ 28-го сен. и 2-го окт.

ческое приложеніе атмосферной электрической силы. Я мыслить, за многіе годы, то самое объ электричествѣ горнемъ, рождающемъ молніи, что г. Якоби оправдалъ надъ электричествомъ искусственнымъ, которое стоя очень дорого, въ сравненіи съ первымъ, представленнымъ намъ Природою въ необъятномъ количествѣ—за безцѣнокъ, есть меньше нежели дѣтская забава. Съ глубочайшимъ почитаніемъ пребуду Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга и кліентъ: Василій Каразинъ.

Харьковъ. 3-го ноября 1840 года.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

(25-го декабря 1840 года).

*Сіятельнѣйшій графъ,
милостивый государь!*

Удостоите принять мое всеусердное поздравленіе съ наступающимъ годомъ. Всевышній да укрѣпитъ въ продолженіе его и гораздо далѣе силы Ваши на пользу тысячей въ Отецествѣ нашемъ и къ истинному удовольствію Великаго Его Доброжелателя.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства преданнѣйшій, всепокорнѣйшій слуга: В. Каразинъ.

Харьковъ. 25-го декабря 1840 года.

Р. S. Въ послѣднемъ моемъ письмѣ (отъ 7-го декабря) я упустилъ сказать и о третьемъ чиновникѣ, т. е. о избранномъ въ предсѣдатели гражданской палаты, *Хорватъ*. Безвинной, но пустой человѣкъ: при томъ же *домашній*, полуфранцузскаго воспитанія. C'est tout dire! Имъ будутъ управлять совѣтникъ или секретарь попеременно. Получившій же меньшее число баловъ, кажется, бывшій прокуроръ *Гриневичъ*, человѣкъ съ умомъ, доброю волею и состояніемъ. Послѣднее также важно: ибо меньше вѣроятности что будетъ взяточникъ.

Московскому почтъ-директору.

(10 го февраля 1841 года).

Милостивый государь
Александръ Яковлевичъ!

Вашему Превосходительству лично для устраненія соблазна осмѣливаюсь я надписать кувертъ мой, слѣдующій въ почт-амтъ вамъ ввѣренный. Болѣе нежели *сорокалѣтнее* знакомство даетъ мнѣ къ этому право. Мы съ Вами, кажется, не дурно разумѣли другъ о другѣ и въ юности нашей!

Кстати донесу я вамъ по этому поводу, что у насъ въ Харьковѣ разнесся анекдотъ, который не дѣлаетъ чести вашимъ экспедиціямъ, требуя вашего строжайшаго начальническаго взора. Не я одинъ, а весьма многие уже не получаютъ выписанныхъ ими газетъ и журналовъ. Здѣсь, по истинной *превратности судьбы*, заслуженному подполковнику 1812 г. старому человѣку, обвѣшанному орденами, Ив. Вас. Виганту, досталось быть помощникомъ почтмейстера коллежскаго ассессора, молодого чело-вѣка еще, предъ которымъ старый раненый воинъ долженъ стоять вытягиваясь въ струнку.. Этотъ г. Вигантъ, котораго я лично знаю достойнѣйшимъ уваженія, благороднѣйшимъ чиновникомъ, очень бѣденъ—онъ получаетъ здѣсь только 1000 р. и квартиру—при *большомъ*, но прекрасномъ, благовоспитанномъ семействѣ. Онъ запечатывалъ 200 р. ас., адресованные въ Московскій почт-амтъ. Не только отправлявшій ихъ иностранецъ, но всѣ мы сколько было тогда на лицо въ почтъ-конторѣ около стола, видѣли, какъ бумажка положена въ кувертъ, какъ запечатана Вигантомъ. Чудное машень-шпидерство нужно было имѣть этому почтенному старику, чтобъ въ эту минуту спрятать деньги въ карманъ запечатать одинъ пустой кувертъ! Но въ Москвѣ при открытіи этого куверта бумаги якобы не оказалось. И вотъ деньги взысканы теперь съ Виганта, утирающаго слезы!! Всѣ объ этомъ говорятъ пожимая плечами. Дѣло, правду сказать, куріозное. Примите увѣреніе въ совершенномъ почитаніи, преданности и стародавней пріязни Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга:

Василій Каразинъ.

Харьковъ. 10 февраля 1841 г.

Въ Императорскій Московскій почт-амитъ.

Статскаго совѣтника Каразина.

Покорнѣйшее прошеніе.

Въ началѣ прошедшаго мѣсяца, не позже 10 или 11 числа, бывъ лично въ Харьковской почт-конторѣ, адресоваль я Московскаго почт-амта въ газетную экспедицію прошеніе о высылкѣ Московскихъ Вѣдомостей на нынѣшній 1841 годъ, приложивъ деньги по объявленію. Донынѣ не высылають Вѣдомостей, такъ что я уже начинаю сомнѣваться въ извѣстной подуденнымъ губерніямъ исправности экспедиціи Московскаго почт-амта. Почему покорнѣйше прошу, наведя справку о моемъ прошеніи, настоять о высылкѣ Вѣдомостей, включивъ и номера съ начала года.

Василій Назаровъ Каразинъ.

Харьковь. 10 февраля 1841 г.

Неизвѣстному.

(6-го сентября 1841 года).

*Ваше высокопревосходительство
милостивый государь!*

Зная меня и мою исторію съ давнихъ лѣтъ, вы конечно изволите согласиться, что отъ меня зависѣло быть попечителемъ Харьковскаго университета. Теперь, я ищу заступить открывшуюся скромную вакансію его бібліотекаря. Не откажите мнѣ въ семъ!.. Дайте мнѣ радость привести въ порядокъ и обнаружить драгоценность сей принадлежности университета, мною основанной, но частію растроченной и до сихъ поръ остающейся для ученаго свѣта въ неизвѣстности. Я было хотѣлъ произвести это чрезъ сына, упросивъ графа Ю. А. назначить его помощникомъ; но онъ измѣнилъ отцу.

Примите увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи Вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга Василій Каразинъ.

Харьковь. 6 сентября 1841 г.

И. Е. Бецкому.

(18-го февраля 1842 года).

Препровождаю имена особъ, благоволившихъ подписаться на Харьковскій Альманахъ 1842 года:

1) княгиня Люція Осиповна Долгорукова; 2) кн. Вас. Петр. Голицынъ; 3) кн. Ник. Голицынъ; 4) Гаврило Гавриловичъ Сухановъ; 5) Петръ Савичъ Альховскій; 6) Конст. Павловичъ Пауловичъ; 7) Ник. Дмитр. Алферакъ; 8) Козьма Никитичъ Кузинъ; 9) Александра Петровна Деичъ; 10) Александра Васильевна Каразина; 11) Максимъ Максимовичъ Ковалевскій; 12) Петръ Алексѣевичъ Ковалевскій; 13) Александра Тимофеевна Корсакова; 14) Иванъ Семеновичъ Адамовичъ; 15) Вас. Вас. Карсаковъ; 16) Анна Петровна Ковалевская; 17) Иванъ Ананьевичъ Капнистъ въ Полтавѣ; 18) Борисъ Егоровъ Данилевскій; 19) Герсевановъ въ Екатеринославѣ; 20) Вас. Ив. Данилевскій въ Зміевѣ; 21) Вас. Никол. Ладомирскій въ Черниговѣ; 22) Александръ Адольфовичъ де-Робертъ въ Ставрополѣ; 23) гр. Мих. Сем. Воронцовъ въ Одессѣ; 24) Александръ Дмитр. Хрушовъ; 25) Александръ Павл. Каразинъ; 26) Орестъ Романовичъ Быковскій и др. имѣю въ виду до 33 билетовъ, изъ коихъ я получилъ 22, а 11 прошу прислать. Хотя нѣкоторые изъ именованныхъ здѣсь особъ давъ мнѣ слово получили билеты не отъ меня, но число означ. на сей страницѣ билетовъ обязываюсь раздать и деньги доставить В. К.

И. Ю. получилъ отъ насъ за 10 билетовъ, именно десятый здѣсь не записанной Константина Ивановича Пушкина.

Императору Николаю Павловичу.

(8-го марта 1842 года).

Всемилоостивѣйшій Государь!

На семидесятомъ году жизни съ чистою совѣстію—немедленно по принятіи Христовыхъ таинъ, пишу я къ Вашему Императорскому Величеству. Излагая по обыкновенію моему мысли непосредственно на бумагу, сей разъ не оставляю я и списка: да будетъ тайна моя извѣстна Единому Богу!.. Неужели и сей разъ еще доброжелательство къ Отечеству и Его Августѣйшему Отцу, которыхъ я столько десятковъ лѣтъ люблю столь нѣжно, будетъ имѣть слѣдствіемъ—неблаговоленіе? Не от-

рицайте возможности безкорыстного чувства, Государь! Конечно никто болѣе меня не оплакивалъ Великаго Брата Вашего, моего и миллионъвъ Благодарителя. Въ полночь, между 25 и 26-го ноября 1825-го года когда дошла ко мнѣ вѣсть о Его кончинѣ, лежалъ я на помостѣ сельской моей Церкви обливая его слезами. Не жалобы на безвинное мое заключеніе, причину безславія моего семейства и нищеты, возсылалъ я къ вебу тогда, О Государь!...

Старикъ, котораго Благословенный, Умница Своего вѣка, удостоивалъ „уваженія“, который по Ангельскому Его велѣнію обработалъ Департаментъ Просвѣщенія народнаго, не можетъ быть сумасшедшимъ сряду сорокъ лѣтъ: отваживать, не смотря ни на какіе страхи, благосостояніе—не только свое, но и всей несчастной своей семьи; искать добровольно быть мученикомъ. Слѣдовательно, онъ имѣетъ какія нибудь *начала* (*principes*) можетъ стать и достойнымъ ближайшаго разсмотрѣнія.

Благодаримъ Тебя, Обожаемый Преемникъ Благословеннаго, за все что Ты для насъ сдѣлалъ! Усовершеніе законовъ, государственной защиты, вѣншей торговли и внутренней промышленности, воспитанія отечественнаго—чрезъ которое Ты ищешь усвоить Россіи (малочисленные!) чуждые ей элементы, не рѣдко заставляютъ насъ въ тайнѣ преклонять предъ Тобой колѣна. Меня особливо плѣнилъ подвигъ соединенія съ нами западныхъ нашихъ соотчичей возвращеніемъ имъ перво-бытной ихъ вѣры—по суетности человѣческой можетъ быть: ибо я въ 1806-мъ году представлялъ въ Бозѣ усопшему ту же мысль—и пострадалъ за это чрезъ Чарторьскаго.

Но, державнѣйшій Государь!—да разразится надо мной, зрѣлымъ уже для могилы, еще разъ гнѣвъ Твой!—правосудіе у насъ въ жалкомъ состояніи. Оно ослабѣваетъ ежедневно. Мотовство-ли, заставляющее продавать *все*, не исключая и чести, чтобъ удовлетворять его, нерадѣніе-ли высшихъ лицъ, несовершенство-ли нашихъ формъ судопроизводства, или—наконецъ—милованіе виновныхъ, уже избалованныхъ тому причиной? какъ бы то ни было: но зло существуетъ, растетъ развращаетъ общественное мнѣніе... И вотъ пята Ахиллова для вредныхъ замысловъ! (Еще недостаетъ намъ наставленія низшихъ классовъ народа, предохранительнаго: но до сего безъ особаго повелѣнія не смѣю коснуться, тѣмъ болѣе, что это одно уже составить тетрадь).

Всемиудивлѣннѣйшій Государь! Удостойте потребовать отъ Министра Юстиціи отчета объ анекдотахъ, которыя сообщу я Ему на сихъ дняхъ, не въ видѣ жалобы—ибо дѣла для меня лично, почти постороннія. И Вице-Канцлеру еще 10-го декабря одинъ изъ нихъ доведенъ къ свѣдѣнію.

Симъ оканчиваю, зная всю драгоцѣнность Вашего времени и избѣгая возбудить подозрѣніе о моей тайнѣ въ домашнихъ мысленно лобызаю священную для меня десницу Вашу съ одинакимъ благовѣніемъ и тогда, еслибъ она подписала мнѣ послѣднее нещастіе.

Вашего Императорскаго Величества. Вѣрнопоподанный:

Василій Назаровъ сынъ Каразинъ.

Харьковъ. 8-го марта 1842-го года (нач. вечера, по выходѣ изъ Церкви).

Министру Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварову.

(14-го марта 1842 года).

Его Высокопревосходительству господину Министру Народнаго Просвѣщенія, дѣйствительному тайному совѣтнику, члену Государственнаго Совѣта, президенту Императорской академіи наукъ, сей же академіи и другихъ знаменитѣйшихъ иностранныхъ ученыхъ обществъ члену, и пр. Сергѣю Семеновичу Уварову.

Статскаго совѣтника Московскаго и Харьковского Императорскихъ университетовъ почетнаго члена Василія Каразина.

Покорнѣйшее прошеніе.

27-го августа прошедшаго года представилъ я помощнику г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа прошеніе объ опредѣленіи меня на упразднившееся мѣсто бібліотекаря Харьковскаго университета. Вѣроятно Его Сіятельство довелъ о семъ до свѣдѣнія Вашего, вмѣстѣ съ послужнымъ моимъ спискомъ. Не имѣя еще разрѣшенія на мое прошеніе, позволеннымъ считаю въ дополненіе къ списку поднести у сего засвидѣтельствованныя копіи съ диплома, который я имѣлъ честь получить уже въ отставку моей отъ службы, и съ официальной переписки Министерства Юстиціи съ здѣшнимъ гражданскимъ губернаторомъ въ 1829 году, по поводу упомянутаго послужнаго моего списка, всепокорнѣйше прося Ваше Высокопревосходительство, въ случаѣ ея мнѣ возвращенія, благоволить ихъ оставить при дѣлѣ относительно до меня и того моего прошенія, вмѣстѣ съ брошюркою на французскомъ языкѣ о метеорологіи, которую я взялъ смѣлость непосредственно къ Вамъ препроводить по тому же предмету. Мои дѣти желали бы, чтобъ память обо мнѣ сохранилась въ Департаментѣ Вамъ вѣренномъ, *по распоряженію Вашему.*

Василій Назаровъ сынъ Каразинъ.

Харьковъ. 14 марта 1842 года.

С. П. Шевыреву.

Харьковъ (31-го марта 1842 года).

Милостивый государь
Степанъ Петровичъ!

Пріймите отъ меня, какъ отъ стараго члена университета, къ которому вы принадлежите, которой вы украшаете, душевную благодарность за множество отрывковъ вашихъ въ журналѣ Министерства и другихъ, которые читаль я истинно съ наслажденіемъ. Особливо на дняхъ восхитили меня двѣ статьи: письмо ваше къ Бандеру помѣщенное въ его послѣднемъ сочиненіи, которое далъ мнѣ читать нашъ преосвященный Пиннокентій и стихотворенія на желѣзную дорогу въ Москвитининѣ. Умница нашъ архипастырь восхищаетъ насъ Харьковцовъ, а особливо меня, которой мечталъ о его постановленіи сюда еще въ 1834-мъ году въ Кіевѣ, при первомъ съ нимъ знакомствѣ. Завтра надѣюсь имѣть честь встрѣтить Его Преосвященство на университ. диспутѣ. Со слѣдующею тяжелою почтою я, кстаѣ пришло къ вамъ и предметъ сего диспута, соч. кандидата Костомарова о причинахъ и характерѣ уни! Можетъ быть вы бросите нѣсколько мыслей о немъ въ Москвитининѣ. Скажите Михаилу Петровичу Погодину мое истинное, совершенное почитаніе, въ которомъ не престаю и сами быть увѣренны! Скажите ему, что мы съ женою ждемъ отъ него отвѣта.—И высылки 1-го № Москвитинина, имѣя 2-й и 3-й.

Вашъ покорнѣйшій В. Карзинъ.

Женѣ Александрѣ Васильевнѣ ¹⁾.

Одесса, (23-го августа 1842 года).

Милая моя Саша!

„Чи тужишь ты такъ за мною, якъ я за тобою“?

Вотъ уже и пятая сутки въ доходѣ послѣ нашей разлуки!.. Без-полезно было бы писать прежде. И нынѣшнее письмо вѣроятно будетъ

¹⁾ Писаны эти письма при слѣдующихъ обстоятельствахъ: В. Н. занимался, между прочимъ, въ послѣднее время, живя въ Харьковѣ, приведеніемъ въ исполненіе идеи своей о новомъ способѣ винодѣлія. Извѣстно всѣмъ винодѣламъ, что виноградный сокъ, при невозбранномъ на него вліаніи атмосфернаго воздуха, бродитъ слишкомъ сильно, много частицъ аромата и крѣпости улетучивается. Для отвращенія этого вставляютъ, обыкновенно, въ верхнее отверстіе бочки, жестяную трубку, согнутую такъ, чтобъ на-

тебя ожидать въ Полтавѣ. Твоего же письмаца изъ Николаева я еще не подучилъ. Филадельфъ дѣйствительно былъ здѣсь съ адмираломъ ¹⁾. Онъ могъ бы еще застать обоихъ насъ на квартирѣ; но заявившись порученными ему покупками, явился уже часу въ двѣнадцатомъ, въ то время какъ я, воротившись отъ заставы, сталъ перевозиться: и меня онъ не нашелъ ни на старой, ни на новой квартирѣ! А уже послѣ, ко мнѣ подкрался и поцѣловалъ меня, грустно задумавшагося, въ плечо. Ночевалъ у меня; а на другой день поѣхали мы вмѣстѣ на пароходъ. Мнѣ должно было извинить его. Откланявшись Михаилу Петровичу, простился я съ нимъ, и пароходъ тотчасъ снялся съ якоря. Долго, долго смотрѣлъ я за нимъ вслѣдъ, съ графской ротонды, какъ на кануѣ за твоею каретою. Вотъ я и одинъ!.. Конечно, дѣятельность мнѣ въ защиту, или въ предохраненіе отъ унынія *совершенною*. Встаю я не позже шести часовъ, и, мизерабельно позавтракавши, принимаюсь или бѣгать, или писать. Съ третьяго дня началъ я опять купаться въ морѣ: и уже въ купальняхъ du beau monde, ибо тѣ, наши прежнія, разобраны, а къ мельницѣ, гдѣ я одинъ разъ, какъ тебѣ говорилъ, купался, слишкомъ далеко. Каждое купанье стоитъ мнѣ 1 р. 40 к., съ извозникомъ: а чтобъ туда съѣздить просить не меньше двухъ рублей. Не купаться же нельзя, чтобъ долѣтаться: ибо не купавшись стало хуже.

ружный ея конецъ входилъ въ сосудъ съ водою. Само же отверстіе замазываютъ глиною. Отъ этого воздухъ наружный не входитъ уже въ бочку и остается тамъ только тотъ, который наполнилъ оставшуюся надъ сокомъ пустоту (полную налить бочку нельзя: допнеть отъ броженія, такъ какъ объемъ сока въ это время разширится). Но и этого средства предохранять сокъ отъ атмосфернаго воздуха недостаточно: доказательствомъ чему служить то, что въ погребѣ, гдѣ бродитъ вино, воздухъ такъ наполненъ спиртуозными частицами, что дышать тамъ трудно.—Василію Назарьевичу пришла простая идея, неприходившая до сихъ поръ никому: закупорить совершенно сокъ, не закупоривая бочку,—именно: налить, осторожно, сверхъ соку, такую жидкость, которая была бы легче его и не подвергалась сама порчи отъ воздуха. Такою жидкостью представился ему алкоголь, безводный до возможности. Сдѣлалъ онъ пробу,—удалась: вино вышло крѣче и ароматѣе чѣмъ сдѣланное изъ такого же винограда, обыкновеннымъ способомъ. Тогда онъ представилъ свою идею Правительству, которое и поручило ему, послѣ долгой переписки, поѣхать въ Крымъ чтобъ сдѣлать тамъ, въ казенныхъ виноградникахъ, опыты новаго способа винодѣлія въ большихъ размѣрахъ. Онъ поѣхалъ туда съ женою, съ которой рѣдко разлучался. Но прежде чѣмъ они туда доѣхали, бывши въ Одессѣ, получено было ими изъ Москвы семейное извѣстіе, по которому жена должна была ѣхать въ Москву. Къ этому-то времени и относится переписка ихъ, три образчика которой посылаю Вамъ. Они уже не видѣлись больше! 4-го ноября 1842 года, возвращаясь изъ Крыму, В. Н. скончался въ Николаевѣ. Жена пріѣхала туда передъ послѣднимъ его вздохомъ, когда онъ не могъ уже ее узнать. (Изъ письма Филадельфа Васильевича Каразина къ Ник. Алексѣвичу Лавровскому).

¹⁾ Лазаревымъ, при которомъ и тогда служилъ.

Вчера, въ день коронаціи, былъ вечеръ довольно пріятный на бульварѣ. Все, въ томъ числѣ брандвахта и купеческая гавань съ таможенною отлично были освѣщены. Играла музыка, пѣли пѣсельники. Ты же гдѣ тогда находилась, моя миленькая, жалкая моя Сашенька, которую дурные дѣти ¹⁾ заставляютъ съ горемъ по поламъ тащиться 1360 верстъ, оставя бѣднаго старика мечтамъ его?..

До сихъ поръ нѣтъ еще вѣрной вѣсти о времени пріѣзда В-ва ²⁾. Но какъ извѣстно уже что 16-го сентября Государь изволить быть въ Харьковѣ, то несомнительно, что *прежде этого ему слѣдуетъ быть здѣсь*. Впрочемъ я могу его и не дожидаться, а ѣхать въ Ялту, (и *тамъ уже въ свое время съ нимъ увидѣться*). Купилъ уже и банки... (Какія скверныя перья: десять ихъ предо мною лежать, безпрестанно перемѣняю; уже и ножичекъ купилъ, но чинить все не могу, и прихожу, право, въ отчаяніе!) Абрамъ служить мнѣ пока порядочно. Я его принужденъ былъ снабдить шинелью, постелью, рубахами, ибо у него *ничего* не было. Взыскивай пожалуй! не пособишь. *Начать* надобно съ того, чтобъ люди не роптали.

Скажи Елисаветѣ Ал-нѣ мой поклонъ и поцѣлуй ее за меня, когда она тебя не огорчаетъ, а печется о тебѣ какъ о матери. Прости! Обнимаю тебя мысленно тысячу разъ. Цѣлую твои милыя губы, щочки, ручки. Прости, мой драгоценный другъ!.. Да будетъ съ тобою, на пути и повсюду, благословеніе Божіе. Пойду въ церковь за тебя помолиться.

Твой вѣрный старикъ В. К.

Р. С. Поспѣши, душенька, отдать въ Харьковѣ мое письмо Поповичу ³⁾, а мой алкоголь весь Ив-ну Сав-чу Данейкевичу. Кланяйся Григорію Григорьевичу, если къ нему заѣдешь.

¹⁾ Съ которыми, однакожъ, онъ скоро помирился. Было недоразумѣніе между матерью и двумя сыновьями, вслѣдствіе котораго она и должна была ѣхать въ Москву.

Ф. К.

²⁾ Графа Мих. Сем. Воронцова, отъ котораго онъ ожидалъ содѣйствія въ своихъ опытахъ надъ виномъ.

Ф. К.

³⁾ Черногорецъ, жившій въ Харьковѣ, за котораго онъ адвокатствовалъ по одному дѣлу.

Ф. К.

Женѣ Александрѣ Васильевнѣ.

Одесса, (28-го августа 1842 года).

Уже десять дней, какъ мы съ тобой расстались, моя жизнь! Гдѣ-то ты теперь? Куда я писать даже?.. На всякій случай одною адресую въ Харьковъ, и особо попроси Фатера ¹⁾ отправить въ Москву, если мое письмо тебя не застанетъ. Ты же, моя миленькая, получишь его *тоже* ~~то же~~ *какъ было*, отбѣдай уже въ Ялгу, ибо я ѣду туда непремѣнно 2-го сентября, на пароходѣ „Наслѣдникъ“, который выйдетъ прежде въ Севастополь. Впрочемъ, быть можетъ, что и лита „Орбидъ“ выйдетъ за мѣсяцъ. Въ такомъ случаѣ я обереженные деньги употреблю на проѣздъ сухопутнымъ путемъ до Ялты, чтобы видѣть Багчисарай.

Я пишу это за полторы сутки до отъѣзда на почту, въ пятницу, только-что пивши чай по возвращеніи моемъ съ купанья, въ 3-ье часовъ вечера. Написавши еще нѣсколько строкъ легу спать. Я такъ спалъ и вчера. Ночи еще не холодны. Вообрази, душевнѣе, что я застѣнулъ въ водѣ окружавшей меня, при сильнѣе ея возбужденіи, фосфорическій свѣтъ, какъ бываетъ подъ тропиками (но вѣроятно больше здѣшняго).

Я познакомился здѣсь нечаянно съ однимъ изъ спичеѣй покойнаго Стойковича, Говорюхѣ, которому принадлежить теперь здѣшняа С.-Петербургская гостиница. Купилъ этотъ домъ недавно, въ 140 т. р. Узнавъ отецъ его до такой степени разбогатѣлъ (ибо есть еще у него и деревня), я не знаю. Сегодня я у него обѣдалъ. Жена нѣкогда Дежневича, Москвитка. Старшій его братъ, Аркадій, въ Москвѣ живетъ, занимается „Живописнаго Общества“, а главный же. Обласкали они меня до чрезвычайности.

30-го августа въ день отъѣзда моего.

Вчера, за послѣдніеми разными дѣлами, въ томъ числѣ и Стойковича, не удалось ничего къ тебѣ написать. Грустно мнѣ, душевнѣе, безъ тебя! И днемъ и ночью, когда я сплю, привалую тебя—испуганнымъ вѣнчикомъ изъ твоихъ волосъ въ томъ числѣ *болѣе* ~~болѣе~~ *всѣхъ*, — знаешь-ли какое большое вѣнчикъ меня самого тревожитъ? Не досаждаешься снами? Понимаю если оно тебѣ, какъ и всякой женщины можетъ быть, покажется сухимъ, неприятнымъ для слуха. Но какъ оно близко моему сердцу по 37-ми лѣтамъ.

¹⁾ Французъ, жившій въ Харьковѣ, у котораго жилаго его сына *Валеріана*, который уже жилъ въ свѣтъ.

большую частью счастливой жизни!.. Плачу и теперь, когда пишу. Вот оно: „милая моя старушка“!

Гдѣ-то ты теперь? моя душенька, моя Сашенька! Съ какимъ чувствомъ разцѣловаль бы я щечки, губки, ручки твои!.. Но—странно! Ни одного разу еще ты мнѣ не снилась, хотя часто засыпаю произнося твое имя; и это не одинъ разъ въ ночь, ибо я сплю безпокойно. Ты здорова-ли? Какъ почитаешь? Твоя обыкновенная болѣзнь въ какомъ положеніи? Непремѣнно спроси у акушера въ Москвѣ. Что какое нибудь вспомошествованіе нужно, въ томъ я увѣренъ. Лишь бы тебѣ носить было не безпокойно.

Я уже отпечаталъ свою статью о *безопасномъ отопленіи*. Отдаю въ переплетъ. Да и отъ Николая Михайловича ¹⁾ сегодня или завтра получу чертежи. Пришлю тебѣ въ Москву десятка два экземпляровъ для отдачи на комиссію какому нибудь *честному* книгопродавцу,—разумѣется въ переплетѣ, на который не покусись, такъ какъ цѣну назначилъ я большую, (ибо это *открытіе*, а не просто сочиненіе).

Видно ты лошадей не продала. Но и лучше!.. Да-бишь! я не благодарилъ тебя за милое, нѣжное твое письмо изъ Николаева—единственное, которое я до сихъ поръ получилъ. Оно дошло ко мнѣ 22-го числа, и его вдохновеніемъ я написалъ статью объ этомъ днѣ. Навѣдаться принята-ли она въ Харьковской газетѣ? Для чего не просилъ я тебя написать хоть разъ съ дороги? Распорядись, душа моя, чрезъ Вендершевскаго ²⁾ (которому дать можно красненькую), чтобъ все, получаемое на мое имя въ Харьковъ было, до 1-го октября, отправляемо въ Ялту. Съ твоей стороны пришли мнѣ туда что-нибудь денегъ. Я не знаю какъ проживу тамъ, и чѣмъ возвращаться, если Стевенъ ³⁾ будетъ упорствовать не выдавать до разрѣшенія его рапорта. Но я тѣмъ не менѣе долженъ былъ издержать здѣсь рублей двѣсти.—Закрываю тебя въ мои объятія, мой другъ, моя Саша, моя старушка милая!..

¹⁾ Н. М. Кумани, въ то время начальникъ Гидрографическаго Депо въ Николаевѣ.

Ф. К.

²⁾ Чиновничекъ въ Харьковской почтовой конторѣ.

Ф. К.

³⁾ Директоръ казенныхъ виноградниковъ въ Крыму. Василию Назаровичу назначена была мизерная сумма въ 200 р. на опыты; Стевенъ не рѣшался ее выдать безъ особаго на то предписанія отъ своего начальства хотя В. Н. и показывалъ ему письмо гр. Киселева.

Ф. К.

Р. С. Вчера флигель-адъютантъ привезъ сюда извѣстіе о разрѣшеніи Цесаревны. Но манифеста еще нѣтъ. Бѣду въ церковь, чтобъ и съ архіереемъ проститься. Прощай!..

30-го IX ч. 50'.

Женѣ Александрѣ Васильевнѣ.

(Николаевъ. 23-го октября 1842 г.).

Получивъ драгоценное твое письмо, жизнь моя, адресованное съ 300 р. асс. подъ кувертомъ Филадельфа, я долгомъ ставлю на него отвѣчать, хотя не было бы въ томъ надобности: я долженъ *прежде* ея у тебя быть. Въ случаѣ, если и не успѣю, ради Бога не тоскуй, да и меня не вини! Могутъ случиться остановки за недостаткомъ лошадей, или починкою экипажа. Живу я здѣсь не по желанію (хотя и у сына, и у добрыхъ людей), а по необходимости: приводить въ годность для поѣздки моей колясочку, ту самую, которую мы съ тобой въ 1836-мъ году застали у покойной Евгеніи. Искали, искали другаго экипажа, — не возможно было найти, ниже за деньги. Они не хотятъ меня отпустить на перекладныхъ, какъ я до нихъ доѣхалъ. Да между тѣмъ и я обмолгаюсь. Торопимъ мастеровыхъ всѣми образами, и я и они. Авось въ воскресенье, 25 числа, успѣетъ экипажъ и я выѣду. Можешь быть увѣрена, что не потеряю нигдѣ времени! Но не вини меня, душенька, а то, что не исполняю твоего приказанія: „если ты не поѣдешь ко мнѣ *тотчасъ*, по полученіи сего, то не буду вѣрить ни какимъ твоимъ увѣреніямъ“, и пр. Чтобы это исполнить надобно было бы сѣсть опять на телѣжку и скакать; и довести къ тебѣ трупъ одинъ. Къ Фигьеру я писалъ объ Алуикѣ *такъ*, просто статистически. Какъ пріѣду, то ты увидишь, что я не Магометовымъ раемъ былъ тамъ занятъ. Одна и была тамъ Гуриса, старая княгиня Голицына: ибо и Воронцовой еще нѣтъ. Развѣ теперь не пріѣхала-ли? Да я и самимъ хозяиномъ, не смотря на его ласки *вельможескія*, право, не былъ доволенъ!

Спасибо тебѣ, Сашенька моя, за присылку теплой шинели, фуфайки и шарфа. Теперь не для чего увозить что-либо такое у сына. Онъ мнѣ давалъ было свой тулупъ. 300 р. я у него оставляю. Чудное дѣло, что ты не получила до 12-го октября ни одного изъ моихъ Ялтинскихъ и Симферопольскихъ писемъ. Онѣ были *отправлены* въ Москву: 6 сентября, 8-го сентября, 11-го сентября, 15-го сентября, 17-го сентября, 20 сентября, 25-го сентября, 30-го сентября, 2-го октября, 3-го октяб-

ря; въ Харьковѣ: 7-го октября, 14-го октября и 15-го октября въ кувертѣ Кузьмина. Да отсюда это второе. Кажется хоть изъ Москвы слѣдовало уже придти къ тебѣ нѣсколькимъ.

Обнимаю тебя мысленно нѣжнѣйшимъ образомъ. Сынъ и внукъ пѣлуютъ твои ручки.—Первый пошелъ къ должности; да и о коляскѣ похлопотать. Николай Михайловичъ съ супругою свидѣтельствуютъ тебѣ свое (я увѣренъ!) *искреннее* почтеніе. Они заботятся обо мнѣ какъ о родномъ.

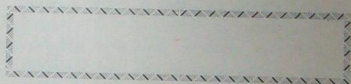
Молю Бога о твоёмъ здоровьи и спокойствіи. Цѣлую Валеріана и прошая его безпричинное путешествіе въ Москву.

Твой вѣчный другъ и любовникъ Василій Каразинъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

Акція Харьковского Филотехническаго Общества.

181 года, съ дня.

Въ этомъ четвероугольникѣ писалась сумма внесенныхъ по акціи денегъ.

*Время выдачи шести процентовъ.
Въ сроки:*

1811 г.
1812
1813
1814
1815
1816
1817
1818
1819
1820

*Время выдачи вышесл. процен.
Въ сроки:*

1811 г.	руб.	коп.
1812		
1813		
1814		
1815		
1816		
1817		
1818		
1819		
1820		

По прошествіи 1820 года, Акція будетъ вымѣнена другою, подобною же,

№

Правитель для Общества:

№

Въ одномъ изъ ста мѣстъ написанъ секретными чернилами знакъ. Коль скоро оный, до получения соответствующихъ ему процентовъ, будетъ (химическимъ какимъ либо средствомъ) выведенъ наружу, то Акція теряетъ свое достоинство. Желаніе установить довѣріе публики и обезпечить капиталъ нашего Общества, сдѣлало необходимою сію мѣру.

Прошеніе Императрицѣ отъ имени Варвары Шадъ¹⁾,
составленное для нея Вас. Наз. Каразинымъ.

(15-го сентября 1820 года).

(Къ Имп-цѣ Е. А.).

Всемилоостивнѣйшая Государыня!

Я дочь французскаго эмигранта съ первыхъ лѣтъ гибельной революціи оставившаго свое Отечество, чтобы поселиться въ Россіи. Послѣ разныхъ странствій въ обширной Имперіи сей, онъ кончилъ жизнь въ Курскѣ, оставивъ сиротами (несчастнѣйшими!) меня и трехъ моихъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ умеръ отъ ранъ въ послѣднюю войну, а два продолжаютъ службу Его императорскому величеству: я вышла замужъ за Харьковскаго бывшаго профессора философіи Шада. Злополучная его участь вѣроятно извѣстна Вамъ, человеколюбивѣйшая Государыня, такъ какъ извѣстна она публикѣ. Скоропостижная его высылка за границу разстроила въ конецъ общее наше съ нимъ, бѣдное состояніе. Я послѣдовала за нимъ, прежде въ Берлинъ, потомъ въ Ену. Но онъ, сокрушаясь сугубо о томъ, что союзомъ со мною невинно сдѣлалъ меня участницею своихъ бѣдствій, такъ сказать принудилъ меня возвратиться въ Россію. Съ августа мѣсяца прошедшаго года я жила въ сей столицѣ, питаюсь нѣкоторыми надеждами... Нищета заставляетъ теперь выѣхать изъ нея, чтобы искать убѣжища въ Курскѣ, у скудныхъ моихъ родственниковъ. Сегодня, добрая, Милосерднѣйшая Государыня! отправляюсь я съ извозчиками, которые везутъ товары, на телѣгѣ въ одну лошадь... Не въ силахъ бывши писать сама (слезы залили бы написанныя строки!) я употребляю чужую руку, снабдившую меня нѣкоторою помощью въ путь Ангель во плоти! Ты не имѣешь нужды въ краснорѣчивыхъ убѣжденіяхъ и въ прошеніяхъ униженныхъ, столь часто употребляемыхъ во зло!.. Единое я сказать могу: что я по гробъ мой буду участвовать во всеобщей къ Тебѣ привязанности, благодарности, удивленіи, благоговѣніи; и что я довольна буду малою помощію.

Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйшая: Варвара Шадъ, коллежская совѣтница. Урожденная Д'астѣфъ.

Въ С.-П.-тѣ 15-го сентября 1820 г. А въ Курскѣ полагаю остановиться у зятя моего, губернскаго архитектора Шмита.

¹⁾ Она получила 150 р. пенсію отъ Императрицы, считая съ 1-го января 1821.

Прошеніе В. Шадъ Министру Народнаго Просвѣщенія
кн. А. Н. Голицыну, написанное для нея Вас. Наз.
Каразинымъ.

*Сіятельныйшій князь,
Милостивѣйшій государь!*

Вашему Сіятельству извѣстно нещастіе моего семейства. Мой мужъ коллежскій совѣтникъ и бывший профессоръ Харьковскаго университета Шадъ находится теперь въ чужихъ краяхъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Высылка его за границу, которой точная причина не извѣстна тамъ официально, поселила противъ него подозрѣніе во всѣхъ правительствахъ и мѣстахъ Германіи до такой степени, что онъ не можетъ занять ни какой должности ниже предпріяты съ пользою ни какой собственной ему литературной работы для своего существованія. Въ Россіи оставилъ онъ малое неважное пріобрѣтенное имъ въ теченіе жизни его имущество, обращенное въ домъ, бібліотеку и тому подобную собственность, которую онъ изъ за границы уже долженъ былъ продать за безцѣнокъ оставляя вырученныя симъ образомъ деньги въ Россіи же, именно въ Слободско—украинской губерніи, которыя до сихъ поръ по разнымъ неблагоприятнымъ случаямъ къ нему же не дошли. Такимъ образомъ, несчастный Шадъ на седьмомъ десяткѣ своихъ лѣтъ, претерпѣваетъ униженіе и нищету со мною и двумя лѣтми отъ первой его жены. Получивъ въ семь горькомъ положеніи отраду оказанною ему высочайшею *милостынею* чрезъ посредство Вашего Сіятельства онъ осмѣливается теперь прибѣгнуть къ вамъ же, благотворительный князь! Онъ посылаетъ къ вамъ меня, изнуренную общею съ нимъ скорбію и притомъ природную россианку въ надеждѣ, что я подобно ему не отвергнута моимъ отечествомъ изъ его предѣловъ.

Сіятельныйшій Князь! Не оставте насъ жалкихъ людей. Вы Министръ, не токмо части по которой мужъ мой служилъ, но и Министръ благотворенія, Министръ религіи повелѣвающей прощать семдесятъ предъ седмицею, вѣщающей: просите и дастся вамъ, толците и отверзется!.. Мужъ мой тринадцать лѣтъ преподавалъ и несъ другія должности въ Харьковскомъ университетѣ; онъ былъ уже извѣстенъ по профессурѣ и по многимъ его сочиненіямъ въ Германіи гораздо прежде того. Онъ избралъ себѣ не отъ нужды но по убѣжденію сердца новое отечество и *Ему* пожертвовалъ пріобрѣтенными имъ отъ юности учеными связями и другими выгодами... Доставте ему всемилостивѣйшее прощеніе и пенсіонъ, подѣ

какимъ бы ни было наименованіемъ, если *наградить* его вѣрную и дѣятельную службу несомнѣнно съ причиною его высылки. Пусть не тщетно претерпѣла я 24 года всѣ тягости отдаленнаго пути и ужасы морской бури невѣдомой и для воображенія самой уроженки средоточной Россіи.

Второе нижайшее мое прошеніе къ вашему С-ву состоитъ въ томъ, чтобъ вы особа непосредственно участвующая въ многихъ благотворительныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ удостоили ходатайствовать у одной изъ Государынь Императрицъ мѣсто, соотвѣтствующее моимъ способностямъ, которое я могла бы имѣть въ виду которое дало мнѣ право на незазорное пребываніе въ С.-Петербургѣ могло бы обезпечить несчастнѣйшей мой жребій, ожидающій меня внѣ моего отечества по кончинѣ моего мужа

Даже и пашпорта на прожитіе здѣсь не могла я получить ни отъ полиціи ниже отъ Департамента просв., между тѣмъ, какъ выданный мнѣ російскимъ посольствомъ въ Веймарѣ отъ меня отобрать.

Придите . . . ¹⁾ прозбы . . . ²⁾ мнѣ . . . ³⁾ С. К. зная какъ Вы обременены дѣлами, я пользуюсь симъ—единымъ можетъ быть случаемъ обратить на себя Ваше вниманіе.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и всѣми чувствами благодарнаго сердца пребываю Мил. Г. Вашего Сіятельства нижайшею услужницею коллеж. сов. В. И. Д. Шадъ.

Письма разныхъ лицъ къ В. Н. Каразину.

Считаю не бесполезнымъ перепечатать здѣсь письма разныхъ выдающихся дѣятелей къ Василию Назарьевичу Каразину, напечатанныя съ *подлинниковъ* Филадельфомъ Васильевичемъ Каразинымъ въ „Сѣверной Пчелѣ“... Онѣ были помѣщены въ малодоступномъ изданіи, котораго нѣтъ ни въ одной изъ Харьковскихъ библіотекъ, и мнѣ пришлось списывать ихъ съ экземпляра этой газеты, имѣющагося въ одномъ изъ столичныхъ книгохранилищъ. Для оцѣнки же дѣятельности и личности Василія Назарьевича онѣ представляютъ крупный интересъ.

¹⁾ Нельзя разобрать *одно* слово.

²⁾ Здѣсь клякъ закрываетъ *одно* слово.

³⁾ Нельзя разобрать *двухъ* словъ.

1.

„Братецъ Василій Назаровичъ покорно Васъ прошу вручителю сего, свояку моему графу Штейнбоку, оказать Ваше пособіе по дѣламъ, находящимся въ канцеляріи Вашей и быть ему доброжелательну, чѣмъ обяжете покорнаго слугу Вашего Гавріила Державина.

30-го Мая 1801 года.

(На оборотѣ собственноручно-же) „Его Высокоблагородію Милостивому Государю моему Василію Назаровичу Каразину“.

2.

Государственный Канцлеръ свидѣтельствуя свое почтеніе Василію Назаровичу, осмѣливается напомнить его Высокоблагородію о данномъ обѣщаніи доставить Канцлеру записку о Харьковскомъ училищѣ, чѣмъ его много одолжить изволить.

15-го января 1802 года, четвертокъ.

(На оборотѣ также собственноручно) „Его Высокоблагородію Василію Назаровичу Каразину, отъ Государственного Канцлера“.

3.

*Милостивый государь мой,
Василій Назаровичъ!*

„Я все брежу объ университетѣ и посылаю Вамъ мой бредъ. Не такимъ-ли образомъ выразить намъ въ докладѣ?..“ (слѣдуютъ двѣ страницы мыслей пишущаго о томъ, что сказать въ докладѣ. Дѣло шло о преобразованіи Московскаго университета). „Я оставляю строки эти въ полное распоряженіе Ваше и есмь съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ и преданностію Вашъ покорнѣйшій слуга М. Муравьевъ“ ¹⁾.

(На оборотѣ собственноручно-же) Милостивому Государю Василію Назаровичу, его Высокоблагородію Каразину.

4.

Mein Herz ist zu voll von Freude und Dank, mein verehrtester, geliebtester Freund, als dass mein Verstand einen Ausdruck in Worten dafür finden konnte. Umsonst wünche ich vielleicht Ihnen Freude mit Freude zu vergelten; aber gewiss wird Gott, was ich nicht kann, vergelten. Eben so sind die Meinigen innigstgerührt und sprachlos bei diesem

¹⁾ Бывшій въ то время председателемъ „комитета составленія ученымъ въ Россійской Имперіи заведеніемъ новыхъ уставовъ“. Комитетъ этотъ былъ учрежденъ по проэкту Василія Назаровича, который и былъ назначенъ правителемъ дѣлъ его. Ф. К.

so unerwarteten grossen Ereignisse. Aller der Gnade, die ich geniesse, aller der Freundschaft, die ich erfahre, fühle ich mich unwürdig, aber fest=entschlossen, meine besten letzten Kräfte anzuwenden und mich der Würdigkeit zu nähern. Uebermorgen denke ich abzureisen obschon mein fieberhafter Gesundheitszustand Aufschub forderte. Ich eile bei meiner Ankunft sogleich in Ihre Arme, und Sie—erkennen Ihren dankvollstgerührten Fr. Bause ¹⁾. Moskwa d. 27 März 1802.

(На письмѣ этомъ рукой Василия Назаровича, позднѣйшаго уже времени, надписано: „Я выпросилъ у Государя помѣщеніе его въ комитетъ училищный и 1000 на проѣздъ въ С.-Петербургъ“).

5.

„J'ai reçu avant-hier votre longue lettre, mon cher Monsieur, et m'empresse à vous repondre en commençant par vous remercier de tout mon coeur (car il est juste que les petites gronderies viennent seulement après). Je vous remercie donc mille et mille fois de cette nouvelle preuve d'attachement, que vous me donnez et qui est venue d'autant plus à propos sous tous les rapports, que ne voyant arriver ni argent, ni reponse, ni congé, je ne pouvais que me croire complètement oublier et ajouter foi aux bruits que j'ai trouvé semés ici, comme quoi moi et M-r Hynsky auraient été complètement renvoyés du service; ce dont je me serais consolé sans doute, car de quoi ne se console-t-on pas quand on est tranquille en sa conscience!... Mais ce qui m'aurait fait cependant une vraie peine de la part de notre vertueux Souverain, auquel il est si impossible de ne pas être attaché pour la vie, quand on a le bonheur de le connaître.—Et à présent, je vais suivre article par article le contenu de la vôtre.

1. Après avoir très mal fait de ne pas m'avoir envoyé d'argent plutôt, car le temps perdu est perdu et il me faudra des volumes de correspondance pour ce qui eût pu être fini en quelques paroles à Vienne. Je ne sais si on a très bien fait de m'envoyer autant, et je finirai, très probablement, par vous en renvoyer la plus grande partie. De livres, d'instruments et de cabinets je ne connais aucun moyen de s'en procurer ici, il ne s'agit donc plus que de professeurs et c'est à quoi je serai, très probablement, obligé de me borner.

2. Quant aux tristes réflexions, que vous faites sur l'oubli quasi total, où s'est trouvée l'université de Kharkoff, la faute, il faut que je l'avoue, en est purement en moi, ou plutôt aux circonstances, qu'on dise

¹⁾ Федоръ Григорьевичъ Баузе тогда профессоръ Московскаго университета, а впоследствии знаменитый нашъ ученый по части археологій въ особенности. Ф. К.

ce que l'on voudra, où avez vous jamais vu, mon cher ami, *que l'on pense aux affaires d'un autre plus, ou même autant, qu'aux siennes propres?*

En se chargeant en mon absence de mon office, on m'a donné une vraie preuve d'amitié et si on a pensé plutôt au sien propre, si on a cherché des sujets pour soi, avant d'y penser pour moi, on n'a fait que ce qu'il était naturel de faire, ce que j'aurais très probablement fait aussi; et je le répète, il ne faut en accuser que le malheur des circonstances, qui m'ont forcé de m'éloigner.

3. Quant à l'université de Pétersbourg il m'est impossible de changer d'avis à moins qu'on ne détruise mes raisons par des raisons meilleures; mais je n'ai nullement la prétention, que mon anathème soit *infaillible*, et il est très possible que ce soit moi qui ait tort.

4. Quant à ce que vous me dites de votre changement d'opinion sur certaines personnes et de la peine, que vous font certaines choses,—je vous dirai (et c'est là ma grande gronderie) que je vois, que vous resterez éternellement le même, c'est à dire, également pénétré du plus vrai zèle pour le bien public et toujours enclin à vous laisser emporter par une imagination trop vive pour rester dans les bornes. Pardon, mon cher ami, de ces expressions,—car si c'est un défaut, c'est celui de presque tous les gens honnêtes dans toute l'étendue du terme; cependant il faut à la fin se calmer, s'accoutumer à prendre les choses plus en masse et, supposé qu'on trouve quelque chose à reprendre dans certaines choses et certaines personnes, penser qu'il n'y a rien de parfait sous le soleil. Croyez moi, que sous ce rapport, comme presque sous tous les autres, nous n'avons qu'à remercier le ciel pour notre situation actuelle: depuis deux ans je suis bien sincèrement attaché à la Russie; mais depuis quatre mois, depuis que je vois de plus près ce qui se passe ailleurs, je puis bien vous assurer que je le suis mille fois d'avantage.

Les nombreuses affaires que j'ai ici ne m'ayant pas permis d'achever cette lettre j'ai en attendant eu le bonheur d'en recevoir une du Pr. Chartorisky avec une incluse de S. M., qui, endaignant m'accorder le congé demandé jusqu'au 15 Mars, y a ajouté des expressions si pleines de bonté que je ne sais plus pour marquer l'excès de ma reconnaissance et qu'il me semble plus que jamais que ce serait peu de sacrifier ma vie entière à son service. Tout ce qui s'appelle proprement *bienfait* peut se taxer à la rigueur: dans ma situation actuelle, héritier d'une fortune délabrée au dernier point avec cinq enfants à élever et à établir et plus de vingt procès à poursuivre, je perdrai probablement plus en servant, malgré l'arrende que S. M. m'a accordée il y a deux ans et tous ces congés, qu'on pourrait m'accorder encore; tout cela peut se calculer mais

une preuve de bienveillance et de bon coeur de la part d'un souverain respecté et chéri—voilà ce qui est au dessus de tout le calcul, ce qui est sans prix et dont il me sera à jamais impossible de perdre le souvenir!—J'ai reçu aussi votre seconde lettre, explicative de la première, et je vais continuer ma réponse in extenso“.

6.

*„Милостивый государь
и любезныйтій благодѣтель мой
Василій Назаровичъ!*

17-го января исполнилось наше желаніе и ревностнѣйшее попеченіе о благѣ общемъ. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостію; самые зоиы въ восторгѣ духа искали Васъ, спрашивали и признавались, что счастьемъ симъ, сверхъ всякаго чаянія, Украина Вамъ единственно обязана. Тѣмъ, кои Вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія Ваши извѣстнѣ прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли Ваше имя. И такъ, если упрямая судьба воспрепятствовала Вамъ насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій Вашихъ, яко первому виновнику, то конечно незазорная совѣсть утѣшить Васъ не токмо въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ такого намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь отдаленнѣйшему потомству ¹⁾.

При семъ доложу Вамъ, что по письму Вашему, говорилъ я съ профессорами объ эстампахъ: Всѣ три русскіе. Согласны были оставить оныя для университета; но какое мнѣніе графское ²⁾ воспослѣдовало послѣ, я неизвѣстенъ, для того, что по причинѣ болѣзни, не былъ цѣлую недѣлю у Ивана Степановича ³⁾. Графъ благодарилъ меня лично за успѣхи домашняго моего училища и просилъ какъ можно увеличивать и продолжать. Пять человѣкъ изъ моихъ питомцевъ приняты въ студенты съ отличной похвалою. Я пригласилъ еще и г-на Шмиргельда для преподаванія уроковъ. Пасторомъ-же крайне доволенъ. О чемъ извѣщаю Васъ будучи всѣмъ моимъ благосостояніемъ Вамъ обязанъ. Что-же прежде не писалъ, тому причиной ежедневное Васъ ожиданіе и надежда въ скорости увидѣть.

¹⁾ Дѣло идетъ объ открытіи Харьковскаго университета.

Ф. К.

²⁾ Потодкаго.

Ф. К.

³⁾ Г-на Рижскаго, ректора Харьковскаго университета.

Ф. К.

Примите, любезнѣйшій благодѣтель, сіе искренное мое признаніе и вѣрьте, что доколѣ жизнь во мнѣ продлится съ особливымъ высокопочтеніемъ и благодарностью всегда прибуду, милостивый государь и любезнѣйшій благодѣтель, Вашъ покорнѣйшій слуга: Василій Фотіевъ ¹⁾. Января 24-го дня 1805 года, 23 числа графъ отправился въ Кіевъ²⁾.

7.

*Милостивый государь,
Василій Назаровичъ!*

Приношенія Ваши въ Харьковскую гимназію, состоящія въ собраніи эстамповъ для рисовальнаго класса, равно и въ Богодуховское училище, три книги съ изображеніями, эстампы и прописи, изъ лучшихъ въ своемъ родѣ, для французскаго и нѣмецкаго языковъ, мною получены и по росписанію Вашему и мѣстному назначенію распредѣлены къ усугбленію удовольствія и совершенію Вашихъ истинныхъ для пользы общей преднамѣреній. Жертва сія тѣмъ угоднѣе и благопріятнѣе, что отъ усерднаго расположенія и сильной ревности къ вышему образованію юныхъ сердець отроковъ приносится. Къ таковымъ приношеніямъ руководствуетъ насъ патріотическая любовь, дабы скорѣе народное просвѣщеніе къ большей степени возвысить. Отличная дѣятельность къ назиданію просвѣщенія воздвигаетъ Вамъ и въ потомствѣ памятники, на коихъ ясно изображены будутъ достохвалныя Ваши дѣянія, просвѣщенное образованіе ума Вашего и сердца, любовь къ изящному, пособія къ искусствамъ и приносимыя жертвы. Лестно мнѣ со всѣми учащими и учащимися изъявить Вамъ истинное благодареніе, ибо всѣ по усердію духа, чувствительности сердца и душевному расположенію Вамъ преданы. Я предъ всѣми благомыслищими, по долгу званія моего, обязуюсь воздавать преславнымъ Вашимъ дѣяніямъ сущую справедливость и непреложную признательность. Впрочемъ съ истиннымъ высокопочтаніемъ и преданностію честь имѣю быть Вашимъ М. Г. покорнѣйшимъ слугою Теодоръ Кудрицынъ ²⁾.

Харьковъ 1-го марта 1805 года²⁾.

¹⁾ Харьковский протоіерей, одинъ изъ образованнѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ пастырей своего времени (тоже).

²⁾ Харьковский директоръ училищъ.

8.

*Милостивый государь,
Василій Назарович!*

Николай Федоровичъ Алферовъ обязанный Вашему о немъ попеченію путешествіемъ своимъ ¹⁾ проситъ меня доставить письмо его къ Вамъ и приложить списки съ писемъ его ко мнѣ изъ Константинополя.

Пріятно исполнять мнѣ такую просьбу, гдѣ сердце мое, всегда Вамъ преданное, находитъ утѣшеніе напомнить и о своихъ чувствованіяхъ, кои нѣкогда его восхищали и еще улаждаютъ. Есть люди и привязанности, незабвенныя ни въ какихъ несходствахъ участей, отдаленіяхъ и перемѣнахъ. Вы и мои къ Вамъ чувства конечно такого рода. Кто умѣлъ узнать Васъ и любить, тотъ помнить уже Васъ всегда, хотя бы Вы и перемѣнились. Какъ однакожъ перемѣняется все! Я не знаю даже, гдѣ Вы и куда Вамъ писать? И такъ пишу по старой памяти въ вашъ Кручикъ: онъ мнѣ знакомѣе и ближе прочихъ Вашихъ мѣстопробываній. Оттуда получалъ я драгоценныя для меня знаки Вашей дружбы: нѣжныя напоминанія, обязательныя посѣщенія, прекрасныя письма, которыя, недавно еще перечитывая, не могу не повторить: какъ все перемѣняется!.. Въ наше время, кажется, можно-бы изъ вертопрашества, для рѣдкости быть постояннымъ. Но захочетъ-ли кто нынѣ и честолюбію пожертвовать самолюбіемъ? Теперь говорятъ сами люди свѣтскіе, нѣкъ эгоизма; теперь не принимаютъ труда и казаться, не только быть. Благодарю судьбу, что живу съ природой. Она научила меня не перемѣняться, не забывать старыхъ привязанностей, не истреблять сладкихъ впечатлѣній, не желать лишняго, не скучать покоемъ. Доживая такъ шестой десятокъ, благословляю мое уединеніе. По крайней мѣрѣ птицы и бѣлки моей пустыни, которыми и сейчасъ люблюсь, постоянно чувствительны къ моему о нихъ попеченію. Они не забываютъ никогда моихъ зеренъ и орѣховъ, хотя и безъ нихъ могутъ обойтись и всегда передъ окномъ ко мнѣ собираются ²⁾ между тѣмъ, какъ я съ прискорбіемъ вижу,

¹⁾ Замѣтивъ въ молодомъ Алферовѣ особенную склонность къ рисованію, Василій Назаровичъ исходатайствовалъ ему дозволеніе усовершенствоваться за границей, помогая ему, сколько могъ, своими деньгами и выпрашивая вспомошествованіе у другихъ. Впослѣдствіи вышелъ дѣйствительно изъ этого Алферова даровитый архитекторъ. Наслѣдство, полученное отъ Палицына, заставило его наконецъ предпочесть спокойную жизнь помѣщика славы художника.

²⁾ Дѣйствительно авторъ письма находилъ особенное удовольствіе кормить изъ своихъ рукъ птицъ и бѣлокъ, которыя жили подъ тѣнью вѣковыхъ дубовъ, окружавшихъ его деревянный домикъ. Я помню одинъ изъ этихъ дубовъ: верхушка его еще зеленѣла,

что многіе уже нынѣшніе друзья мои немилосердно оставляютъ меня въ старости, ни мало не помня всеискреннихъ моихъ къ нимъ чувствъ почтенія и любви и когда я ничего болѣе не ищу отъ нихъ и не желаю, кромѣ нѣкоторыхъ знаковъ ихъ памяти и пріятнаго права любить ихъ безкорыстно.—Простите мнѣ съ прежнимъ снисхожденіемъ, если я до скуки Вамъ распространяю отшельничью мою свободу и прежнія, можетъ быть, только мнимыя и одной вѣжливостью подаренныя мнѣ права. По моимъ лѣтамъ, по времени и по всему, безъ сомнѣнія гораздо бы лучше быть поскромнѣе и покороче въ письмахъ, то есть, какъ теперь въ обычаѣ, сухимъ и холоднымъ; но къ тому не могъ еще привыкнуть особливо съ Вами. Преданный вамъ всѣмъ сердцемъ поповскій пустыльникъ ¹⁾.—30-го марта 1806 года.—Бѣдная пустынница моя приноситъ Вамъ всеусердное свое почтеніе. Она подлинно бѣдная, лишась въ старости почти вдругъ брата, племянницы и обоихъ сыновей своихъ“.

а ввиду онъ имѣлъ уже дупло, въ которомъ свободно могли помѣститься нѣсколько человекъ. Можно себѣ представить громадность этого дуба! И такихъ было много въ Поповкѣ. Ф. К.

¹⁾ Подъ этимъ псевдонимомъ любилъ скрывать свое имя, пиша къ друзьямъ, уланскій помѣщикъ, владѣтель живописнаго села Поповка, А. А. Павлицынъ, человѣкъ также весьма образованный для своего времени, архитекторъ, какихъ немного тогда было, и стихотворецъ, складывавшій вирши, правда не такъ гладко, какъ теперь ихъ складываютъ, но за то не сѣтовавшій никогда на людей за то, что они не признавали его поэтомъ и не обращающійся съ воздыханіемъ къ дунѣ, къ дѣвѣ и т. п., а употреблявшій даръ свой на поощреніе людей къ добру; такъ напримѣръ на письмо къ нему Василія Назаровича въ 1811 году, которымъ тотъ спрашивалъ его откровеннаго мнѣнія о филотехническомъ обществѣ, онъ отвѣчалъ ему слѣдующими стихами.

Не критику, а утѣшенье
Внушаетъ то твоимъ друзьямъ
Что нашимъ нравится властямъ
Искусствъ тобою приращенье.

* *

Какого строгаго суда

Ты хочешь отъ ума тогда

Какъ сердце въ лѣжномъ восхищеніи?...
И можно-ль въ сладкомъ чувствѣ движеніи

Искать отъ критики плода?
* *

Оставь умамъ холоднымъ, школьнымъ

Ошибки въ слогѣ находить;

Сердцамъ завистливымъ, невольнымъ,
Сухимъ, собою недовольнымъ
Твой трудъ и рѣчь твою чернить:
Но сердцу и уму свободнымъ
Чувствительнымъ и благороднымъ
Оставь пріятность ихъ хвалить.

* *

Прими-жъ отъ друга въ даръ нелестный
Въ глазахъ котораго ты выросъ,
Восторги, предчувствія счастливы!..
Вотъ мой отвѣтъ на твой вопросъ“.

Поповскій Пустыльникъ.

18-го октября 1811 года. Въ дер. Поповкѣ.

Ф. К.

9.

*Милостивый государь мой
Василій Назаровичъ!*

Простите мнѣ, что я получивъ почтенное письмо Ваше отъ 9-го декабря, умедлилъ, по болѣзни моей отвѣчать на оное въ свое время. Издатель „Русскаго Вѣстника“ мнѣ и самому знакомъ и я, зная цѣну его талантовъ, не сомнѣваюсь, что періодическое сочиненіе, имъ принимаемое, заслужитъ справедливое одобреніе публики. Всѣ выходящія вновь русскія книги я получаю здѣсь изъ книжной лавки; но Вамъ угодно было предупредить меня доставленіемъ мнѣ билета. За таковое дружеское вниманіе принося Вамъ искреннюю благодарность, возвращаю при семъ заплоченныя за меня деньги и, увѣряя Васъ во взаимныхъ чувствахъ отличнаго къ Вамъ почтенія имѣю честь быть Вашимъ, М. Г. моего, покорнѣйшимъ слугою Дмитрій Трощинскій ¹⁾.

С.-П.Б. 25-го января 1808 г.⁴

10.

*Милостивый государь мой
Василій Назаровичъ!*

Препровождаю Вашему Высокородію посылку отъ стараго, почтеннаго и милаго общаго друга нашего Николая Николаевича; посылаемая книга „О Новѣгородѣ“ любопытна; исполать новгородскому духовному училищу за сіе сочиненіе! Но, чаю, сочиненія сего авторъ преосвященный Евгений, бывшій новгородскій митрополитъ Викарій, епископъ нынѣ Вологодскій, онъ любитъ и способенъ вникать въ древности.—Николай Николаевичъ пишетъ ко мнѣ, что постановленія для духовныхъ училищъ уже печатаются; синодальные члены ѣздили къ 22-му числу въ Петергофъ для испрошенія дозволенія у Его Императорскаго Величества къ открытію новыхъ постановленій для духовныхъ училищъ; но сіе, чаю, началомъ только будетъ, поелику пишутъ изъ С.-Петербурга пріятели, что вскорѣ присланы будутъ изъ святѣйшаго синода указы ко всѣмъ архіереямъ о присылкѣ изъ всѣхъ семинарій студентовъ съ дарованіями, науками, и благонавіемъ въ Александровскій духовный институтъ, для образованія оныхъ во учителей по семинаріямъ. Будемъ *обще* работать, сколько силъ достанетъ къ соответствованію толикимъ попеченіямъ о ду-

¹⁾ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, Екатеринбург. „баринъ“, Александровскій Министръ.

ховномъ просвѣщеніи.—Давно Вы, М. Г., писали мнѣ, что просвѣщеніе надобно начинать отъ сердца, но сердце надобно просвѣтить разумомъ, закономъ и благодатію; въ просвѣщеніи есть центръ, есть и периферія; центромъ Иисусъ Христосъ, Искупитель міра, а периферія въ церкви Христовой разныя происшествія, по причинѣ разности народовъ и разности ихъ склонностей и желаній; потому то и благодать Божія различно дѣйствуетъ въ управленіи земнородными; „многообразна премудрость Божія, просвѣтити всѣхъ еже о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ“ пишетъ къ Ефесеямъ апостолъ Павелъ (гл. 2, ст. II). Воображаю я потѣнія Ваши: древнихъ патріарховъ упражненія въ экономическихъ предметахъ. Сія творите и прежнихъ Вашихъ упражненій не оставляйте къ пользѣ и славы церкви святой и Вашему утѣшенію; въ обоихъ предметахъ силы Ваши да укрѣпитъ Господь, всеусердно желаю!

Почтеннѣйшему семейству Вашему Божіе благословеніе посылаю, и заключаю сіе тѣмъ, что есмь и пребуду навсегда съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и душевною преданностью Вашего Высокородія, М. Г. моего, усерднѣйшій богомолецъ и слуга: Θεоктистъ архіепископъ Курскій и Бѣлгородскій.

Бѣлгородъ 8-го августа 1808 года.

11.

(Изложеніе по французски).

Гофвилъ. 14-го іюля 1810 г. н. с.

Господину Василию Каразину, въ Харьковѣ.

Милостивый государь!

Съ живѣйшимъ интересомъ прочелъ я письмо, которымъ Вы меня почтили, отъ 19-го минувшаго мая ст. с., и желаю больше, чѣмъ сколько могу выразить, исполнить Ваше желаніе; но денежные мои средства слишкомъ ограничены, а издержки, которыхъ требуетъ выполненіе моего плана, слишкомъ велики, чтобъ я могъ удѣлять что-нибудь по движенію сердца, отъ необходимыхъ источниковъ поддержанія моего предпріятія.

Работа молодыхъ людей, которыхъ Вы хотите прислать ко мнѣ, едва-ли можетъ вознаграждать тѣ издержки, которыя гофвильское заведеніе должно будетъ для нихъ дѣлать, во-первыхъ потому, что возрастъ ихъ не позволяетъ еще имъ выдерживать работу постоянную; во-вторыхъ, потому, что необходимое изученіе нѣмецкаго языка будетъ отни-

мать у нихъ много времени, и въ третьихъ, наконецъ потому, что у нихъ слишкомъ много будетъ другихъ занятій, препятствующихъ работѣ пищи и одежды для себя. Что-же остается дѣлать? Я не могу теперь предложить Вамъ условій опредѣлительныхъ, не рискуя обидѣть или Васъ или заведеніе, за усиліи котораго я отвѣчаю. Въ случаѣ, подобномъ настоящему не должно ничего дѣлать *на половину*, а Вы едва ли меня знаете *столько*, чтобъ во всемъ совершенно положиться на меня. Я-же съ своей стороны, какъ добросовѣстный завѣдыватель учрежденія, имѣющаго цѣлью пользу общественную, долженъ поступать такъ, чтобъ ни въ какомъ отношеніи не компрометировать интересовъ этого учрежденія. А потому я Вамъ предлагаю прислать Вашихъ юношей не иначе какъ съ кредитомъ на пятьдесятъ лудировъ. Какъ скоро я увижу, чего можно отъ нихъ ожидать я предложу Вамъ условія на весь курсъ ихъ ученія въ Гофвилѣ. А теперь позвольте послать выписку изъ Вашего письма къ князьямъ Куракину и Рѣнину, изъ которыхъ первый теперь русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, а другой въ Касселѣ. Оба они оказываютъ ко мнѣ большое вниманіе и смѣю думать будутъ готовы ходатайствовать у Вашего правительства о томъ, чтобы оно приняло на свой счетъ образованіе въ гофвильскомъ институтѣ нѣсколькихъ русскихъ юношей, которые-бы могли впоследствии ввести мою методу въ Вашемъ отечествѣ. Это будетъ можетъ быть соответствовать Вашимъ видамъ и облегчить исполненіе ихъ. Не худо также сдѣлали-бы Вы, кажется мнѣ, если-бъ съ своей стороны, подали правительству Вашему просьбу, въ которой подробно-бы изъяснили Ваши желанія и просили пособія. Ваше министерство внутреннихъ дѣлъ очень расположено къ намъ. Не упускайте изъ виду, что мальчики, которыхъ Вы намѣрены прислать, должны уже предварительно быть обучены на столько, чтобъ могли понимать въ общемъ видѣ систему земледѣлія и дѣлать нужныя приспособленія къ разности почвъ и климатовъ; слѣдовательно, они должны быть уже нѣсколько образованы. Примите, М. Г. увѣреніе въ моей искренней преданности. (подп.) Эм. Фелленбергъ.

P. S. Неудобно-ли Вамъ будетъ приобрести гофвильскій журналъ, двѣ книжки котораго уже вышли, а третья выйдетъ на дняхъ. Онъ называется: „Landwirthschaftliche Blätter von Gofvil, herausgegeben von Em-l Fellenberg. Въ случаѣ, если Вы изволите признать возможнымъ прислать Вашихъ мальчиковъ немедленно, прошу адресовать ихъ къ г-ну доктору Декарро, въ Вѣну. Я ему уже писалъ о томъ. Долженъ

имѣть честь поставить Васъ въ извѣстность, что для элементарнаго образованія есть у меня особое отдѣленіе въ институтѣ и особые преподаватели¹⁾.

12.

*Милостивый государь мой,
Василій Назаровичъ!*

Кто великъ въ маломъ, кто въ краткое время дѣлаетъ много, того особливо почитать должно, взирая на его таковыя отъ Бога ему данныя таланты. Вы почтеннѣйшій мужъ, по даннымъ Вамъ отъ Бога талантамъ, и въ краткое время сдѣлали много. Теперь остается всѣмъ патріотамъ всеусердно желать Вамъ долголѣтія и благоденствія къ умноженію пользы и славы здѣшняго края! Сего-то я Вамъ всеусердно желаю и покорнѣйше благодарю за удостоеніе меня присылкою трехъ экземпляровъ извѣстія о подвигахъ Вашихъ относительно Филотехническаго Общества. Одинъ экземпляръ того извѣстія вручилъ я здѣшнему дворянскому господину предводителю Михаилу Андреевичу Боршову, другой послалъ статскому совѣтнику, господину Черепову, третій надворному совѣтнику господину Переверзеву съ приложеніемъ моихъ писемъ о Васъ и Вашихъ дарованіяхъ.

Извѣщаю объ ономъ Васъ, М. г. есмь и пребуду навсегда съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію, Вашего Высочородія милостиваго государя моего, усерднѣйшій богомолецъ и слуга, медленно движущійся старецъ Θεоктистъ, архіепископъ курскій и бѣлгородскій.

Бѣлгородъ. 3-го декабря 1811 г.

P. S. La lettre de son excellence le Duc de Richelieu très interessante²⁾ pour vous et votre Société Philotechnique, si la noblesse du gouvernement d'Ekaterinoslaff se propose de former une société à la votre subordonnée³⁾.

¹⁾ Василій Назаровичъ адресовался къ Фелзенбергу съ просьбой принять въ его знаменитый Говфальскій земледѣльческій институтъ нѣсколькихъ учениковъ изъ украинскихъ поселеній, для образцовыхъ фермъ филотехническаго общества. Ф. К.

²⁾ Дѣло идетъ о Дюкѣ де Ришелье, который былъ тогда поворооссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Ф. К.

Милостивый государь!

Почтенное письмо Ваше съ приложеніями, декабря отъ 16-го дня, имѣлъ я счастье получить марта 1-го дня, весьма поздно по нахожденію моему въ деревнѣ. М. Г. какъ за оное, равно и за всѣ лестныя и обязательныя ко мнѣ отношенія Ваши, приношу мою наичувствительнѣйшую благодарность! Тѣмъ болѣе обязать меня изволили, что при многотрудныхъ Вашихъ занятіяхъ не оставили удѣлить время и для меня, но удостоиваете и впредь со мною бесѣдовать. Чрезъ что познаю великость души и доброту Вашего сердца. Благосклоннѣйшее приглашеніе Ваше принять званіе корреспондента знаменитаго филотехническаго общества, почитаю себѣ величайшею честью. М. Г. удостойте доставить мнѣ пріятный случай быть онаго достойнымъ.

Теперь обязанъ я Вамъ М. Г. отчетомъ. Доставленные экземпляры ¹⁾, различные по своему содержанію, въ память Вашего одолженія оставилъ я у себя; послѣдніе, по приказанію Вашему, вручилъ: одинъ предводителю Дебособру, хорошему эконому; другой Казанскаго университета профессору Городчанинову, извѣстному по переводу Рейналя; а третій Казанской академіи въ бібліотеку чтенія; всѣми приняты съ изъявленіемъ Вамъ благодарности. Мнѣ оныя и многимъ (изъ „Вѣстника Европы“ и „Улья“) здѣсь извѣстны, кромѣ снаряда о винокурении, который приносить изобрѣтателю величайшую честь. Между прочимъ изволита писать о неудовлетворительномъ состояніи земледѣлія и промышленности нашего края. А я, къ стыду К., предъ Вами открою, здѣсь оно и еще хуже Господскаго имѣнія въ Казанской губерніи хотя 72000 душъ, но большая часть принадлежитъ помѣщикамъ мелкопомѣстнымъ, занимающимся службой... а управляютъ вмѣсто нихъ какъ-нибудь прикащики.

А изъ коренныхъ большая часть различныхъ народовъ какъ то: татаръ, чувашъ, черемисъ, мордвы, вотяковъ, которые, кажется, въ цѣлое столѣтіе по земледѣлію ничего не приобрѣли. Да и самыя русскія такъ отъ изобилія наравиды, что хотять всегда въ томъ образѣ оставаться, какъ ихъ предки!..

Предѣлы сего листка не позволяютъ мнѣ о семъ болѣе распространяться, да и боюсь Васъ обезпокоить. Съ великимъ почитаніемъ и совершенной преданностію Вашъ покорный слуга Д. Зиновьевъ ²⁾.

¹⁾ Актовъ Филотехническаго Общества.

²⁾ Есть еще нѣсколько послѣдующихъ писемъ этого-же Зиновьева въ бумагахъ Василия Назаровича. Но кто онъ былъ, изъ нихъ также не видно. Видно только, что В. Н. умѣлъ выбирать корреспондентовъ для Филотехническаго Общества. Ф. К.

14.

„Милостивый государь,
Василій Назаровичъ!

Г. Жадко лично уповаю удостовѣрилъ уже Васъ сколь я готовъ охотно былъ исполнить отъ всего сердца комиссіи Ваши, но къ несчастію нашелъ меня почти близъ смерти. Я раненъ въ ногу пулей на вылетъ съ поврежденіемъ кости; но при всемъ тяжкомъ оттого страданіи, старался, какъ возмогъ произвести по письмамъ Вашимъ все въ дѣйствіе. Не имѣя другого способа, долженъ былъ все препроводить къ графу Аракчееву и 6 дипломовъ для отсылки ученымъ по адресамъ. Надѣюсь, что неоставилъ онъ исполнить. За Г. Жадко заступиться просилъ также, который успѣлъ мнѣ уже хвалиться ласковымъ графа пріемомъ. Фельдмаршала письма Ваши уже не застали. Онъ навѣрно много-бы способствовалъ пожеланію Вашему. Благодарю покорно за присылку образцовыхъ своихъ произведеній, радуюсь что все у насъ въ краю успѣшно такъ идетъ. Я увѣренъ, что Вы, М. Г. возьмете участіе въ положеніи моемъ. Хотя я и не лишился, благодаря Бога, совсѣмъ ноги, но все страдаю тяжело и едва ли буду ею настояще ходить. Остается мнѣ та отрада, что и въ сей послѣдней кампаніи сошелъ съ своего поприща, какъ вѣрный сынъ своего отечества. Сія увѣренность облегчаетъ раны мои. Простите почтенный Василій Назаровичъ! Не лишите меня дружества Вашего! и будьте совершенно увѣрены, что лѣвой стороны ничего не убыто къ приобрѣтенію его; какъ былъ навсегда съ почтеніемъ и преданностію М. Г. покорный и искренній слуга Петръ Коновницынъ ¹⁾.

26-го мая 1813 года. Верхней Силезіи близъ Нейса. Замокъ Грунау.

¹⁾ Графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ тогда корпусный командиръ въ дѣйствующей арміи. Какъ уроженца Украины и давняго своего знакомаго Василій Назаровичъ просилъ его принять участіе въ предпріятіи продовольствовать армію за границей русской провизіей въ концентрированномъ видѣ, образчики которой (капуста, сухари, пропитанные бульономъ, алкоголь и разную зелень въ алкогольныхъ вытяжкахъ) онъ и послалъ чрезъ г-на Жадко. Ф. К.

15.

*Милостивый государь,
Василій Назарович!*

Избраніе меня членомъ Вашего общества и доставленный Вами дипломъ, въ коемъ общество меня наградило столь пріятнымъ на мой счетъ выраженіемъ я приѣмлю съ истинною моею благодарностію, тѣмъ болѣе, что я всегда полагалъ награды сего рода первѣйшими. Изъ сего короткаго изъясненія Вы, конечно, М. Г. и любезный сотоварищъ почувствуете силу моего удовольствія и цѣну моей благодарности, которую уже я прошу принять на себя трудъ объявить всему почтенному нашему обществу, коего имѣю я нынѣ удовольствіе быть членомъ. Съ истиннымъ почтеніемъ пребуду всегда Вашъ М. Г. покорный слуга графъ Арактеевъ. Г. Швейдницъ.

17-го мая 1813 года.

16.

*Милостивый государь,
Василій Назарович!*

Письмо Ваше и приложенные при ономъ прейсъ-курантъ и рѣчь въ собраніи Харьковскаго филотехническаго общества Вами говоренную имѣлъ я честь получить. Благодарю покорно за сообщеніе мнѣ оныхъ, я желаю, чтобы успѣхи совершенно оправдали полезныя предиріятія Ваши и доставили вамъ удовольствіе видѣть увѣнчанными труды Ваши, клонящіеся къ благосостоянію полуденнаго края, въ коемъ Вы по занятіямъ и качествамъ Вашимъ пользуетесь столь пріятнымъ для Васъ уваженіемъ. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ Вашъ М. Г. покорный слуга графъ В. Кочубей ¹⁾

С.-Петербургъ 31-го генваря 1814 года^а.

17.

*Милостивый государь мой,
Василій Назарович!*

Извините, что я на пріятное письмо Ваше, пущенное отъ 12-го февраля, по сіе время за нездоровьемъ моимъ, не отвѣчалъ. Приложенный при ономъ отчетъ Вашъ и рѣчь филотехническаго общества, произнесенную Вами въ Харьковѣ, съ крайнимъ вниманіемъ прочелъ. Отдаю

¹⁾ Графъ Викторъ Павловичъ, впоследствии князь.

всю справедливость истинному патриотизму Вашему и прямому усердію къ истинному благу отечества и прошу Бога, чтобы возбудилась такая ревность и въ прочихъ сынахъ отечества, а особливо въ правителяхъ частей государственныхъ, а безъ того едва-ли успѣховъ ожидать можно будетъ. Сіе однако не мѣшаетъ за Ваши благія намѣренія сохранять къ Вамъ душевное мое почтеніе, съ которымъ навсегда пребываю Вашъ, Милостиваго Государя моего, покорнѣйшій слуга Гавріилъ Державинъ.

С.-Петербургъ 5-го марта 1814 года.

18.

*Милостивый государь,
Василій Назаровичъ!*

Письмо Ваше отъ 9-го ноября и съ приложеніями я получилъ и въ отвѣтъ на оное скажу Вамъ, что я по моему дружественному къ Вамъ расположенію сердечно готовъ, сколько отъ меня будетъ зависѣть, способствовать въ желанія Вашемъ, и въ чемъ Вы можете быть увѣрены. Высочайшій-же на Ваше имя рескриптъ, какъ для Васъ нужный, сходственно съ письмомъ Вашимъ посылаю Вамъ обратно, пребывая затѣмъ навсегда съ моимъ истиннымъ почитаніемъ и преданностію Вашего Высокородія покорнѣйшій слуга князь Н. Салтыковъ ¹⁾.

Спб. 6 декабря 1815 г.

19.

*Господину статскому совѣтнику
и кавалеру Каразину.*

Комитетъ, учрежденный для рассмотрѣнія предложеній Филотехническаго общества представилъ мнѣ свое замѣчаніе по первому изъ нихъ, т. е. *о облегченіи заграничнаго продовольствія войскъ и флота* посредствомъ приготовленія мясныхъ сухарей, капусты и алкоголя. Будучи совершенно согласенъ съ заключеніемъ комитета, что предложеніе сіе столько же полезно въ существѣ своемъ, сколько и въ произведеніи въ дѣйство я пріятнымъ для себя долгомъ поставлю изъяснить за оное благодарность мою Вамъ и всему почтенному Филотехническому обществу.

Военное министерство не оставитъ пользоваться предлагаемыми способами при учрежденіи продовольствія сухопутной арміи въ случаяхъ

¹⁾ Фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь.

того требующихъ, на каковой конецъ и дано отъ меня провіантскому департаменту надлежащее предписаніе. Но какъ отъ введенія въ употребленіе мясныхъ сухарей, капусты и алкоголя наиболѣе ожидать пользы можно по флоту, гдѣ сего рода вещества непрерывно производятся въ порцію, то я нынѣ же предложеніе Филотехническаго общества во всей подробности сообщаю г. министру морскихъ силъ, отъ котораго и будутъ зависѣть дальнѣйшія распоряженія.

Мнѣ остается жалѣть, что семейственные дѣла Ваши не позволяютъ Вамъ остаться въ Петербургѣ столько времени, сколько необходимо нужно на изслѣдованіе другого проэкта, *о умноженіи въ государствѣ селитры*. Надѣюсь однако-же, что Вы продолжите занятія Ваши по сему важному предмету и доставите мнѣ рѣшительныя удостовѣренія, тѣмъ болѣе, что и военный ученый комитетъ признаетъ теорію Вашу основанной на неоспоримыхъ физическихъ истинахъ: тогда не ограничиваясь одной признательностью я не премину труды Ваши на пользу государственную повергнуть во всемілостивѣйшее Его Императорскаго Величества вниманіе. Управляющій военнымъ министерствомъ князь Горчаковъ I-й.

№ 5483, 20-го августа 1815 года.

20.

*Милостивый государь мой,
Василій Назаровичъ!*

Отношеніе ко мнѣ Филотехническаго общества о послѣднемъ свѣдѣніи онаго въ январѣ мѣсяцѣ, съ приложеніемъ протоколовъ двухъ собраній онаго и Ваше письмо съ первую частью отчета получилъ. Изъявляя Вамъ за сіе мою благодарность съ немалымъ удовольствіемъ нахожу я во всемъ томъ свидѣтельство о стараніи членовъ сего сословія къ распространенію полезныхъ хозяйственныхъ свѣдѣній. Я не могу при семъ случаѣ не признать, что вездѣ видны усердіе и дѣятельность Ваша въ исполненіи порученій общества и во многихъ опытахъ, служащихъ къ улучшенію разныхъ предметовъ домоводства. Для меня будетъ всегда пріятно содѣйствовать по моей возможности трудамъ и успѣхамъ Филотехническаго общества и по званію моему доводить объ оныхъ до свѣденія Его Императорскаго Величества. Впрочемъ изъ означенныхъ протоколовъ явствуетъ также, что общество имѣло въ предположеніи и учрежденіе въ Москвѣ конторы. Въ разсужденіи сего я долгомъ считаю повторить Вамъ, М. г. то самое, о чемъ было писано мною, въ прошед-

шесть году къ главнокомандующему въ Москвѣ для сообщенія Вамъ, т. е. что заведеніе коммерческихъ конторъ и торговыхъ оборотовъ въ разныхъ городахъ, не только русійскихъ, но и иностранныхъ, выходитъ изъ круга ученыхъ и экономическихъ обществъ и подлежитъ непосредственному вѣдомству установленныхъ для того начальствъ. Слѣдовательно, если бы Филотехническое общество желало учредить что-либо подобное въ свою пользу и принять на себя новыя обязательства сверхъ тѣхъ, о коихъ первоначально мнѣ было представлено отъ оного, и мною до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣденія, то я полагаю, что на основаніи Высочайшаго рескрипта 10-го марта 1811 года г. Слободско-Украинскому гражданскому губернатору даннаго, коимъ правила и упражненія общества предоставлены обыкновенному покровительству законовъ, оно можетъ въ такомъ случаѣ испросить дозволенія отъ мѣстныхъ начальствъ. Все сіе покорнѣйше прошу Васъ, М. Г. мой, довести до свѣденія Филотехническаго общества при будущемъ его съѣздѣ. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ М. Г. моего покорнѣйшимъ слугою Осипъ Козодавлевъ ¹⁾. № 151. Въ С.-Петербургѣ 17-го апрѣля 1815 года. Его Высокородію В. Н. Каразину.

21.

*Любезный и почтенный
Василій Назаревичъ!*

Искренне благодарю Васъ за обязательное письмо, служащее доказательствомъ Вашей ко мнѣ лестной пріязни и немедленно отправлю къ Вамъ экземпляръ моей исторіи черезъ газетную экспедицію Московскаго почтамта; но получите его не прежде какъ недѣли черезъ двѣ, экземпляровъ остается уже весьма немного въ магазинѣ: почти все продано въ 25 дней. Это не доказываетъ достоинства книги, но доказываетъ любопытство публики или успѣхи нашего образованія. Вообразите, что въ числѣ сибирскихъ подписчиковъ были крестьяне и солдаты отставные! Я съ искреннимъ удовольствіемъ читалъ Вашу пьесу въ Казанскомъ Журналѣ и теперь не боюсь скораго преставленія свѣта. Простите, пишите, трудитесь, будьте здоровы и любите преданнаго Вамъ покорнѣйшаго Н. Карамзина.

С.-Петербургъ. 27-го февраля 1818 года ²⁾.

¹⁾ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

Ф. К.

²⁾ Въ другихъ письмахъ Николая Михайловича, которыхъ сохранилось нѣсколько въ бумагахъ Василія Назаровича, видно еще болѣе дружбы и уваженія исторіографа нашего къ этому человеку, свѣдѣніями и совѣтами котораго онъ не разъ пользовался при составленіи своей исторіи.

Ф. К.

22.

*Милостивый государь мой,
Василій Назаревич!*

Общество Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ учрежденное, отдавая должную справедливость превосходнымъ сочиненіямъ Вашимъ и знанію отечественнаго языка, пріятнымъ долгомъ поставляетъ препроводить къ Вамъ, М. Г. дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена и при ономъ печатный экземпляръ устава. Исполняя съ удовольствіемъ порученіе общества, искренно Васъ уважающаго, честь имѣю быть Вашъ М. Г. покорнѣйшимъ слугою Антонъ Прокоповичъ Антонской. Апрѣля 22-го дня 1818 года. Его Высокородію господину статскому совѣтнику и кавалеру В. Н. Каразину.

23.

*Милостивый государь
Василій Назаревич!*

Высочайше утвержденное С.-Петербургское вольное общество Любителей Россійской Словесности, уважая въ полной мѣрѣ какъ отличныя познанія и труды Ваши въ наукахъ и отечественной словесности, такъ и стремленіе къ благотворенію, избрало Васъ на основаніи § 33-го устава, почетнымъ членомъ и опредѣлило, журналамъ своимъ въ 3-й день сего ноября состоявшимся, о семъ сообщить Вамъ.

Будучи предсѣдателемъ общества я съ особеннымъ удовольствіемъ поспѣшаю исполнить возложенное на меня порученіе и извѣстить Васъ, М. Г. что не въ продолжительномъ времени я буду имѣть честь препроводить къ Вамъ дипломъ на званіе почетнаго члена. Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть Вашимъ М. Г. всепокорнымъ слугою: Федоръ Глинка. № 571. 8-го ноября 1819 года. Его Высокородію В. Н. Каразину.

24.

*Милостивый государь
Василій Назаревич!*

Принося Вамъ благодарность за вызовъ и готовность Вашу принять участіе при заготовленіи для войскъ квашенной, въ сушеномъ видѣ капусты, имѣю честь отозваться Вамъ М. Г., что такъ какъ вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія медицинскою конторой дѣлается нынѣ, по

предписанію моему, приготовленіе таковой капусты по предложенному Вами способу въ маломъ видѣ, для одного только опыта, ибо по настоящему времени и заготовить оной въ большомъ количествѣ нѣтъ возможности, то обременять Васъ на сей разъ я нахожу излишнимъ. Если же заготовленіе въ Москвѣ сушеной капусты будетъ разрѣшено окончательно, то я не оставлю воспользоваться вызовомъ Вашимъ участвовать въ семъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что Вамъ принадлежитъ честь перваго изобрѣтателя способа приготовить означенный продуктъ въ сушеномъ видѣ. Возвращая при семъ доставленныя Вами двѣ книжки и объявленіе съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть М. Г. мой Вашего Высочордія покорѣйшимъ слугою: князь Дмитрій Голицынъ ¹⁾.

№ 1686, 9-го мая 1829 года. Москва.

25.

*Милостивый государь
Василій Назаревичъ!*

Письмо Ваше ко мнѣ отъ 15-го октября и приложенныя при ономъ бумаги объ изобрѣтенномъ Вами способѣ леченія болѣзни холеры я препроводилъ къ г. управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на тотъ конецъ, дабы онъ представилъ изъясненный въ бумагахъ способъ леченія разсмотрѣть медицинскому совѣту ²⁾ управляемаго имъ министерства; очемъ имѣю честь увѣдомить. Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію Вашимъ М. Г. покорѣйшимъ слугою князь Дмитрій Голицынъ № 7095. 21-го октября 1831 года.

26.

*Милостивый государь
Василій Назаревичъ!*

Письмо Ваше отъ 25-го минувшаго февраля съ приложенными къ нему двумя бумагами, относительно одобренныхъ правительствомъ проектовъ Вашихъ, я получилъ. Что касается до меня, то я никогда не сомнѣвался, чтобы что-либо предложенное Вами на пользу могло быть разсматриваемо съ противной стороны и потому полагаю, что и предложенное Вами нынѣ князю Петру Ивановичу, должно имѣть все хорошее и

¹⁾ Московскій главнокомандующій.

Ф. К.

²⁾ Докторъ Маркусъ одобрилъ этотъ способъ леченія холеры, какъ видно изъ записки рукой Василія Назаровича на этомъ письмѣ.

Ф. К.

тѣмъ менѣе остаться въ секретѣ. Вышеозначенныя двѣ бумаги Ваши я съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ, которыя при семъ и возвращаю. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашимъ М. Г. покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Никитичъ ¹⁾. 10-го марта 1834 г. гор. Чугуевъ.

27.

Милостивый государь!

Я получилъ съ весьма большимъ удовольствіемъ Ваше письмо отъ 5-го іюля, съ приложеніемъ очень любопытной медали. Такой звякъ Вашей обо мнѣ памяти былъ для меня несказанно дорогъ и письмо, которое Вы имѣли обязательность написать мнѣ послѣ столь долгаго молчанія, доставило мнѣ весьма большое удовольствіе. Пользуясь замѣчаніемъ, что Вы ревностный любитель астрономіи, и не нашедъ книги Струве у здѣшнихъ книгопродавцевъ, я собралъ свѣденія, по которымъ въ состояніи буду выслать ее Вамъ по почтѣ черезъ шесть или семь дней. И такъ благоволите всегда М. Г. адресоваться ко мнѣ, и я всегда употреблю всевозможное стараніе къ удовлетворенію Вашихъ требованій. Если впослѣдствіи случится Вамъ гдѣ-нибудь встрѣтить древнія греческія медали, я всегда буду благодаренъ и Вы меня обяжете какъ нельзя болѣе, если увѣдомите, за сколько Вы ихъ приобрѣтете, чтобъ я могъ возратить издержки Ваши. Хорошо было-бы предпринять раскапываніе кургановъ, находящихся въ Вашихъ мѣстностяхъ, чтобы узнать нѣтъ-ли въ нихъ чего-нибудь любопытнаго. Въ древнихъ гробницахъ, открытыхъ въ Керчи, и до сихъ поръ еще открываемыхъ, найдено множество золотыхъ вещей, которымъ всѣ удивляются. Если возможно будетъ достать нѣсколько образчиковъ того, что находится въ вашихъ курганахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство возьметъ на себя всѣ необходимыя расходы и даже поощритъ къ развѣдыванію, какъ оно сдѣлало въ Керчи. Тамъ одинъ очень дѣятельный и точный чиновникъ получилъ, на примѣръ, недавно три тысячи вознагражденія. Прошу Васъ, М. Г. продолжать удостоивать меня Вашей перепиской. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ какимъ имѣю честь быть Вашимъ М. Г. покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою Келлеръ ²⁾.

С.-Петербургъ, 27-го іюля 1835 года ³⁾.

¹⁾ Впослѣдствіи графъ, тогда главный начальникъ всѣхъ южныхъ военныхъ поселеній.

²⁾ Извѣстный нашъ ученый академикъ.

Ф. К.

³⁾ Письмо это писано по французски.

Ф. К.

28.

*Милостивый государь
Василій Назаровичъ!*

Доставленную при письмѣ Вашемъ, отъ 23-го минувшаго февраля статью о Польшѣ, я читалъ съ особеннымъ удовольствіемъ и не оставляю сдѣлать изъ оной надлежащее употребленіе. Долгомъ считаю изъяснить Вамъ за сообщеніе оной статьи признательность мою, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ Вашъ М. Г. покорнѣйшій слуга графъ Бенкендорфъ. 20-го марта 1830 г.

29.

*Милостивый государь
Василій Назаровичъ!*

Прочитавъ съ особеннымъ вниманіемъ присланное вами сочиненіе: о жженіи угля я приказалъ принять къ соображенію замѣчанія Ваши, а между тѣмъ, принося Вамъ, М. Г. искреннюю мою благодарность за доставленіе мнѣ Вашихъ сочиненій и свѣдѣній я считаю долгомъ присовокупить, что мнѣ всегда пріятно видѣть людей, усердствующихъ къ общей пользѣ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашимъ М. Г. покорнѣйшимъ слугою графъ П. Киселевъ.

С.-Петербургъ. 9-го апрѣля 1841 года.

Хотѣлось бы мнѣ прибавить къ этимъ письмамъ еще тѣ четыре, которыя Василій Назаровичъ имѣлъ счастье получить отъ одной высокой особы (Императора Александра I-го) въ началѣ своего гражданскаго поприща, и которыя ясеніе всего показали-бы, какъ онъ былъ цѣнимъ и уважаемъ даже тою особою; но къ сожалѣнію у меня нѣтъ теперь этихъ писемъ: они были отобраны у него вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими его бумагами, во время его шлюссельбургскаго заточенія въ 1820 году. Въ одномъ изъ нихъ отъ 12-го декабря 1801 г., наполнявшемъ цѣлыя три страницы собственноручнаго писанія высокой особы, была между прочимъ слѣдующая фраза: „продолжайте всегда говорить такъ откровенно, если-бъ даже Вы замѣтили, что это мнѣ не нравится; вѣрите, что рано или поздно я буду умѣть оцѣнить подвигъ, влекущій Васъ“.

Драгоценныя эти письма должны гдѣ-нибудь храниться до нынѣ, — можно изобличить меня, если я говорю несправедливо.

Филадельфъ Каразинъ.

19 февраля 1860 года.

Письма, бумаги и замѣтки В. Н. Каразина, печатаемая дополнительно.

Сообщеніе В. Н. Каразина о типографіи для университета.

Для составленія типографіи Харьковскаго университета испрашивается у Академіи Наукъ:

Два стана одинъ Голландской и одинъ Нѣмецкой:
каждой по 500 рублей 1000 р. — к.

Для образца, одинъ наборный реалъ съ кассами, двѣ
желѣзныя рамы, шесть желѣзныхъ верстатей, одну на-
борную доску, одну форму реаловъ, одну наборную ска-
мейку, всего цѣною на 82 „ 40 „

Марзановъ, тенагелей, ножницъ и тому подобнаго,
по одвой штукѣ на образецъ; всего на 22 „ 60 „

Литеръ по приложенному реестру на 4074 „ — „

Итого. . 5179 р. — к.

Если вашему превосходительству, благоугодно будетъ сдѣлать сію милость для Харьковскаго университета, то позволено надѣяться, что вы не откажете намъ отпустить нѣсколько и необходимѣйшихъ людей, и именно покорнѣйше испрашиваю дозволить принять въ службу Харьковскаго университета слѣдующихъ:

Корректора Василя Бухвостова, человѣка очень маловажнаго въ типографіи Академіи; но въ Харьковѣ онъ можетъ съ корректурою исправлять вмѣстѣ должность и фактора.

Наборщиковъ: Алексѣя Морщинина и Якова Борисова. Терedor- щиковъ: Данила Петрова и Тимофѣя Семенова. Они не изъ лучшихъ, но охотнѣе всѣхъ другихъ соглашаются въ сей дальній путь.

Какъ дорога теперь становится часъ отъ часу дурнѣе, то осмѣли- ваюсь покорнѣйше просить не замедлить приказаніемъ вашимъ, если вы изволите рѣшиться.

Типографію я могъ бы отправить въ слѣдъ за книгами.

Число вещей		каждой		вообще		Следующіе поддерживаемыя литеры отлучены быть могутъ.
		Руб.	К.	Руб.	К.	
Литеры Россійскія						
2 пуда . .	Двойнаго цццера	30	—	60	—	Секунда 1 пудъ. Терціи прямой 4 пуда. Терціи курзифъ 1 пудъ. Цццера на миттель прима- го 8 пудовъ. Цццера на миттель курзи- фа 2 пуда. Корпусу прямого 8 пудовъ. Корпусу курзифа 1 пудъ.
2 пуда . .	Секунды	30	—	60	—	
8 пудовъ .	Терціи прямой	27	—	216	—	
2 пуда . .	Терціи курзифа	27	—	54	—	
12 пудовъ .	Цццера на миттель прима- го	28	—	336	—	
3 пуда . .	Цццера на миттель кур- зифа	28	—	84	—	
12 пудовъ .	Корпуса прямого	30	—	360	—	
3 пуда . .	Корпуса курзифа	30	—	90	—	
Латинскія						
2 пуда . .	Двойнаго цццера	30	—	60	—	Миттель на терцію 4 пуда. Миттель курзифа 1½ пуда. Цццера на миттель 4 пуда. Цццера курзифа 1½ пуда.
2 пуда . .	Секунды	30	—	60	—	
8 пудовъ .	Терціи прямой	27	—	216	—	
2 пуда . .	Терціи курзифа	27	—	54	—	
12 пудовъ .	Цццера на миттель прима- го	28	—	336	—	
3 пуда . .	Цццера на миттель кру- зифа	28	—	84	—	
12 пудовъ .	Корпуса прямого	30	—	360	—	
3 пуда . .	Корпуса курзифа	30	—	90	—	
Нѣмецкія						
2 пуда . .	Двойнаго цццера	40	—	80	—	Ординарной цццера 5 пуд.
2 пуда . .	Секунды	40	—	80	—	
8 пудовъ .	Терціи	30	—	240	—	
12 пудовъ .	Цццера на миттель	32	—	384	—	
12 пудовъ .	Корпуса	35	—	420	—	
	Шпоновъ, знаковь, до- манныхъ цифровъ и украшеніевъ	35	—	350	—	
	Всего на	—	—	4074	—	

Василій Каразинъ.

Число вещей		каждой		вообще	
		Руб.	К.	Руб.	К.
Литеры Россійскія					
2 пуда . .	Двойнаго цицера	30	—	60	—
2 пуда . .	Секунды	30	—	60	—
8 пудовъ .	Терціи прямой	27	—	216	—
2 пуда . .	Терціи курзифа	27	—	54	—
12 пудовъ .	Цицера на миттель прямого	28	—	336	—
3 пуда . .	Цицера на миттель курзифа	28	—	84	—
12 пудовъ .	Корпуса прямого	30	—	360	—
3 пуда . .	Корпуса курзифа	30	—	90	—
Л а т и н с к і я					
2 пуда . .	Двойнаго цицера	30	—	60	—
2 пуда . .	Секунды	30	—	60	—
8 пудовъ .	Терціи прямой	27	—	216	—
2 пуда . .	Терціи курзифа	27	—	45	—
12 пудовъ .	Цицера на миттель прямого	28	—	336	—
3 пуда . .	Цицера на миттель курзифа	28	—	84	—
12 пудовъ .	Корпуса прямого	30	—	360	—
3 пуда . .	Корпуса курзифа	30	—	90	—
Н ѣ м е ц к і я					
2 пуда . .	Двойнаго цицера	40	—	80	—
2 пуда . .	Секунды	40	—	80	—
8 пудовъ .	Терціи	30	—	240	—
12 пудовъ .	Цицера на миттель	32	—	384	—
12 пудовъ .	Корпуса	35	—	420	—
	Шлоновъ, знаковъ, ломаныхъ цифровъ и украшеніевъ	35	—	350	—
Всего цѣною на . .		—	—	4074	—
Василій Карзинъ.					

Василій Каразинъ.

И. С. Р и ж с к о м у.

(30-го апрѣля 1805 г.).

Милостивый государь мой,
Иванъ Степановичъ!

Прилагаемое при семъ письмо господина Каретникова, счесть я за нужное препроводить къ вамъ, такъ какъ оно извѣстно уже сдѣлалось Правленію университета. Между тѣмъ я буду отыскивать другое, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня о полученіи отъ меня въ *Туркумъ* ему посланныхъ трехъ сотъ рублей. Я взялъ у него довѣренность на принятіе изъ остаточнаго казначейства 416 руб. 66 копѣекъ. Слѣдовательно при семъ случаѣ оставался должнымъ 116 руб. 66 коп. Вы изволите узнать отъ господина Кригера, что я 117 руб., должныя мнѣ отъ него, поручилъ немедленно отдать г-ну Каретникову. Такимъ образомъ быть конченъ шеть съ нимъ послѣднимъ. Почему нельзя было мнѣ не удивиться, услышавши, что онъ имѣетъ на меня претензію.

Имѣю честь быть съ искреннымъ почтеніемъ вашего высокородія
Покорный слуга Василій Каразинъ.

Апрѣля 10 1805 г.

Отрывокъ списка лицъ, предложенныхъ В. Н. Каразинымъ въ почетные члены университета.

№ 4. Знаменитѣйшаго въ Европѣ ученаго сословія, знаменитаго члена, озарившаго многія искусства и руководящаго свѣтомъ наукъ, графа Іоанна Антоія Клавдія Шантала.

№ 5. Мужа, знаменитаго по услугамъ оказаннымъ домоводству и искусствамъ и по многочисленнымъ сочиненіямъ въ ихъ пользу, Сиги-смунда Фридерика Гермшtedта.

№ 6. Мужа, знаменитаго по безсмертнымъ въ пользу сельскаго домоводства сочиненіямъ, Албрехта Тара.

№ 10. Просвѣщеннаго и дѣятельнаго сына отечества господина тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера, Карла Ивановича Габлица.

№ 12. Просвѣщеннаго и знаменитаго сына отечества, благотѣл-наго своимъ поселянамъ помѣщика свѣтлѣйшаго князя Платона Алек-сандровича Зубова.

№ 13. Просвѣщеннаго сына отечества и благотѣтельнаго своимъ поселянамъ помѣщика, князя Георгія Александровича Грузинскаго.

№ 14. Именитаго сына отечества, оказавшаго ему услуги усовершеніемъ военныхъ орудій и благотѣтельнаго своимъ поселянамъ помѣщика, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева.

№ 16. Мужа, вмѣстѣ государственнаго и ученнаго, техническими изобрѣтеніями оказавшаго великія услуги человѣчеству и домашней жизни, графа Веніамина Румфорда.

Графу А. А. Аракчееву.

(1-го января 1817 г. Г. Харьковъ).

Священнымъ для себя долгомъ поставляю принести вашему сіятельству поздравленіе съ наступившимъ годомъ и (дабы мое украинское письмо имѣло сколько нибудь болѣе цѣны, нежели визитный билетъ въ очахъ государственнаго мужа и моего благотѣтеля) прилагаю у сего первую главу изъ извѣстнаго уже вамъ моего сочиненія. Болѣе переписать не успѣли, да и въ томъ что переписано, долженъ я за писца ходатайствовать у вашего сіятельства.

Нашъ губернской городъ около ста лѣтъ уже славится училищами, музыкою, пѣвчими и чистописцами, но по истинѣ я боюсь, что если попечительство г. Потоцкаго продлится еще нѣсколько, то мы и читать и писать правильно забудемъ.

Каждую слѣдующую почту вы изволите, милостивый государь, получать по одной главѣ сегожь сочиненія моею уже собственной руки. Между тѣмъ я не перестану ожидать благосклонно обѣщаннаго вами сочиненія «*Учрежденія села Грузина*», дабы помѣстить главныя черты онаго въ моей книгѣ.

Вѣрьте, что я по жизнь мою пребуду и съ чувствами чистаго доброжелательства нашему отечеству и съ чувствами глубочайшаго къ вамъ почитанія.

Харьковскому губернатору В. Г. Муратову.

(27 августа 1818 года).

Милостивый Государь,
Василій Григорьевичъ!

Собрание Филотехническаго Общества, въ слѣдствіе отчета моего ему 21 числа сего мѣсяца, поручило мнѣ просить ваше превосходительство, чтобъ вы изволили, милостивый государь, предписать кому слѣдуетъ освидѣтельствовать мой поля, которыя отъ части были уважены въ прошедшую осень, весною же засѣяны пшеницею, на тотъ конецъ, чтобъ симъ официальнымъ, безпристрастнымъ свидѣтельствомъ можно было удостовѣрить просвѣщенную публику, какъ въ пользѣ уваживанія подъ пшеницу въ нашемъ краю, такъ и въ выгодѣ отъ раздѣленія полей поселянамъ въ собственность. Исполняя почтительнѣйше сіе порученіе, я осмѣливаюсь присоединить къ нему и собственную мою покорнѣйшую просьбу, которая состоитъ въ томъ, чтобъ ваше превосходительство именно предписать изволили: сдѣлать сравненіе жатвы и количества равно какъ и качества обработки земли подъ рожь въ нынѣшнюю осень на участкахъ моихъ поселянъ (Богодуховскаго уѣзда села Кручика) съ таковыми же на поляхъ сосѣдственныхъ казенныхъ поселянъ. Результатъ таковой можетъ повести къ важнымъ статистическимъ истинамъ, составляющимъ предметъ моихъ занятій не безизвѣстныхъ Правительству. Не могу умолчать при семъ случаѣ, что я щастливымъ себячитаю продолжая и оканчивая ихъ въ правленіе ваше губерніею, представляющею вамъ возможность въ самыхъ многоразличныхъ отношеніяхъ показать усердіе ваше къ Государю и отечеству.

Имѣю честь быть съ глубокимъ почитаніемъ и совершенною преданностью вашего превосходительства покорнѣйшій слуга:

Василій Каразинъ.

Августа 27 дня 1818 г., Харьковъ.

Графу В. П. Кочубею,

(въ концѣ октября 1820 г.).

«Испытайте, сіятельныйшій графъ! нарочно помолчать о сей бумагѣ ¹⁾, не давая о ней приказанія чиновнику особенной вашей канцеляріи, чтобы увидѣть, сколь скоро будетъ донесено о ней официально, и удостовѣриться, что правительство позже всѣхъ обыкновенно извѣщается о подобныхъ вещахъ».

Къ запискѣ Кочубею.

(1820 года).

Дополненія къ политическимъ трактатамъ В. Н. Каразина.

Политическіе трактаты В. Н. Каразина дошли до насъ не всѣ, а одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ, характеризующихъ политическіе идеалы Каразина—Записка 1820 г., поданная Императору Александру I чрезъ меня, внутрен. дѣлъ Кочубея,—прошла чрезъ цензуру 70-хъ годовъ (см. Русск. Стар. 1871 г., III), вырвавшую изъ разныхъ мѣстъ записки нѣсколько печатныхъ страницъ (напр., на стр. 143 полн. собр. сочиненій Каразина выпущены 4 печати. страницы; см. тамъ-же пропуски на стр. 145, 146, 152, 153, 154; разсмотрѣны ихъ неизвѣстны, за исключеніемъ стр. 152, гдѣ пропущена 1 стран. убористой печати. Небольшая часть пропущеннаго текста, весьма важная для опредѣленія политическихъ взглядовъ Каразина, сохранилась въ „Полярной Звѣздѣ“ А. И. Герцена (Лондонъ, 1862. гл. VII), гдѣ Герценъ въ приложеніи въ своей статьѣ «Александръ I и В. Н. Каразинъ» приводитъ отрывки записки 1820 г. для нѣкоторой иллюстраціи «характера и образа мыслей В. Н. Каразина... его словъ». Вотъ они:

Къ стр. 143 полн. собр. соч.

„Кто теперь въ настоящемъ положеніи вещей передать сіе (общественное) мнѣніе государю?.. *Неужели шпіоны, нечистыми ихъ устами?* Можетъ-ли государь даже быть въ томъ увѣренъ, что они умѣютъ понимать его, различать своевольныя мысли черни, различныя по временнамъ и обстоятельствамъ, отъ мыслей людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ? Министровъ я совѣмъ миновалъ. Ихъ дѣло исполнять волю государя, дѣйствовать, безпрестанно дѣйствовать: не прислушивая *что* говорятъ въ народѣ, не размышлять и придумывать. *Не можно въ себѣ соединять съ успѣхомъ двухъ совершенно различныхъ упражненій души.* И отъ того-то, при недостаточномъ познаніи въ многосложномъ составѣ имперіи на-

¹⁾ Рѣчь идетъ о стихотвореніи, которое было признано Каразиннымъ слишкомъ вольнымъ и послано на просмотръ Кочубею. (См. Ист. Вѣст. 1900 г., III стр. 1049).

шей, выходили всё ошибки!.. „Но Государственный Совѣтъ?“ Увы! Совѣтъ сей по составу его не можетъ быть ни государевымъ—для этого онъ слишкомъ многочисленъ!—ни государственнымъ. Послѣднимъ потому быть не можетъ, что особы, его составляющія, всё по другимъ должностямъ своимъ и службѣ подлежатъ вліянію духа государева, не народнаго! Къ сему послѣднему большая изъ нихъ ниже пріуготовлены, бывъ воспитанники двора и столицъ. Сверхъ того, въ составъ нашего совѣта входятъ министры и сенаторы.

„Такое смѣшеніе судящихъ и подсудимыхъ, излагающихъ и разсматривающихъ учрежденія, чиновниковъ, живущихъ всегда въ столицѣ, слѣдовательно не болѣе средствъ имѣющихъ узнать истину, какъ и само правительство, безпрестанно наставляемыхъ державною волею, притомъ чрезъ третье лице, поставленное вѣдь всякой отъ нихъ зависимости—можетъ-ли называться душою россійскаго народа, зеркаломъ *безпристрастнаго, просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія?*.. Михаилъ и Алексѣй могли удобно слышать его отголоски въ грановитой палатѣ и на красной площади. Петръ слышалъ оное иногда въ сенатѣ, иногда въ австеріяхъ. Екатерина, испуганная смѣlostію Коробьина, довольствовалась внимать сему мнѣнію издали, чрезъ своихъ друзей въ обихъ столицахъ. Ничто неиздавалось прежде тайнаго сношенія съ нимъ. Слѣдовательно всё сіи государи почитали таковое сношеніе *необходимымъ* для народнаго и своего собственнаго счастья и славы. Мы благонамѣренные, сколько насъ ни есть въ предѣлахъ обширной Россіи, *не желаемъ ничего другаго!* Сямъ однимъ, сходно съ успѣхами ума человѣческаго въ ней, желаемъ мы оградить себя отъ предстоящихъ бѣдствій. Странное смѣшеніе началъ, заимствованныхъ изъ всѣхъ возможныхъ системъ, не можетъ *долге* безвреднымъ оставаться: особливо при той извѣстности, въ которой уже и чернь во многихъ мѣстахъ ¹⁾ находится о дѣлахъ въ Европѣ. „Государь! сказалъ бы я его величеству, еслибъ имѣлъ счастье бесѣдовать съ нимъ въ знакомомъ мнѣ кабинетѣ: „Государь! не презирай достойнаго тебя, благонаправнаго, вѣрнаго, умнаго твоего народа! Иностранцы, всегданіе враги наши, или по крайней мѣрѣ чуждые насъ душою, дали тебѣ въ молодости и теперь продолжаютъ поддерживать несправедливый о насъ понятія. Перестань вѣрять имъ твои и наши тайны!.. Сдѣлай лучше насъ участниками въ твоихъ великихъ намѣреніяхъ, которыя до насъ самихъ относятся. Конечно повиновеніе наше долго еще будетъ безпредѣльнымъ. Благонамѣренные не нарушаютъ его. Пускай Европа, по обыкновенію своему, порицаетъ ихъ *подлостію и рабствомъ*; они не уважатъ ея посмѣянія. Но злокозненный возмущенія духъ сор-

¹⁾ Чрезъ газеты и журналы: но болѣе чрезъ возвратившіяся войска.

вался съ цѣпей своихъ и летаетъ надъ нею отъ одного ея края до другаго. Что тебѣ и намъ, поднорѣ престола твоего, порукой, что онъ не вторгнется въ предѣлы наши?.. Всякая политическая власть основывается на одномъ мнѣніи: и оно уже поколебано въ простомъ народѣ. Секты духоборцевъ, субботниковъ и другихъ да послужатъ тебѣ примѣромъ въ томъ, сколько недовѣдомыми правительству путями приходятъ мнѣнія и съ какою удобностію распространяются! Всѣ мѣры полицейской и духовной цензуры недостаточны противъ нихъ. Излишняя строгость возмущаетъ лишь сердца. Натянутая вервь внезапно перервется. Во многихъ разночинцахъ и отпущенникахъ я предвижу злодѣевъ, которые провозвйдутъ Робеспіеровъ.

„Да и что можетъ потерпѣть самодержавіе отъ довѣренности къ тому сословію, котораго участь тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ соединена? Аристократія, въ прямомъ смыслѣ, у насъ никогда быть не можетъ и никогда не было со временъ малолѣтства царя Іоанна Васильевича. Даже въ нѣжномъ юношествѣ Петра II, вліяніе Долгорукихъ *впрямую* также было-бы кратковременно, какъ и вліяніе Меншикова, если бы не застигла ихъ смерть сего государя. Побѣдитель Европы, непреклонный, проникательный Александръ, можетъ-ли опасаться дворянъ своихъ, изъ которыхъ каждый съ материнскимъ молокомъ всосалъ чувство глубокаго благоговѣнія къ монархамъ? Пускай приведетъ онъ себѣ на память рѣшительное обстоятельство собранія Московскаго въ іюлѣ 1812 года...

Но приобрѣтеніе будетъ велико; государь по истинѣ *не можетъ* себѣ вообразить, до какой степени будетъ усилено правительство чрезъ счастливое такое соединеніе! Тысячи свѣдѣній, тысячи новыхъ способовъ къ дѣйствию, къ утвержденію царства—у подножія престола. Нынѣшнее время не можетъ быть вѣкомъ Махіавелевой политики. Довѣренность, взаимная довѣренность да будетъ первѣйшимъ правиломъ!

„Сердце сердцу вѣсть даетъ“,—говоритъ наша русская пословица. Искренность государя привлечетъ къ нему общественное мнѣніе просвѣщеннѣйшей и до сихъ поръ еще сильнѣйшей части его народовъ. Тутъ никакого искусства не нужно. *Но при взаимномъ устраненіи* никакое искусство *не спасетъ насъ*. Необходимость Монархіи есть священная истина, равная истинамъ религіи и природы, ибо она изъ нихъ и проистекла. Всякой разумъ и всякое сердце должны быть на ея сторонѣ. Но самовластіе и лицемеріе, какъ политическое, такъ и религіозное, не убѣдятъ никакого разума, не преклонятъ ни одного сердца—наипаче въ настоящій вѣкъ. О, да удалятся же онѣ изъ чертоговъ возлюбленныхъ царей нашихъ“!

„Но дѣло только въ томъ, чтобъ Россію перестать почитать *собственностію* государя, которую онъ доселѣ безотчетно располагаетъ, подобно какъ (всякой) хозяинъ *стада*. Приложеніе нѣкоторыми льстецами слова хозяинъ къ государямъ „ваше де величество полный хозяинъ и пр.“ есть злоупотребленіе. Въ этомъ разумѣ хозяинъ одинъ всевышній, а цари его только намѣстники, правители народовъ, не болѣе!—Почти такъ выражено и въ манифестѣ о тройственномъ союзѣ. Сею его безсловесною собственностію, или подобно, какъ иной нашъ помѣщикъ своими селами, почитая ихъ только средствомъ къ полученію доходовъ и къ удовлетворенію честолюбія. Такая система въ маломъ и большомъ видѣ, гдѣ только предметомъ есть *общество челоѣковъ*, противна религіи, противна Богу всеблагому отцу ихъ; и по самому естественному теченію вещей должна измѣниться въ безначаліе, сопровождаемое всѣми его ужасами. „И время близъ есть!“¹⁾.

«Въ семеновской исторіи, въ которой Каразинъ оправдываетъ солдать и удивляется имъ, онъ явно видитъ „ступеньку лѣстницы, которую строить для насъ духъ тѣка“.

Но гдѣ-же его громоотводы? Вотъ они. „Постепенное освобожденіе крестьянъ, и вызовъ выборныхъ людей отъ всего *дворянства*, какъ представителей общественнаго мнѣнія въ семейномъ совѣтѣ правительства“; этой думой, полагаетъ Каразинъ „будетъ спасено все и безъ ущерба монархической власти, лишь-бы не ушло время“. Земля, единственная въ своемъ составѣ, въ преддверіи величайшаго твоего несчастія, ты можешь еще быть спасена *искреннимъ семейнымъ союзомъ твоего государя съ его дворянствомъ!* Впрочемъ да будетъ какъ и во всемъ воля божія!».

Князю Вяземскому.

(1821 года).

1.

Свѣтлѣйшій князь,
милостивый государь!

Пользуясь симъ случаемъ, вѣроятно, первымъ и послѣднимъ, хотя едва-едва въ рукахъ перо держать могу, чтобы увѣрить вашу свѣтлость въ томъ, что сохраняю по гробъ чувствованія къ вамъ душевнаго, глу-

¹⁾ Апокалипсисъ. Глава XXII, стр. 10.

Кромѣ этихъ отрывковъ есть еще небольшой (въ текстѣ статьи Герцена), который Герценъ цитируетъ также изъ выпущеннаго цензурой отрывка, относящагося, судя по содержанію, къ 153 стр. полн. собр. соч.

бокаго почтенія и преданности, которыя ваши достоинства въ меня поселили. Простите и порадыте о мнѣ когда нибудь.

2.

*Сіятельныйшій князь,
милостивый государь!*

Послѣ шестимѣсячнаго заключенія въ ужасномъ мѣстѣ и тяжкаго пути на почтовыхъ телѣгахъ, который не отвѣтствовалъ ни лѣтамъ моимъ, ни привычкѣ, я едва живой донесъ до Харькова и первыя минуты употребляю на то, чтобы принести вашему сіятельству глубочайшую сердечную благодарность за содѣйствіе къ облегченію моей участи. Въ чемъ она будетъ теперь состоять,—я еще не знаю. Все мое существо раздавлено и раздроблено. Имѣлъ я добрую жену и семерыхъ дѣтей,—не знаю, гдѣ они и когда съ ними увижусь. Имѣлъ доброе имя, лишили его неволратно. Имѣлъ маленькое состояніе,—оно, вѣроятно, должно исчезнуть, ибо мои кредиторы, пользуясь моимъ уничиженіемъ, заставляютъ продать его за безцѣнокъ. Я думаю, что въ несчастные эти шесть мѣсяцевъ заемныя письма и закладныя предъявлены, и мнѣ не дадутъ никакой пощады. Сжальтесь надъ бѣднымъ моимъ имуществомъ, добродушнѣйшій князь! Исходатайствуйте мнѣ у монарха позволенія написать послѣднее письмо въ собственныя руки его императорскаго величества. Я не ропщу на жребій мой, точно такъ, какъ не ропталъ, дышавъ гнилыми парами каземата до 23 апрѣля, когда въ первый разъ впустили ко мнѣ струю свѣжаго воздуха, и писалъ извѣстный вашему сіятельству оскорбительный допросъ въ полдень при свѣчахъ, ибо такъ свѣтло было мое жилище! Не ропщу, сіятельнѣйшій князь, но благословляю и лобызаю руку, поразившую меня. Со всѣмъ тѣмъ я имѣю нужду успокоить мою совѣсть, не бывши увѣренъ въ дальшемъ продолженіи моей жизни. Я почитаю себя обязаннымъ передъ Богомъ и государемъ представить мой поступокъ съ истинной точки зрѣнія, дабы испросить не себѣ, но несчастному моему семейству, нѣкоторую пощаду, нѣкоторую помощь.

Р. С. „Простите безобразію сего письма: оно отвѣчаетъ моему душевному и тѣлесному состоянію“.

Прошеніе Харьковскому губернатору В. Г. Муратову.

(25-го сентября 1825 года).

Его превосходительству, господину Слободско-Украинскому гражданскому губернатору и кавалеру, Василию Гавриловичу Муратову.

Помѣшкѣ сей губерніи статскаго совѣтника и кавалера Василия Назаріева сына
Каразина

ПОКОРНАЙШЕЕ ПРОШЕНІЕ.

Надворная совѣтница Александра Николаевна Куликовская, проводшая послѣдніе годы своей жизни Курской губерніи, Суджанскаго уѣзда въ заштатномъ городкѣ Миропольѣ, бывъ преслѣдуема непочтительными и можно сказать буйными настояніями одного изъ ея родственниковъ, чтобы она свое малое достояніе непременно ему утвердила, обращалась не однократно ко мнѣ и моему семейству; и сіе тѣмъ естественнѣе, что большая часть еяго достоянія находилась по извѣстному вашему превосходительству заемному письму въ моихъ рукахъ. Она и пріѣзжала къ намъ въ село Кручикъ еще въ 1822 году въ предположеніи написать здѣсь свое духовное завѣщаніе. На послѣдокъ, пріѣхавъ 1824 года въ первыхъ числахъ августа мѣсяца она дѣйствительно написала оное, утвердила призванными его свидѣтелями и препроводила для сохраненія до кончины ея Императорскаго воспитательнаго дома въ Московской опекунской совѣтъ; сіе послѣднее чрезъ посредство богодуховскаго почт-экспедитора, прося его лично, билетъ каковой отъ туда пришлется, доставить мнѣ на соблюденіе. Въ мартѣ мѣсяцѣ сего 1825 года она г-жа Куликовская занемогла, и послѣ шестимѣсячной болѣзни и пользованія, въ продолженіи коего иногда становилось ей и легче, скончалась сего сентября мѣсяца въ 15 день.

Вашему превосходительству извѣстно, что мое положеніе не позволяетъ ходатайствовать, какъ должно по уставамъ воспитательнаго дома для открытія и приведенія въ дѣйство упомянутаго завѣщанія. Я имѣю уже и опытъ, что безъ личнаго ходатайства встрѣчаются преграды на самомъ первомъ шагѣ, которой есть полученіе законнаго удостовѣренія о смерти завѣщательницы, безъ котораго Московскій Совѣтъ не приступить къ открытію онаго. Почему, принужденнымъ себя нахожу, беспокоить васъ, милостивый государь! Представляя у сего билетъ Совѣта въ подлинникъ, (билетъ, который безъ того, не выходя ни въ какія ру-

ки, долженъ бы былъ поступить обратно прямо въ Совѣтъ) покорнѣйше прошу ваше превосходительство имѣя оный въ виду благоволить испросить у господина Курскаго гражданскаго губернатора вышесказанное мѣстнаго начальства удостовѣреніе. Послѣ чего я возьму смѣлость чрезъ васъ же препроводить оное въ совѣтъ съ тѣми приложеніями, которыхъ завіщаніе требуетъ, дабы оное въ сходство содержанія его могло быть препровождено въ Слободское Украинское Губернское Правленіе для исполненія.

Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ.

Сентября 25 1825 года. Село Кручакъ.

Харьковскому губернатору В. Г. Муратову.

(3-го марта 1827 года).

Мой любезный Сергій Сѣренко ¹⁾ умеръ на прошедшей недѣли. Еще нѣсколько поселянъ вѣроятно отправятся вслѣдъ за нимъ. Отъ сыновей ²⁾ нѣтъ писемъ. Грустно мнѣ!.. Еще же и оттуда до сихъ поръ нѣтъ разрѣшенія ни на ваше ³⁾, ни на наше съ женою представленіе. Последнее пошло 9-го января; слѣдовательно, весьма бы уже пора, кажется. Для чего бы меня (просто) не спросить, буде дѣйствительно встрѣчаются сомнѣнія какія? И смертоубійцевъ спрашиваютъ.

Въ моихъ бумагахъ (если онѣ тамъ открыты, по сему поводу, или по случаю происшествій) дѣйствительно встрѣтятся недоразумѣнія, кои кромѣ меня, конечно, разрѣшить никто не можетъ. И мое объясненіе было бы, можетъ статься, любопытнѣе допросовъ всѣхъ прочихъ деликвентовъ виноватыхъ и безвинныхъ. Я привыкъ всегда дѣйствовать чисто, какъ совѣсть велитъ. Потому и долгомъ почитаю, не имѣя никакого другаго способа—вамъ это передать. А вы, какъ хотите.

¹⁾ Крестьянинъ, имѣвшій смотрѣніе за больными. Примѣч. Каразина.

²⁾ Которые находятся въ С.-Петербургѣ въ корпусѣ путей сообщенія. Примѣч. Каразина.

³⁾ Представленіе сіе есть всеподданнѣйшій рапортъ мой отъ 16-го минувшаго января 1826 года. Примѣч. Каразина.

Проф. А. С. Венедиктову.

(2-го февраля (?) года).

Вотъ еще двѣ эссенціи для васъ, милостивый государь Александръ Савичъ, я особо отлилъ и посылаю. Теперь — до возвращенія въ деревню! ибо нѣтъ здѣсь прочихъ. Пожалуйста испытайте особливо *Ess. baccarum beladonnae*. Она у меня чуднымъ образомъ дѣйствовала въ нервныхъ припадкахъ: въ самой холерѣ даже, спасъ я ею жизнь молодой женщины, у которой конечности были уже холодны и корчи въ высокой степени.

Вашъ преданный слуга В. Каразинъ.

Кушайте у насъ въ воскресенье, буде можно, такъ жена просить.

А. Г. Тройницкому.

(6-го июля 1837 года).

Благодарю васъ, милостивый государь Александръ Григорьевичъ, за приватный вашъ благосклонный отвѣтъ на мое назначенное для публики письмо. Я получилъ его, захвативъ получать другое, а именно извѣщеніе ваше объ адресѣ г-на Лачинова, которое вы общали, и о которомъ теперь же беру смѣлость напомнить. Я пришлю за нимъ и за № *Journal d'Odessa* завтра. А *Вѣстникъ* возвращу. Такъ и всегда стану дѣлать.

Что принадлежить до похвалы (справедливой) молодому графу, то какъ мнѣ знать вашу одесскую подноготную. Я даже и того не зналъ, что вы издатель фран. газеты. Думалъ, ктонибудь, природной фран. литераторъ. Стало быть: оставимъ его дѣло! Хотѣлось сдѣлать удовольствіе графу М. С. какъ отцу, и дать ему догадаться, что я въ Одессѣ.

Вашъ покорный слуга В. Каразинъ.

А. Г. Тройницкому.

(18-го сентября 1837 г.).

Милостивый государь,
Александръ Григорьевичъ!

Сколько разъ я, старикъ Харьковскій, былъ въ конторѣ вашего Вѣстника. Единственно для того, чтобъ съ вами познакомиться! но къ нещастію приходилъ все не впопадъ. Тѣмъ непріятнѣе, что васъ, ска-
зываютъ, и дома трудно застать. Между тѣмъ, пока еще разъ попыта-
юсь, донесу вамъ хоть письменно, что я сегодня узналъ отъ его пр-ва
Андрея Яковлевича, будто для впечатанія врученной ему мною записки
о предметахъ заграничнаго торговаго, вы желаете, чтобъ къ ней придѣлать
вступленіе. А я именно етаго то хотѣлъ и избѣжать!.. Знаете-ли, какъ
надоѣли порядочнымъ людямъ всѣ етѣ разсужденія съ восклицательными!
Я нарочно сказалъ то, что необходимо было, весьма сухо, въ самомъ
домашнемъ слогѣ. Назовите *отрывокъ* изъ разсужденія о черноморской
торговлѣ и печатайте съ Богомъ, поставя впереди точки. Будежъ непре-
мѣнно считаете нужнымъ *начать* чѣмъ нибудь, то вотъ прилагаю нѣ-
сколько строкъ.

Имѣю честь быть съ истиннымъ къ вамъ уваженіемъ, какъ къ
одному изъ полезнѣйшихъ въ отечествѣ нашемъ трудниковъ, и совер-
шеннымъ почтеніемъ вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою
Василій Каразинъ.

Сентября 18 1837 г.

Одесса. На Преображенской, домъ Попова.

Проф. И. В. Платонову.

(13-го января (?) года).

Не можете-ли сдѣлать одолженіе, милостивый государь Иванъ
Василіевичъ, указать мнѣ изъ гг. студентовъ или другихъ ун. чи-
новниковъ недостаточныхъ такого, кто-бы взялся руководствовать въ
здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ иностранца, именно француза, не
знающаго ни законовъ нашихъ ни языка? Разумѣется, что это не зай-
метъ всего времени, а изрѣдка: ибо дѣло уже заведено. Стоитъ спра-
вляться по временамъ. Иногда-же перевести бумагу. Потребны знаніе

судопроизводства, хотя посредственное: что предполагать можно во всякомъ студентѣ вашего отдѣленія, и знаніе обоихъ языковъ. Труды будутъ награждены по условію взаимному.

Завтра пришлю за отвѣтомъ вашимъ или лучше ожидать буду у себя до X часовъ, т. е. до обѣдни *послѣзавтраго*, самого субъекта, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ вашимъ покорнымъ слугою

Василій Каразинъ.

13 Генваря.

Письмо къ издателю „Молодика“ Бецкому.

(2-го марта 1842 года).

Посылаю къ вамъ то самое письмо Украинскаго нашего философа, которое вы имѣть желали. Только оно не подлинное, а списанное мною съ подлинника предъ самымъ его отправленіемъ на почту въ Орелъ къ тайному совѣтнику Михаилу Ивановичу Ковалѣнскому. Я *тогда* (т. е. за полстолѣтія слишкомъ) сохранилъ не только правописаніе почтеннаго Сковороды; но сколько могъ, даже и почеркъ его. Вотъ почему нѣкоторые ошибались, почитая этотъ списокъ за подлинникъ. Такъ я о немъ и самъ слышалъ, потерявъ за давностію времени изъ виду и памяти все это обстоятельство. Почему вы вообразите мое удивленіе, когда я увидѣлъ мой списокъ въ рукахъ нашего Архипастыря—который столь благосклонно мнѣ предложилъ его для васъ.

Сковорода жилъ въ то время въ деревнѣ давно-умершаго моего отца коллежскаго совѣтника Андрея Ивановича Ковалевскаго, Ивановкѣ, которая теперь принадлежитъ г-ну Кузину. Тамъ его и могила. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ общалъ мнѣ Козьма Никитичъ, этотъ рѣдкой гражданинъ и *чрезвычайный* человекъ для всякаго добра общественнаго; тогда, можетъ быть, напишу я біографію нашего мудреца, недостаточно въ разныхъ журналахъ помѣщенную, и то отрывками съ 1810 года; ибо съ сего года только начали догадываться, что мы *подъ чубомъ* и въ украинской *свиткѣ* имѣли своего Пиеагора, Оригена, Лейбница, подобно какъ Москва за 150 лѣтъ въ Посошковѣ своего Филанджіери, а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего Іоанна Златоуста (яо Карамзинъ запретилъ исторически говорить о живыхъ!..).

Вашъ покорный слуга *Василій Каразинъ*.

П о г о д и н у.

(23-го мая 1842 г.).

«... Что вы это не помѣщаете моего изобрѣтенія. Стыдно вамъ будетъ, господа, если, уронивъ честь своего брата Русскаго, допустите англичанамъ сказать: «да это у насъ скопировано!» И С. П. не отвѣчалъ!—«Господа» сказалъ я потому, что я послалъ и въ Одесской журналъ, не вѣря вашей поспѣшности. И тамъ до сихъ поръ не напечатано. Право, *своимъ*, по крайней мѣрѣ въ живѣ, худая честь. У насъ, со временъ стародавнихъ еще, положено предпочитать иностранное и иностранцевъ. Кто знаетъ, напр., скажу вамъ, что живущій нынѣ, хотя уже въ гробъ заглядывающій старикъ, далъ идею и выполнилъ ее на полустопѣ бумаги своею рукой объ отдѣльномъ Министерствѣ народнаго воспитанія, которое нигдѣ въ Европѣ еще не существовало? *Насилу* проговорили гдѣ-то въ журналѣ, что онъ-де подаль мысль къ основанію такого-то университета. *И только то!!* Кто знаетъ, что тотъ же старикъ бился какъ рыба объ ледъ, домогаясь воссоединенія Уніатовъ, которое совершилось спустя больше тридцати лѣтъ? Кто знаетъ, что онъ же въ 1805 году еще учредилъ у себя постановленіе точъ въ точъ такое, на каковое вызываетъ теперь Указъ 1842 года апр. 2. Что онъ изобрелъ, давно и въ началѣ 1838 года напечаталъ о карболейнѣ, по изобрѣтенному другимъ этому имени, *присвоенномъ другому*, въ 1839 или 40 годахъ? Что онъ для Царскаго дворца предлагалъ отопленіе или, справедливѣе сказать, нагрѣваніе водяными парами (заключенными въ трубахъ), которое теперь произведено въ Берлинѣ, въ тамошней библіотекѣ—«eine Erfindung des H. Rigfevlind»!.. Право скучно и писать, не только жить въ этомъ мірѣ. Да и листокъ къ концу. Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? такъ! хоть для потомства? Прощайте!

Вашъ покорнѣйшій В. Каразинъ.

П о г о д и н у.

(1842 года).

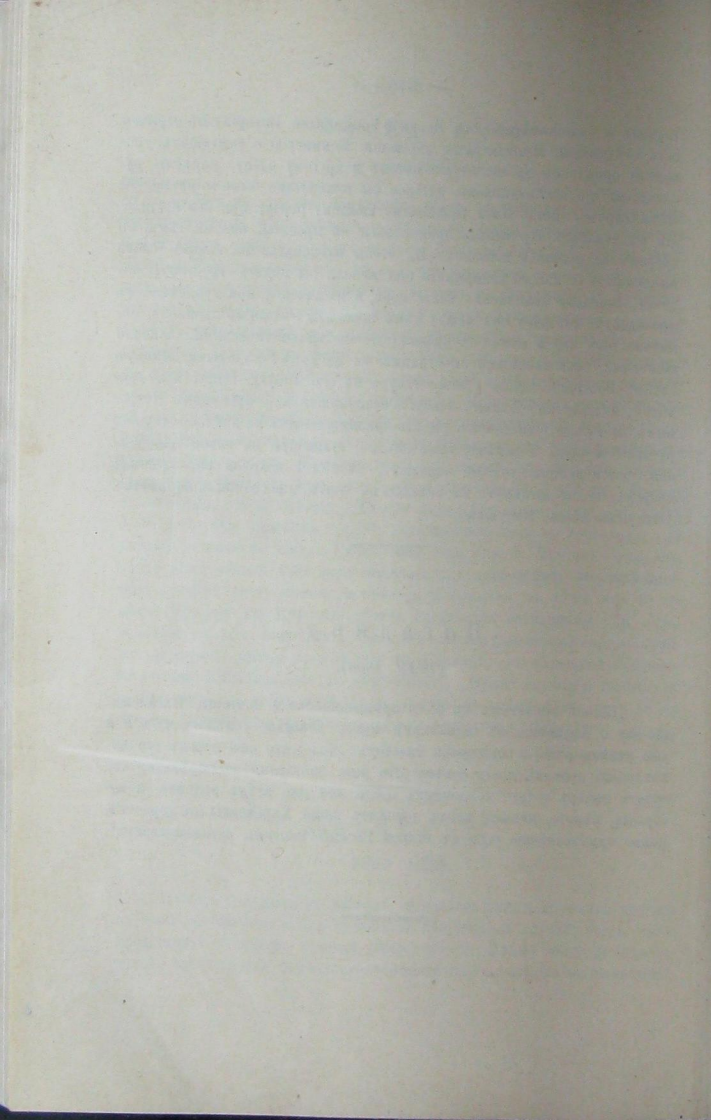
Плѣняясь журналомъ вашимъ, я предполагаю непременно вносить въ него кое-что изъ моихъ портфелей. На первый случай честь имѣю представить автографъ великой Екатерины II. Прошу васъ литографировать хотя первый періодъ сего торжественнаго доказательства личныхъ

трудоу и благонамѣренности Великой Государыни. Исторія сего отрывка есть слѣдующая: Императрица, учреждая Коммиссію о училищахъ, повелѣла прежде ея президенту, а потомъ и другому члену, написать руководство для воспитаниковъ, которое бы напечатано бывъ во множествѣ экземпляровъ, могло быть раздаваемо каждому отроку при его вступленіи въ училище. Прочитавъ принесенные ей проекты, она ни тѣмъ, ни другимъ не осталась довольна. И, чтобы изяснить, въ какомъ слогѣ написанною и какого содержанія она желала бы видѣть требуемую ею книгу, изволила немедленно взять перо, и въ полчаса, при краснѣющемъ президентѣ, котораго она между тѣмъ посадила въ своемъ кабинетѣ, написала *то*, что я вамъ препровождаю—съ грамматическими, конечно ошибками, свойственными иностранкѣ, но въ духѣ Государыни. *Матери* своихъ Россіянокъ. Слезы у меня текутъ въ сію минуту. Нѣтъ! мы, грамотны, не довольно цѣнимъ заслугъ величайшей изъ преемницъ Петровыхъ. Я имѣлъ еще счастье видѣть признательность къ ней благодарнаго русскаго народа: я видѣлъ, какъ онъ ее, гуляющую на новой набережной, безчисленною толпою окружалъ, тѣснился вокругъ ея, забѣгалъ впередъ, чтобы взглянуть на свѣтлыя ея черты, и восклицалъ поминутно: „Матушка наша, Матушка!..“

П о г о д и н у.

(1842 года).

„Безцкій исполненъ къ вамъ привязанности и почтенія. Предложеніе его о Харьковскомъ альманахѣ идетъ довольно успѣшно, вотъ и я уже успѣлъ раздать до сорока билетовъ. Жаль, что онъ нарекъ его похлоацки, противъ моего совѣта. Это имя, заставляя подозрѣвать, что будетъ наборъ только хохлацкихъ піесъ, кои уже всѣмъ надоѣли, и которыми, вѣрнѣе, меньше всѣхъ дорожатъ наши Харьковцы (съ гордостію давно причисляющіе себя къ старой Россіи) многихъ останавливаетъ“.

Указатель личных именъ.

Аверинъ П. И. 342, 344, 353.
Аггей, архіеп. 596.
Адамовичъ И. С. 862.
Адамовъ Н. С. 188, 297.
Аделунгъ 682, 742, 743.
Адлербергъ, ген.-ад. 766, 774.
Александръ I. 1, 21, 23, 37, 45, 49, 55, 100, 117, 122, 126, 143, 149, 152, 194, 236, 277, 364, 394, 538, 620, 633—635, 649, 654, 656, 676 — 678, 685—6, 778—9, 811, 904.
Алстедъ, 428.
Алферакъ Н. Д. 862.
Алферовъ А. Ф. 627, 631.
Алферовъ Н. Ф. 278, 299, 832.
Альховскій П. С. 720, 862.
Аксаковъ С. 753.
Аксюкъ 807.
Амвросій, матрон. 684.
Анастасевичъ В. Г. 138, 215, 299, 646, 687, 689—693, 701, 702, 705, 708, 710, 715, 717, 731, 734, 739, 742—747.
Андреевъ 595.
Аникѣевъ А. Г. 628, 678, 760.
Анна Іоанновна 26, 122.
Аврель 560—1.
Автонскій А. П. 754, 894.
Аракчеевъ А. А. 232, 263, 266, 276—278, 294—5, 300, 404, 553, 702—705, 707, 712, 718, 719, 721, 725, 851, 889, 890, 902.
Арль 245.
Арсеньевъ А. И. 213, 342, 344, 353.
Артюховъ 595.
Аршеневскій П. Я. 352.

Баадеръ 518.
Бабаевъ П. Ф. 296, 300, 371—2.
Вазилевичъ, ген.-м. 461, 775.
Баллы 141, 219.
Байлей Дав. 264—5.
Балашевъ 501.
Бавтышъ-Каменскій 166, 827.
Баратынскій 155—6.
Барепдтъ 754.
Барятинскій П. И., кн. 266, 299.
Баузе О. Г. 878.
Бауманъ 385.
Бахтинъ И. И., губ. 194, 296, 300, 309, 331, 353, 469, 586, 589, 700, 741, 792.
Башиловъ 103.
Башинскій 754.
Бедрыга А. 617.
Бедрыга М. А. 473.
Безбородко И. А., гр. 421.
Безобразовъ П. С. 196, 199, 212 298.
Беклешовъ А. А. 438.
Белларминъ 428.
Бенкендорфъ А. Х., гр. 771 — 774, 778, 803, 804, 806, 812, 814, 815, 820—1, 826, 837—844, 847, 850, 852, 855—857, 859, 897.
Бентамъ 147, 161.
Бердяева А. П. 230.
Бердяевъ А. Н. 352, 540.
Бердяевъ Н. М. 559.
Бертъ 739.
Бертолонъ 433, 435.
Бестужевъ С. 646.
Берхманъ 299.
Берцелій 500.
Бецкій И. Е. 862, 913.

Биберштейнъ Ф. К., бар. 215, 278,
280, 296, 298, 341, 343, 346,
367, 690.
Бибииковъ П. М. 232, 300.
Биронъ 335, 336.
Вируковъ 665, 765.
Вишингъ 102, 385, 561, 590.
Блакеннагель Е. И., ген.-м. 117,
281, 444, 492, 702, 709, 769.
Блудовъ Д. 646.
Блуменбахъ 590.
Богдановичъ П. Ф. 188, 297, 605.
Болтинъ 100, 305, 319, 320, 335,
337—8.
Бональ 145—6.
Боннетъ 324.
Борель 331.
Борисовъ 628, 678.
Борхъ, гр. 137.
Борщовъ М. А. 887.
Боскъ 442.
Боссюетъ 331.
Брусиловъ Н. 646.
Буало 331.
Будановъ 789.
Буланже 310.
Булгаринъ 817.
Булычевъ Д. И. 278, 280, 295—6,
299, 344.
Буссе 124, 130.
Быковский О. А. 784, 862.
Бюффонъ 421, 427, 441, 571.
Валкенеръ 442.
Ванъ-Марумъ 431.
Ванновскій 715.
Ванотти Л. О., проф. 753.
Варгевитинъ 379, 385.
Васильевъ, ад. 643.
Ваттонъ 857.
Великопольская С. М. 770.
Великопольскій И. Е. 771.
Венедиктовъ, проф. 911.
Веребрюсовъ 595.
Вешняковъ 500, 501.
Вигантъ 860.
фонъ-Визинъ 107.
Віетъ 225.
Вилденовъ 367—8.

Вилліе Я. В. 461.
Виллихъ 658—9, 663, 754.
Виретъ 330.
Власовъ С. П. 445, 727.
Войновичъ П. И. 212, 278, 298.
Волкенштейнъ Г. С., гр. 293, 299.
Волней 324.
Волконскій П. М., кн. 120, 263.
Вольтеръ 572.
Воронцовъ М. С. 159, 575, 593,
862, 867.
Времевъ А. М. 196, 212, 298, 763.
Времевъ Т. М. 196, 199, 212, 278,
280, 295—6, 298.
Вукотичъ И. И. 187, 199, 296—7,
706.
Вяземскій, кн. 118, 121, 610, 907,
908.
Габерле 733.
Габлицъ К. И. 232, 300, 514, 901.
Гагаринъ, кн. 550.
Галиль-Решидъ-паша 775.
Галкинъ А. А. 345.
Гавъ 595.
Ганналь 503.
Гварени 643.
Гегель 461.
Гекъ 664, 665, 674.
Геннигсгофъ 747.
Георги 109, 110, 112.
Герардъ 444.
Герберштейнъ 102, 105.
Гердериъ 112.
Германъ 135, 156, 335, 423.
Гермбштедъ 192, 225, 267, 300, 901.
Герсегоновъ Б. 278, 280, 296, 299,
341, 344.
Герсегоновъ П. 280, 293, 295, 296,
300, 862.
Герценъ А. И. 904, 907.
Гессъ-де-Кальве Г. Г. 352.
Гизе Ф. И., проф. 188, 192, 206,
211, 229, 296, 300.
Гилевскій И. 754.
Гиржевъ И. И. 188, 297, 341, 344.
Гичардини 311, 318.
Глазуновъ 178, 353, 712.
Глинка Ѳ. Н. 572, -894

Гмелинъ 398.
Гяфдицъ Н. И. 566.
Гоббесъ 337.
Гогетъ 316.
Годуновъ Ворисъ 236.
Голенищевъ-Кутузовъ М. Л., кн. 234, 457.
Голяковъ 238, 559, 561, 590, 735, 752.
Голицынъ А. Н., кн. 133, 436, 851, 875.
Голицынъ Б. А., кн. 188, 297.
Голицынъ В. П., кн. 862.
Голицынъ Д., кн. 895.
Голицынъ М. А., кн. 187, 188, 194, 201.
Голицынъ Н., кн. 862.
Голицынъ, кн. 101, 559.
Голицынъ, кн. 604.
Головинъ В. М. 573.
Гончаровъ А. 706.
Головачевъ П. И. 733.
Горголи Н. С. 152.
Горчаковъ А. П. 293—4, 703, 892.
Гостковский 818.
Греватъ 385.
Грефъ 744.
Гречъ 710, 743.
Гриневичъ 859.
Грузинскій Е. А., кн. 232, 300, 902.
Грызодубовъ 797, 824.
Гумбольдтъ А. 300, 404.
Гумбольдтъ 324, 327, 430, 442, 503, 728.
Давидъ 225.
Даламберъ 717.
Дальтонъ 225.
Данеишевичъ Н. С. 867.
Данилевскій Б. Е. 862.
Данилевскій В. И. 862.
Данилевскій И. Я. 469.
Данковский 232.
Дашковъ П. Я. 551, 706.
Двигубскій А. 188, 199.
Дебольцевъ И. Н. 212, 298.
Дебособръ 888.
Девидъ Гумфри 285, 300, 431, 441, 713.

Девидъ Джонъ 441.
Девьеръ Д. Б., гр. 187, 297.
Дево 443.
Деичъ А—дра П. 862.
Декарро 887.
Делавинъ 637, 639, 641, 660.
Деламенне 146.
Деландъ 385.
Делюкъ 401, 430.
Дельвиго 155.
Демутъ 565.
Денарсъ 385.
Дергамъ 385.
Державина Д. А. 582.
Державина Е. Я. 582.
Державинъ Г. Р. 162, 572—3, 579, 579, 580, 582, 779, 856, 891.
Джустиниани 770.
Дзюбинъ 660, 662.
Дмитріевъ 480.
Долгорукова Л. О., княг. 862.
Долгорукій Ю. В., кн. 266, 299.
Долгоруковъ, кн. 257, 756—7.
Доленга-Ходаковский 742.
Донецъ-Захаржевскій 538—40.
Донецъ-Захаржевскій В. М. 627, 636, 638—9.
Дрейсигъ В. Ф., проф. 753.
Дундуковы, князья 517.
Дюбуа 592.
Дюдеванъ 597.
Дюканжъ 320.
Дюма 494.
Дюмонъ 657.
Дюгуга 562, 564—5, 735.
Евгеній, преосв. 732, 742, 884.
Екатерина I 806.
Екатерина II 3—6, 8, 16, 41, 62, 100, 126, 130, 148, 152, 161, 163—4, 168, 176, 236, 302, 322, 327, 335, 356, 383, 491, 514, 539, 556, 570, 582, 590, 604, 686, 827, 914—15.
Елизавета, имп. 26, 41, 603.
Еллисъ 442.
Жадько 262—4, 889.
Жираръ Вильг. 300.
Жуковский В. А. 154, 551, 566.

- Завадовскій П. В., гр. 648, 665.
 Загоскинъ 572.
 Зайченко Д. Я. 780, 792.
 Залѣскій 795.
 Зесядко 792.
 Зарудный И. И. 197, 199, 211, 213.
 Захарашевичъ-Капустянскій 540.
 Зеа-Бермудецъ 141.
 Зиминъ, прот. 593.
 Зиновьевъ Д. Н. 231, 232, 266, 300,
 341, 711, 888.
 Злобинъ 678.
 Золотаревъ И. Я. 808.
 Зубова, княг. 550.
 Зубовъ П. А., кн. 300.
 Зуевъ, акад. 587, 603, 901.
 Зюсьмилъхъ 385, 387, 740.
Ивановъ Алексѣй, свящ. 55, 638,
 695, 698.
 Изъѣдиновъ Л. А. 212, 298.
 Иннокентій, преосв. 865.
 Исаевъ И. П. 300.
 Иоанн IV 4, 5, 15, 102, 148, 225,
 236, 557, 906.
Кабрановъ 137.
 Кавендишъ 433, 727.
 Кавелинъ Д. 646.
 Кайдановъ 543.
 Каламъ 745—6.
 Калашниковъ 727.
 Калкгувъ 387, 390.
 Каминцевъ 785.
 Канцеллоръ 105.
 Кантемиръ, кн. 534, 592.
 Капнистъ И. И. 862.
 Капнистъ В. В. 196, 421.
 Капюдистрія, гр. 141—3, 159, 160.
 Капустянскій 267, 541, 628.
 Карръ, ген. 291.
 Каразина А. В. 687, 688, 691, 716,
 731, 747, 769, 793, 862, 865,
 868, 870.
 Каразина П. В. 687, 784.
 Каразинъ А. 685—7, 770, 850, 862.
 Каразинъ Вас. Вас. 687, 670.
 Каразинъ Вас. 770.
 Каразинъ Е. В. 687.
 Каразинъ И. 188, 199, 214, 278,
 293, 297, 614, 668, 685, 687,
 805.
 Каразинъ Н. А. 356, 560, 685, 686.
 Каразинъ Н. В. 687, 770.
 Каразинъ Ф. В. 122—3, 404, 545,
 568, 687, 849, 850, 866—7, 870,
 876, 883.
 Карамзинъ Н. М. 107, 162, 428, 558,
 566, 567, 571, 759, 893.
 Каретниковъ 901.
 Кандалинцевъ 678.
 Карлъ XII 60, 138.
 Карлѣвъ Е. В., попеч. 736.
 Карлѣвъ З. Я., попеч. 148, 562,
 563, 726, 735, 736.
 Карловъ П. Н. 187, 278, 297.
 Карловъ С. О. 603.
 Карловъ 678.
 Картаковъ А. Г. 786.
 Картвелинъ 461.
 Каховскій М. И. 758, 763, 767, 810.
 Каченовскій М. Т. 754.
 Квитка А. О. 183, 185, 187, 199,
 213, 229, 296, 329, 341, 367,
 701, 720.
 Квитка Г. О. 600.
 Квитка 601.
 Келлеръ 682, 896.
 Кеппень К. И. 625, 753.
 Кеппень Каролина Ив. 755.
 Кеппень П. И. 514, 742, 591—593,
 751, 754, 755.
 Керзеномъ 385.
 Кингъ 379, 387.
 Киселевъ, гр. 869.
 Кипферлинъ 508.
 Кирилловъ 426, 591, 752.
 Кирхгофъ 444, 482.
 Киселевъ, гр. 754.
 Кистеръ В. И. 466.
 Клеркъ 102, 103, 109.
 Клингеръ 653.
 Княжевичъ 787.
 Княжнинъ 162.
 Ковалевская А. П. 862.
 Ковалевскій А. П. 212, 278, 280,
 296, 298, 341, 913.

Ковалевскій К. К. 467.
 Ковалевскій М. М. 862.
 Ковалевскій М. Г. 785.
 Ковалевскій П. А. 862.
 Ковалевскій П. И. 188, 199, 212,
 278, 280, 296—298, 341, 617,
 627.
 Ковалевскій П. 196, 278.
 Ковалевскій Ф. 188, 278, 280, 296,
 297.
 Ковалевскій 631.
 Ковалѣвскій М. И. 913.
 Ковальчинскій 373, 377.
 Козодавлевъ 194, 232, 300, 702,
 709, 761, 893.
 Коллинсъ 105.
 Колмаковъ 754.
 Кондорсъ 173, 309.
 Кондратьевъ В. И. 267, 629.
 Кондратьевъ М. А. 627.
 Кондратьевы 601.
 Конисскій 827.
 Коновницынъ П. П., гр. 263, 300,
 756, 889.
 Коростовцовъ 754.
 Корсакова А. Т. 862.
 Корсаковъ В. В. 862.
 Корфъ, бар. 604.
 Коттъ 401.
 Котляревскій П. С. 371—2.
 Костроминъ Д. Г. 232, 300.
 Костомаровъ 865.
 Коцебу 372.
 Кочубъ В. П. 118, 120, 123, 154,
 157—160, 330, 562, 621, 626,
 629, 630, 632—3, 645, 656,
 677, 708, 735, 740, 749, 757—9,
 890, 904.
 Краузе 244.
 Крафтъ 383, 385.
 Крашенинниковъ 398.
 Крекшинъ 238.
 Кременецкій 698.
 Кригеръ, ад. 658, 901.
 Кроиеръ 137.
 Кролау 811.
 Кромеръ 165—167, 828—9.
 Кругенштернъ 433.

Кудрицынъ Ө. 881.
 Кузинъ К. Н. 508, 862.
 Кунинъ 727.
 Кукольникъ 129, 134.
 Куколь-Яснопольскій 538, 539.
 Куликовская А. Н. 909.
 Куликовскій И. Е. 627, 722.
 Куликовскій М. М. 188, 278, 297.
 Куликовскій 723, 781.
 Кулибинъ 727.
 Кумани Н. М. 869.
 Купферъ 852, 854, 856, 858.
 Курбскій, кн. 101, 557, 567.
 Курисъ И. О. 188, 297.
 Куракинъ А. В. 438, 619, 886.
 Кусонъ 709.
 Кутузовъ М. Л., кн. 263.
 Кюгельбенъ 682.
 Кюхельбекеръ 154—6.
 Лобановъ-Ростовскій И. А., кн. 809,
 811.
 Лабенскій 682.
 Лавровъ И. П. 156, 709.
 Лавровскій Н. А. 866.
 Лавуазье 396, 431, 433, 727.
 Лагарпъ 144, 657.
 Ладомирскій В. Н. 862.
 Лажечниковъ 572.
 Лаксманъ 203.
 Ламаркъ 401.
 Ламберти 341, 350—1, 353.
 Ланге П. И. 299.
 Лангъ 660, 753.
 Ланцадотти 428.
 Лапласъ 463.
 Ласъ-Казасъ 118.
 Латуръ 503.
 Лашкарель А. С. 468.
 Лебедевъ, прот. 594.
 Левекъ 102—3, 112, 238, 321.
 Левшинъ В. А. 232, 279, 293, 300,
 344.
 Левшинъ С. А. 188, 199, 278, 280,
 296—7, 340—1, 343—4, 350.
 Леклеркъ 100, 102, 305—6, 319,
 320, 323, 335, 338.
 Леяковъ И. М. 786.
 Лепехинъ 398, 427.

- Лейбницъ 134.
 Лейтголь 461.
 Ливдль 124, 130.
 Ливней 219.
 Липскій 124.
 Лобейко 743.
 Логачевъ В. 849.
 Логачева Е. 845—6, 849.
 Логачева О. 849.
 Логачева С. 846, 849.
 Логачевъ А. 849.
 Логачевъ Амвр. 849.
 Логачевъ Н. 849.
 Лодеръ Х. И. 461.
 Локкъ 304.
 Ломакинъ В. М. 202, 306, 694.
 Ломяковский В. Я. 196, 212, 231, 266, 298.
 Ломоносовъ 287, 392, 399, 559, 569, 572.
 Лонгиновъ 778.
 Лосевъ Н. В. 187, 199, 278, 297, 340—2, 344—5.
 Лѣсницкій Д. Н. 188, 297.
 Любомирскій, кн. 137.
 Лютеръ 313.
 Мабли 303, 320, 331.
 Магницкій 148, 699.
 Македонскій М. С. 341, 353.
 Малербъ 225.
 Мальтусъ 385, 387, 390.
 Мальцевъ И. А. 247, 295.
 Мангили 442.
 Марія Николаевна, Вел. Кн. 836—7.
 Марковъ В. И. 187, 297.
 Маркграфъ, хм. 209.
 Маркусъ, д-ръ 895.
 Мартыновъ 653.
 Марченко В. Р. 436, 732.
 Масалитиновъ 493, 603.
 Массонъ 144.
 Масюковъ С. П. 215, 299.
 Матесъ 199, 232, 658, 663, 675.
 Маттей, проф. 706.
 Мацкевичъ 123.
 Майшландъ 385.
 Мезонъ Я. Я., гр. 212, 298.
 Мелетій, архіеп. 171, 593, 596.
 Меньшиковъ, кн. 160.
 Меранди 796, 818.
 Мечниковъ 785.
 Мейеръ П. Ю. 627.
 Миллеръ 101, 103, 127, 561.
 Милосъ 341.
 Минихъ 559.
 Минстеръ Ю. 278—280, 296, 299, 341, 344.
 Михайлъ Павловичъ, Вел. Кн. 772.
 Михайлъ Теодоровичъ, Царь 101, 236, 243, 312.
 Михайловъ 595.
 Михайловичъ А. В. 212, 298.
 Михельсонъ 137.
 Модерахъ К. Ф. 104, 232, 300.
 Можневскій 834.
 Молчановъ, ст.-секр. 61, 646.
 Монтеъ 225.
 Мантескье 161.
 Мордвиновъ А. Н. 803.
 Мордвиновъ Н. С. 345, 515.
 Мордвиновъ 641.
 Мореловскій 300.
 Морортъ 364.
 Мочульскій 104, 188, 199, 278, 296, 297, 341, 344.
 Мольеръ 331.
 Мудрова С. Х. 771.
 Мудровъ М. Я. 461, 770.
 Муравьевъ-Апостоль 514.
 Муравьевъ М. Н. 628, 653, 757, 877.
 Муральтъ 745—747.
 Муратовъ В. Г. 232, 554, 727, 746, 748, 903, 909, 910.
 Мурзакевичъ 592.
 Мусина-Пушкина, граф. 709.
 Мусинъ-Пушкинъ А. А., гр. 203.
 Мухановъ С. Н. 773—4.
 Мухинъ М. А. 299.
 Мухинъ, проф. 767.
 Наврозовъ 641.
 Надаржинскіе 605.
 Наполеонъ I 57—8, 60, 118, 141, 143, 153, 429, 693, 858.
 Нахимовъ 807, 811.
 Невилль 105.
 Невѣдомскій А. А. 232.

Неклюдъ Н. В. 278, 294, 299,
617, 628.
Неплюевъ Н. С. 187, 297.
Нессельроде К. В. 771.
Никитинъ А. 896.
Николай, аббатъ 148.
Николай I 157, 568, 776, 842, 853,
862.
Новосильцевъ Н. Н. 8, 300, 636,
639, 647—8, 650, 652—3, 655,
657, 682.
Новосильцевъ Н. О. 640.
Огинскій, кн. 828.
Озерецковскій, акад. 398.
О'Конноръ 227.
Ольденбургеръ I. О. 754.
Орловъ-Денисовъ В. В., гр. 595.
Осиповскій, проф. 639, 641, 660,
753.
Павель I 72, 335, 385, 388, 609,
610, 612.
Павловъ О. М. 378, 722—3.
Павловы 601.
Павловскій 595.
Паласаъ 112, 398, 427, 514.
Паленъ, гр. 15, 16.
Палицынъ Авр. 312.
Палицынъ А. А. 357, 605, 631,
759, 882—3.
Панаевъ В. И. 572.
Пасианъ-Оглу 48.
Паскевичъ С. Ф. 584, 587.
Пассекъ В. В. 587.
Пауловичъ К. П., проф. 862.
Пашенко И. Т. 299.
Переверзевъ 887.
Перекрестовъ, полк. 493, 602.
Персидскій Г. В. 344, 350.
Персиковъ А. И. 503.
Петти 385.
Петръ I 5, 15, 19, 25, 60, 64, 99,
106, 135, 138, 172, 238, 314,
322, 364, 383, 420, 423, 426,
449, 468, 514, 556, 559, 561,
735, 758, 776, 792, 805, 851.
Петръ II 906.
Пильграмъ 428, 463.
Писемскій П. А. 188, 297.

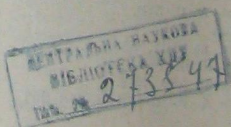
Пискуновскій П. Ф. 215, 278, 280,
291, 298, 341, 344.
Платеръ 137.
Платовъ 783.
Платоновъ И. В., проф. 912.
Подебаръ 857—8.
Погодинъ М. П. 590—1, 599, 752,
768, 865—6, 914—15.
Подгоричани-Петровицъ Е. Ф., гр.
278, 280, 296, 299, 584, 722—4,
780—2, 784—5, 789—792,
795—7, 801—2, 818, 819, 833,
834, 893.
Подгоричани-Петровицъ, граф. 786,
790, 802, 807, 810, 825—6,
834.
Подкованцевъ Д. И. 242, 300.
Поздняковъ 735.
Познавскій I. 187, 278, 296, 341,
344.
Поклонскій Р. Ф. 627.
Полевой К. А. 404.
Полторацкій Д. М. 267, 300.
Попе 300.
Поповицъ 867.
Поповъ В. С. 299.
Потемкинъ-Таврическій 375, 706.
Потоцкій С. О., гр. 119, 633—4,
638—642, 648—650, 655, 726,
880.
Похвистневъ И. Д. 278, 293, 299.
Прево А. М. 553, 709.
Пристлей 431, 433, 727.
Прокофьевъ 682.
Пуа-де-Баръ 300.
Пуассонъ 463.
Пупкаловъ И. А. 744.
Пупыкинъ К. И. 862.
Пуффендорфъ 304, 309.
Пушкинъ А. С. 154—156.
Пушкинъ Ан. 708.
Пфейль 472.
Разладинъ 101.
Разумовскій А. К. 345, 359.
Расияъ 331.
Рахмановъ Гр. Н. 290, 293, 300.
Райковичъ Д. С. 199, 298.
Райковичъ Н. Д. 199, 212.

- Реманъ О. И. 545.
 Реманъ О. О. 344, 353, 445, 457.
 Рейсъ Ф. Ф. 296, 300, 344, 350, 444, 457.
 Рейтъ Г. 244.
 Ривароль, гр. 141.
 Рижскій И. С., проф. 639, 658, 660, 880, 901.
 Рикордъ П. И. 344, 353, 360.
 Рихманова 852.
 Рихтеръ В. М. 428.
 Рашелье Е. О. 202, 232, 266, 300, 887.
 Роберти 595, 862.
 Ровандъ 264, 271.
 Рогинскій 787.
 Роговъ 118, 121.
 Родзянка М. П. 299.
 Разіе 225, 419.
 Ролленъ 313.
 Романовъ А. 344, 352.
 Романовъ С. 344, 350, 352.
 Ромъ 728.
 Ростовцевъ 653.
 Румовскій 427.
 Румфордъ, гр. 293, 455, 716, 902.
 Румянцева Н. П., гр. 300, 341, 350.
 Румянцевъ-Задунайскій П. А., гр. 3, 356, 438—9, 559.
 Руссо 89, 303, 521, 717, 741.
 Рычковъ 398.
 Рѣпнинъ, кн. 886.
Савичъ Д. А. 627.
 Савичъ М. А. 295.
 Савичъ Н. А. 187, 278, 280, 296—7, 299.
 Солтыковъ Н. И., кн. 719, 891.
 Самборскій А. А., проф. 188, 297.
 Сангушко 828.
 Савдуновъ Н. Н., проф. 709.
 Сафоновъ Д. Н. 187, 199, 297.
 Селивановъ Т. И. 765, 783, 784, 787—9, 808.
 Сестренцевичъ 124, 556.
 Скалонъ А. А. 212, 298, 341, 344.
 Скарятинъ Я. Ф. 299.
 Сковорода Г. С. 605, 754, 913.
 Скоресби В. 441.
 Смагнянъ П. Е. 187, 199, 297, 344.
 Соболевскій 211.
 Соколовскій 286.
 Сологубъ, гр. 137.
 Соляниковъ М. Г. 786.
 Сошцевъ 641.
 Сосюръ О. 401, 444.
 Сошальскій Д. Ю. 627.
 Сперанскій М. М. 8, 757, 699, 777, 843, 851.
 Сребряковъ 646.
 Срезневскій И. И. 787—8, 817.
 Станиславскій Н. Г. 299.
 Сталь 442.
 Старовъ 727.
 Стась 494.
 Стевень 344, 353, 869.
 Стадлеръ 783.
 Стойковичъ А. И., проф. 188, 192, 199, 200, 230, 290, 300, 344, 868.
 Страденбергъ 101.
 Стремоухова А. А. 229.
 Стремоуховъ Н. С. 187, 213, 215, 291, 297.
 Стройновскій В. В., гр. 11, 232, 302, 306, 691.
 Струйкъ 385.
 Суворовъ 3.
 Сумароковъ 514.
 Сухановъ Г. Г. 862.
 Суходубскій Т. П. 350, 353.
 Сухомлиновъ 350, 503.
 Сѣренко И. 600, 910.
 Сявцилло И. А. 845—6, 850.
Таарупъ 385.
 Тарановъ А. С. 196, 202, 212, 298.
 Татищевъ 101, 317, 332, 426.
 Тайлоръ 500.
 Тевяшевъ, пол. 604.
 Тенаръ 282.
 Терембергъ 345.
 Терланъ Г. И., проф. 245.
 Тимковскій И. О., проф. 638—9, 641, 647, 649, 658, 660, 663., 672.
 Тихонскій Е. Я. 231, 299, 629.
 Томсонъ 264, 271, 282.

Толчій 809, 811.
Торнель 710.
Траверсе 136, 137.
Тройницкій А. Г. 911—12.
Трубецкой П. И., губ. 795, 799, 809, 810, 812, 813, 817, 820.
Трофимовскій 715.
Трошинскій Д. П. 15—17, 212, 266, 298, 616, 618, 884.
Тургеневъ 551.
Туманскій 315.
Тэръ 192, 300, 349, 492, 901.
Уваровъ Ф. П. 352.
Уваровъ С. С. 745, 864.
Урусовъ 709.
Урюкинъ Е. Е. 628, 661.
Успенскій Г., проф. 243.
Ушинскій В. Г. 344, 353.
Ушинскій В. Г. 739.
Фаберъ Г. 108.
Фабръ А. Я. 592.
Федоровъ 733.
Фелленбергъ 192, 225, 300, 350, 707, 886—7.
Фенелопъ 331.
Ферранъ 145.
Феслеръ Х. И. 356.
Филиппъ, митр. 567.
Финкъ 674, 676.
Фишеръ 344—5, 350, 353, 359, 367—8, 785.
Фичьеръ 868.
Фокъ М. Я. 156.
Фоксъ 315.
Фотіевъ В., прот. 625, 627, 881.
Фотіевъ С. В. 783.
Франклинъ 323, 728.
Фреженвилля 442.
Фрондингъ 247.
Фусъ, акад. 436, 747.
Хальниковъ 595.
Хвостовъ А. С. 570.
Херасковъ 107.
Хилковъ, кн. 101, 553—4.
Хлоповъ П. Н. 187, 296.
Ходаковскій 585, 588.
Хорватъ Д. И. 188, 199, 278, 297, 540.

Хорватъ О. И. 183, 188, 199, 215, 293.
Хорватъ 720, 760, 859.
Хорисъ 754.
Христофоръ, архіеп. 684.
Хрущовъ А. Д. 678, 862.
Ценкеръ А. А. 300.
Цимсенъ 683.
Цоликафферъ 124.
Цѣликовъ 795.
Цѣцшевскій 125, 129.
Чаговцевъ 796.
Чарторыйскій А. А., кн. 35, 41, 125, 142, 648, 653, 657, 700, 879.
Чаушанскій 595.
Чеботарева С. И. 771.
Чекаловъ М. П. 212, 278, 280, 295, 296, 298.
Черевоненскій Мих., свѣщ. 695.
Черемисиновъ С. Л. 278, 299.
Череповъ П. К. 352, 887.
Чернышъ 212, 298.
Чернышевъ, гр. 439.
Черскій 573, 580.
Чертковъ Д. В. 212, 278.
Чесменскій А. А. 232, 270, 300.
Чичаговъ 136.
Чичеринъ П. Н. 215, 299.
Шадъ В. 874—5.
Шадъ, проф. 123.
Шадурскій 137.
Шамбо И. П. 742.
Шандро 108.
Шанпъ, аббатъ 306.
Шанталъ, гр. 192, 203, 225, 282, 292, 300, 443, 707, 901.
Шатобрианъ 142.
Шведенбургъ 127.
Шванскій, прот. 605, 753.
Шварценбергъ 265.
Шварцъ 139.
Шевичъ И. 278, 296, 299, 341.
Шевыревъ С. П. 865.
Шелеховъ 666.
Шеншинъ 788.
Шереметевъ 559, 603.
Шереръ 461.

- Шидловскій Г. Р. 183, 185, 196,
199, 212, 278, 298, 341, 629.
Шидловскій М. Р. 627.
Шидловскій Н. 540.
Шидловскій О. 602.
Шидловскій 601, 604, 605.
Шилеръ 162.
Ширяевъ А. С. 590—1.
Шышкинъ 137, 607.
Шышкинъ И. М. 658, 660—664.
Шышковъ А. С. 16, 566.
Шлегель 310.
Шлецеръ 103, 112, 385, 561, 590.
Шмитъ А. А. 232.
Шмитъ К. Ф. 299.
Шоршъ 385, 387.
Штейнбокъ, гр. 877.
Шторхъ 111, 112, 144, 307, 310,
322—4, 329, 331, 334, 336—7,
423.
Штофельнъ 560.
Шубертъ 225.
Шульцъ И. П. 356, 625.
Шуманъ 350.
Щербатовъ А. Г., кн. 340.
Щербатовъ М. М., кн. 325.
Щербатовъ, кн. 555.
Щербининъ А. А. 350, 353.
Щербининъ Д. П. 626.
Щербининъ 354, 631.
Щербининъ, губ. 604.
Эбелингъ 324.
Эвфеманъ А. Ф. 353.
Эли А. С. 187, 199, 214, 229,
230—1, 266, 276, 278, 280,
295—7, 341, 354.
Юнгъ 225, 227, 330, 682.
Юни 646.
Юнкертъ 788.
Юнкеръ, ад. акад. н. 604.
Юсуповъ Н. В., кн. 266, 299.
Юсуповы 517.
Ягужинскій, гр. 646.
Якоби 506, 853, 857—9.
Яковлевъ А. А. 743.
Яновскій, проф. 754.
Ярославскій П. 628.
Оедоровъ В. М. 572.
Оеоктистъ, архіеп. 202, 885, 887.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
717	12 снизу	tems	temps
727	9 »	Кевиндайтъ	Кавендишъ
»	7 »	axigène	oxigène
728	1 »	De l'électricité	De l'électricité
731	22 »	графу А. А. Аракчееву	В. Г. Анастасевичу
»	9 »	récoltes	récoltes,
»	7 »	à même	à même
»	5 »	obtiens	obtient
»	4 »	Impériale	impériale
766	6 сверху	St—Pétrsbourg	St—Pétersbourg
»	13 »	tems	temps
»	13 снизу	parenteses	parenthèses
»	10 »	m'enformer	m'informer
»	6 »	Prevez	Prenez
835	18 »	euxmêmes	eux-mêmes
»	15 »	digné	digne
»	10 »	totolement	totalement
»	7 »	faisceau	faisceau
»	» »	ayeus	ayeul
»	» »	indestruetible	indestructible
835	6 »	forees	forces
»	» »	appiniantrement	opiniâtrement
»	» »	recoustruire	reconstruire
878	3 сверху	fest—entschlossen	festentschlossen
»	17 »	oublier	oublié
»	18 »	semési ci	semés ici
»	17 снизу	couscience	conscience
»	11 »	correspondence	correspondance
879	10 »	endaignant	en daignant
»	1 »	calculer	calculer;
880	3 сверху	sou venir	souvenir

ВЫШЛИ

въ свѣтъ слѣдующія изданія, вызванныя 100-лѣтнимъ юбилеемъ Харьковскаго университета.

1. Проф. Д. И. Багал'ѣй, Н. Ѳ. Сумцовъ и В. П. Бузескуль. Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета. Съ портретами первыхъ университетскихъ дѣятелей. Цѣна 2 руб.
2. Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Харьковскаго университета въ связи съ исторіей факультетовъ и кафедръ:
 - Т. I. Историко-Филологическій факультетъ. (Исторія факультета. Біографическій Словарь). Подъ ред. проф. М. Г. Халанскаго и Д. И. Багал'ѣя. Цѣна 2 руб. 50 коп.
 - Т. II. Физико-Математическій факультетъ. (Исторія факультета. Историческіе очерки кафедръ. Біографическій Словарь). Подъ ред. проф. И. П. Осипова и Д. И. Багал'ѣя. Цѣна 3 руб.
 - Т. III. Юридическій факультетъ. (Исторія факультета. Біографическій Словарь). Подъ ред. проф. М. П. Чубинскаго и Д. И. Багал'ѣя. Цѣна 1 руб. 50 коп.
 - Т. V. Медицинскій факультетъ. (Исторія факультета. Историческіе очерки кафедръ. Біографическій Словарь). Подъ ред. проф. И. П. Скворцова и Д. И. Багал'ѣя. Цѣна 4 руб.

Во всѣхъ 4-хъ томахъ помѣщены портреты профессоровъ и преподавателей. (Фотоітіпія Фишера въ Москвѣ).

3. Исторія ученыхъ обществъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета. Цѣна 1 руб. 50 коп.
4. Проф. Д. И. Багал'ѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета по неизданнымъ источникамъ. Съ портретами и видами. Т. I-й. 1802—1815 г. Цѣна 6 руб. Т. II-й (1815—1835 г.). Цѣна 6 руб.
5. Собраніе сочиненій и писемъ В. Н. Каразина подъ ред. проф. Д. И. Багал'ѣя. Съ портретами. Изданіе университета. Цѣна 4 руб. Вся выручка поступитъ на образованіе преміи имени В. Н. Каразина для студентовъ университета.

Для бывшихъ и настоящихъ студентовъ на всѣхъ изданіяхъ въ складѣ уступка 30%.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:

Харьковъ, университетъ, историческій архивъ (противъ собора), у Е. М. Иванова (отъ 10 до 3 час. дня). Имѣются на продажѣ въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

СВЕРХЪ ТОГО КЪ ЭТОЙ СЕРІИ ОТНОСЯТСЯ:

6. Н. Тихій. В. Н. Каразинъ, его жизнь и общественная дѣятельность. Цѣна 1 руб. 50 коп.
7. *Его же.* В. Н. Каразинъ, виновникъ учрежденія университета въ Харьковѣ. Цѣна 30 коп.
8. Альбомъ къ столѣтнему юбилею Харьковскаго университета, изданіе А. М. Иваницкаго, съ объяснительнымъ текстомъ проф. Д. И. Багал'ѣя. Цѣна 10 руб.

